

С. М. ДУБНОВ

ЕВРЕИ В РОССИИ

И

ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В ЭПОХУ АНТИСЕМИТСКОЙ РЕАКЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
Москва 1923 Петроград

КНИГА ПЕРВАЯ

ЕВРЕИ В РОССИИ

В ЦАРСТВОВАНИЕ

АЛЕКСАНДРА III

(1881—1894).

ГЛАВА I.

Российская реакция.

С начала 80-х годов XIX века политическая реакция прочно водворилась как в западных центрах еврейства—Германии и Австрии, так и в крупнейшем восточном центре—России. На Западе воскресла юдофобия в новой форме „антисемитизма“, а в России усилился режим, при котором гражданское бесправие сочеталось с уличными погромами. В Западной Европе антисемитская реакция была направлена против данной уже евреям гражданской эмансипации, а в России—против эмансипации, ожидаемой со времени либеральных реформ Александра II. Ожидания оказались напрасными. Как внезапно прервались общие реформы царя, освободившего крестьян от личного рабства, но не желавшего освободить Россию от рабства политического, так же быстро прекратились и частичные улучшения в положении евреев. Уже в 70-х годах ясно обозначились здесь черты контр-реформы¹⁾. Решительная победа реакции с момента воцарения Александра III сопровождалась таким взрывом юдофобии, какого еще не знала новая Россия. Наряду с бюрократией, решавшей еврейский вопрос в канцеляриях в полицейско-репрессивном духе, его стала решать темная народная масса на улицах: рядом с бесправием становился погром. И на Западе, и на Востоке в усилении юдофобии проявились определенные политические и социально-экономические причины, но в России причины и следствия были более примитивны, как и весь строй огромного полицейского государства, которое резко противопоставляло себя правому государству Запада.

Социально-экономические причины нового антиеврейского движения в России имели сходство с западными только в одном от-

¹⁾ См. Дубнов, Новейшая история еврейского народа (1789—1881 г.) стр. 544—555, в издании 1914 г.

ношении: и здесь, и там недовольство вызывалось быстрым „вторжением“ евреев в христианское общество и в привилегированные профессии. Льготы, данные при Александре II еврейскому крупному купечеству, усилили конкуренцию в развившемся тогда российском гряддерстве—насаждении фабрично-заводской промышленности¹⁾, строительстве железных дорог, учреждении банков и разных акционерных предприятий. Льготы же евреям с высшим образованием вызвали конкуренцию их с христианами в области свободных профессий—врачебной, адвокатской, инженерно-технической и отчасти литературной, в ежедневной прессе. Подъем некоторых групп еврейского общества по социальной лестнице встретил отпор со стороны однородных русских групп, и только лучшая часть русской интеллигенции охотно принимала образованного еврея в свою среду. Развилась юдофобская пресса, поощряемая казенными субсидиями. „Новое Время“ в Петербурге, „Валенский Вестник“, „Киевлянин“ и „Новороссийский Телеграф“ в провинции—вели бессовестную юдофобскую пропаганду. „Новое Время“ пустило в ход крылатое слово: „Жид идет!“—тревожный клич о социальном росте тех, которые еще недавно стояли вне гражданского общества. Эта же газета поместила на своих столбах дамфдет отца немецкого антисемитизма Марра о „победе еврейства над германством“ и предсказывала такое же победное шествие Израиля в России (1879).

Столкновению на верхах общества соответствовало более грубое столкновение в низах. Здесь, в особенности на юге России, экономическая борьба начинает проявляться в формах, напоминающих времена гайдамачины на Украине. После освобождения крестьян массовый еврей пришел в более близкое соприкосновение с крестьянином, так как между ними уже не стоял прежний властелин деревни—помещик. Те сельские и городские евреи, которые раньше кормились около помещика, „порица“, в качестве посредников по сбыту сельских продуктов, имели теперь дело непосредственно

¹⁾ Благополучие еврейской буржуазии больше подвиглось в южных, чем в северо-западных губерниях. По официальной статистике 1871 г., в трех юго-западных губерниях (Киевской, Волынской и Подольской) числилось 721000 евреев, из которых 86% жили в городах, а 14% в селах. В их руках находились 27 из 105 сахарных заводов, 619 из 712 винокуренных заводов, 5700 из 6353 мельниц. Ежегодное производство всех промышленных заведений, содержащихся евреями, оценивалось в 70 миллионов. См. Нов. Ист. евр., указ. изд., стр. 549, примеч.

с мужиком-земледельцем, ставшим хозяином своего труда. Скупка сельских продуктов в деревнях и на городских рынках и обмен их на городские товары производились в Западной России преимущественно евреями, которые в своей массе, сдавленной в „черте оседлости“, были прикреплены к мелкой торговле и ремеслам. Между мелким производителем-земледельцем и торговым посредником не могли не возникать столкновения, которые приобретали особенно острый характер, когда сделки между ними совершались в содержимых евреями кабаках, и крестьянский хлеб обменивался на еврейскую водку,—позорное наследие польского панства и русского пьянства. Такие же столкновения возникали между евреями и русскими мещанами, их конкурентами по части мелкого базарного торга в городах черты оседлости. Эта знакомая картина Украины времен Хмельницкого и гайдамачины сохранилась на той же территории и в „эпоху великих реформ“, которые вовсе не коснулись культуры раскрепощенного крестьянина и оставили его коснуть в невежестве, пьянстве и грубости нравов. На почве, еще насыщенной вулканическими силами старых национально-религиозных страстей и предрассудков, всякая политическая смута на верхах общества должна была отзываться в низах грозными подземными колебаниями, предвестниками катастроф. И катастрофа разразилась в тот момент, когда революционный террор в России завершился царубийством 1-го марта 1881 года.

Тут социально-экономические факторы сошлись с политическими, усилившими официальную юдофобию того времени. Революционное движение, которое могло бы быть успокоено уступкою „правовому порядку“ или конституции, все более разгоралось. К концу 70-х годов оно натолкнулось на полицейский террор и перешло в красный террор. Непрерывные покушения на жизнь „паря-освободителя“ Александра II создали в народе крайне тревожное настроение. Участие группы образованной еврейской молодежи в революционном движении вызвало гнев в правящих кругах: возмущались тем, что одаренная „льготами“ еврейская интеллигенция бунтует, как будто борны за равенство могли быть удовлетворены личными привилегиями, усугублявшими неравенство. Крепко убеждение, что реформы вообще вредны и развращают народ, который после одной уступки со стороны власти требует дальнейших. Колебавшийся между уступками и репрессиями Александр II в последний год своей жизни склонился к „умиротворению“, а назначенный

им министр-диктатор Лорис-Меликов должен был осуществить это принуждение власти с обществом путем „диктатуры сердца“. Был намечен суррогат конституции, в форме привлечения земских гласных к участию в законодательных совещаниях. Но посреди этих приготовлений к уступкам произошла катастрофа 1-го марта 1881 г. В группе террористов, подготовивших убийство Александра II, оказалась одна еврейка—Гезя Гельфман, игравшая второстепенную роль в деле: она содержала конспиративную квартиру, как сожительница одного революционера ¹⁾. В полидейских сферах это заметили и сделали отсюда надлежащий вывод.

На обгаренный кровью престол вступил Александр III, неограниченный монарх с самым ограниченным умственным кругозором. Человек старорусского склада, ревнитель православия и русской народности, он разделил обычные предубеждения своего круга против евреев. Еще будучи наследником, он выдал награду известному авантюристу Лютостанскому, который поднес ему свой гнусный памфлет „Об употреблении евреями христианской крови“. Черная из подобных книг свои сведения об еврейской религии, будущий царь судил об экономической роли евреев по скандальному процессу поставщиков вытвендачества во время русско-турецкой войны ²⁾. Других сведений об еврействе не имел будущий властелин миллионов евреев. Своим общим политическое воспитание Александр III получил под руководством яркого реакционера Победоносцева, бывшего профессора московского университета, ставшего обер-прокурором „святейшего Синода“. Преподавая наследнику русского престола государственные науки, бывший профессор гражданского права успел укоренить в его уме начала гражданского бесправия. Победоносцев сумел внушить своему питомцу представление об идеальном церковно-полицейском государстве, где православный русский народ не „разращен“ просвещением и политической свободой, боится Бога и царя, чуждается инородцев

¹⁾ Приговоренная по процессу о царевубийцах (Рысаков, Желябов, Перовская) к смертной казни, Гельфман была оставлена в тюрьме вследствие ее беременности, после рождения ребенка, которого отняли у матери, она умерла в тюрьме. См. „Дело 1 марта 1881 г.“, Спб. 1906; „Былое“ 1906 г., № 3 (ст. „Далекое и недавнее“).

²⁾ Там-же, стр. 554—555. Ср. судебный отчет „Дело Цедербаума с Лютостанским“ в „Рассвете“ 1880 г. № 39, 46—52. Защищавик Лютостанского неоднократно смыкался в суде второй инстанции на подарок наследника с пелью святы с ползащитного властью недобросовестности.

и иноверцев и поставлен в положение господствующей нации. Принцип „Россия для русских“ крепко засел в мозгу Александра III, и он потом неуклонно проводил его в своей политике. После события 1-го марта новый царь недолго колебался между противоположными советами своих сановников, из которых либералы предлагали дать стране умеренную конституцию, а реакционеры настаивали на сохранении строгого режима самодержавия и прекращении реформ. Победила партия „великого инквизитора“, Победоносцева: решено было всею силою власти поддерживать режим полицейского государства. Царский манифест 29-го апреля, написанный Победоносцевым, возвестил народу тоном небесного откровения: „Глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять“. Царь призывал всех верных подданных „к искоренению крамолы, к утверждению веры и нравственности“. Вместо европейской парламентской конституции, царь скоро даровал России конституцию жандармскую — знаменитое „Положение об усиленной охране“ (август 1881 г.). В силу этого акта, в столицах и многих провинциальных городах сатрапам — губернаторам и генерал-губернаторам — предоставлялась почти неограниченная власть: право издавать исключительные законы, отменяющие нормальный закон, арестовывать и ссылать в Сибирь всякого гражданина, подозреваемого в „политической неблагонадежности“, и вообще распоряжаться судьбой жителей по своему усмотрению. Эта великая хартия вольностей, дарованная полиции против граждан, впоследствии ежегодно возобновлялась особыми царскими указами, которые распространяли право административного произвола на все новые губернии. Полицейская конституция 1881 года пережила бумажную думскую конституцию 1905 года и регулировала жизнь России вплоть до весенней революции 1917 года.

Цареубийство 1-го марта естественно толкало на путь реакции не только правительство, но и большую часть русского общества, мапуганного призраком анархизма. Послышался возглас: „Ищите еврея!“ Все враждебнее к евреям становился тон консервативных органов печати. Тотчас после события 1-го марта, „Новое Время“ и провинциальные газеты, субсидируемые правительством, стали намекать на участие евреев в этом террористическом акте, а вскоре в южных газетах появилась тревожные слухи об ожидаемых нападениях на евреев. Какое-то зловещее брожение замечалось в низах рус-

ского народа, а сверху чьи-то невидимые руки толкали народную массу на большое преступление. Таинственные эмиссары из Петербурга появлялись в больших городах юга России (Елисаветград, Киев, Одесса) еще в марте и вели с высшими начальниками полиции секретные переговоры относительно возможного «взрыва народного негодования против евреев» на почве экономической, причем намекали на нежелательность противодействия народу со стороны полиции. В вагонах и на станциях железных дорог стали попадаться фигуры великорусских торговцев и рабочих («зацаны», как их называют на малороссийском юге), которые говорили с простыми русскими людьми о готовящейся расправе с евреями, читали им антофобские статьи из газет и уверяли, будто есть «царский указ», разрешающий бить евреев в дни ближайшей христианской Пасхи¹⁾. До сих пор не выяснено, какая именно организация вела в народе эту пропаганду погромов и насколько была причастна к делу петербургская тайная лига савошников, под именем «Священной дружины», образовавшаяся в марте 1881 г. для борьбы с «врагами порядка» (в этой лиге, просуществовавшей до осени 1882 г., участвовали, между прочим, Победовосцев и будущий министр внутренних дел Игнатьев); но что погромы были тщательно подготовлены и организованы в самой провинции, видно было из того, что они почти одновременно вспыхнули во многих местах юга России и везде совершались по одинаковому шаблону, в смысле однообразия действий толпы и бездействия властей²⁾.

¹⁾ «Евр. Старина», 1909 г. т. II, стр. 207 и сл.; ср. там же, т. I, стр. 92; Проект зависки комиссии Палена, стр. 69 (см. ниже).

²⁾ *Chronique du mouvement socialiste en Russie, 1878—1887*— записка Шебеко, дотарухал Богучарским в статье «Священная дружина» («Речь» 1909 г., № 307); ср. журн. «Былое» 1907 г., кн. VI, стр. 305. В архиве Еврейского Историко-Этногр. Общества (коллекция Э. Б. Левина. Погромные дела, № 7) имеется документ, обозначенный в описи так: «Донесение агента Священной дружины, командированного для дознания по поводу происшедших погромов»; но из всего не видно, чтобы дружина была причастна к организации погромов. Агента пришел к убеждению, что причина антиеврейского движения на юге кроется в «несторовней силе крамолы», которая направила народ на евреев с намерением «пручить его таким путем к восстанию против правительства,—взгляд, которого и высшие сферы придерживались в начале погромов (см. дальше, гл. II). Ср. «Евр. Стар.», 1909 г., т. I, стр. 91—93; «Рассвет», 1881 г., ст. 646, 1255, 1257 и др.

ГЛАВА II.

Погромы 1881 года.

Гроза началась в Елисаветграде, большом городе Новороссии с 15-тысячным еврейским населением. Еще накануне русской Пасхи местные христиане на улицах и в магазинах говорили, что скоро „будут бить жидов“. Евреи встревожились. Полиция приготовилась к охранению порядка в первые дни Пасхи, вызвав для этого небольшой отряд войск. Первые дни праздника прошли спокойно, и на четвертый день, 15 апреля, войска были удалены с улиц. В этот-то момент и начался погром. Организаторы погрома подослали в содержимый евреем кабак какого-то пьяного русского мещанина, который произвел там скандал; когда хозяин кабака стал выталкивать скандалиста на улицу, поджидавшая там толпа русских мещан и рабочих закричала: „Жизы наших бьют!“—и бросалась избивать проходивших по улице евреев. Это был провокаторский сигнал к погрому. На базарной площади разбивались еврейские лавки, расхищались и уничтожались товары. Полиция при помощи войска с трудом рассеяла банду громил. Но на другой день погром возобновился с большой силой и плавномерностью, при подозрительном бездействии войск и полиции. Вот как это описало, на основании официального расследования, в отчете правительственной комиссии, не предназначенном для опубликования и потому свободном от обычной официальной лжи ¹⁾:

„В ночь с 15 на 16 апреля на окраинах города было сделано нападение на еврейские дома, преимущественно на питейные заведения, причем был убит один еврей. Около 7 часов утра, 16 апреля,

¹⁾ Проект общей записки высшей комиссии по пересмотру законов о евреях („Палеоловской комиссия“, стр. 63—64. Том-фолант был напечатан в 1888 г. в небольшом числе экземпляров.—Ср. „Рассвет“ и „Русский Еврей“ 1881 г. №№ 17—18, а также „Евр. Старина“, 1909 г., т. II, стр. 209 и сл.

беспорядки возобновились, разрастаясь с необычайною силою по всему городу. Приказчики, служителя трактиров и гостиниц, мастеровые, кучера, лакеи, казенные деньщики, солдаты нестроевой команды — все это примкнуло к движению. Город представлял необычайное зрелище: улицы, покрытые пухом, были завалены изломанною и выброшенною из домов мебелью, дома с разломанными дверьми и окнами, неистовствующая толпа, с криком и свистом разбегающаяся по всем направлениям, беспрепятственно продолжала свое дело разрушения, и в дополнение к этой картине — полное равнодушие со стороны местных обывателей не-еврейского происхождения к совершающемуся разгрому. Призванные для восстановления порядка войска не имели определенной инструкции, и при всяком нападении толпы на новый дом не знали, что делать, а выжидали указаний начальства или полиции. При таком отношении войска к делу, бушующая толпа, разбивая дома и лавки на глазах войска, не останавливавшего ее, не могла не прийти к заключению, что предпринятое ею разрушение есть дело не противозаконное, а разрешаемое правительством... К вечеру беспорядки усилились, благодаря прибытию в город целой массы крестьян из близлежащих деревень с целью поживиться еврейским добром. Противодействовать этим толпам было уже некому, войска и полиция выбились из сил. Все упало духом и пришли к убеждению, что с наличными средствами подавить беспорядки невозможно. Но поливший с 8 часов вечера дождь с холодным ветром в значительной степени содействовал рассеянию толпы. В 11 часов прибыло свежее войско, а 17 апреля утром еще батальон пехоты, и с этого дня порядок в Елизаветграде более не нарушался*.

Весть о легкой доставшейся „победе“ над евреями в Елизаветграде пробудила потенциальную погромную энергию, дремавшую в темных русских массах. Во второй половине апреля во многих селах Елизаветградского уезда и в некоторых других городах и местечках Херсонской губернии (Голта, Березовка, Ананьев с уездом) произошли погромы. В деревнях большею частью ограничивались разорением содержимых евреями питейных домов, причем крестьяне верили, что исполняют этим какой-то указ. В городах и местечках разрушались все еврейские дома и лавки и расхищалось имущество. В городе Ананьеве подстрекал к погрому русский мещанин Лященко, который говорил в толпе: „Евреи убили царя, и высшее правительство приказало их бить, но наше начальство

скрывает этот приказ". Подстрекателя арестовали, но толпа сбита его у полиции и затем бросилась громить евреев. Было разгромлено около двухсот домов и лавок на окраинах города, где ютилась еврейская беднота; центр же, где жили более состоятельные, охранялся полицией и воинской командой, и потому ушел¹⁾.

Движение разрасталось, — инстинкты разнуздывались. Мать городов русских, древний Киев, где евреи на заре русской истории явились носителями культуры вместе с хазарами, сделался ареной разгула диких орд. Здесь погром тщательно подготавлился тайною организацией, распространявшею в народе слухи, что евреи убили Александра II. что новый царь повелел бить их, что гражданские власти и войска будут в этом помогать народу, а уклоняющиеся от исполнения царской воли будут наказаны²⁾. Местные власти и сам генерал-губернатор Дрентельн, ярый реакционер-юдофоб, знали о готовящемся погроме и даже о назначенном для того дне — воскресенье, 26 апреля. Полиция предупредила евреев, чтобы они в воскресенье не выходили из своих домов и не открывали лавок. Евреи недоумевали: в резиденции генерал-губернатора, где сосредоточено многочисленное войско, могущее во одному знаку начальства подвзвить любой беспорядок, велят прятаться мирным гражданам, на которых готовится нападение, вместо того, чтобы не допустить самого нападения. Совет полиции был, конечно, исполнен, и в роковой день с утра евреев на улицах не было; но многочисленным бандам громил не препятствовали собираться на улицах и приступить к своему делу. Погром начался в густо населенной еврейми части города — Подоле. „В 12 часов дня, — рассказывает очевидец³⁾, — воздух вдруг огласился диким криком, свистом, гляншем, ревом и хохотом. Шла громадная масса мальчишек, мастеровых и рабочих. Вся улица была запружена босой командой. Дело разрушения еврейских домов началось. Полетели стекла, двери, и вскоре после этого стали выбрасывать на улицу из квартир и магазинов решительно все, что попадалось под руки. В воздухе закружились облака перьев. Звон разбитых стекол и рам, плач, крик и отчаянье — с одной, и страшное гиканье и рев — с другой стороны дополняли картину, напоминав-

¹⁾ Проект общей записки etc., стр. 65—66; „Рассвет“ 1881 г. стр. 788.

²⁾ Проект etc., стр. 66. Ср. „Евр. Стар.“ 1909 г., т. II, стр. 212 и сл. (воспомявшая очевидца).

³⁾ „Рассвет“ 1881 г. стр. 741 (описание, урезанное тогдашнею цензурою).

шую многим, бывшим на театре последней русско-турецкой войны, башибузукон, грабивших болгарские деревни. Скоро толпа накинута на синагогу, и несмотря на крепкие запоры, замки и ставни, синагога мигом была разнесена вся. Надо было видеть то остервеение, с каким босая команда накинута на свитки (Торы), бывшие в синагоге в большом количестве. Свитки рвались на клочки, топтались в грязь с чрезвычайным рвением. Улицы скоро переполнились трофеями разрушения. Везде валялись разбитая посуда, мебель, домашняя рухлядь и проч. Часа через два после начала погрома, большинство босой команды превратилось вдруг в порядочно одетых людей, причем многие уже казались черезчур толстыми. Дело в том, что когда разграбили магазины готовых платьев, большинство надевало на себя три, четыре костюма и, не довольствуясь еще этим, брало с собою подмышку все, что можно было запрятать. Многие уезжали на извозчиках с мешками награбленных вещей. Христианское население оградило себя от разрушительных действий босой команды тем, что на всех окнах выставило иконы, на ставнях и на воротах написало кресты. Во время погрома на улицах Подола двигались войска, раз'езжали казаки и расхаживали пешие и конные патрули. То здесь, то там показывались офицеры, проезжали генералы и высшее начальство. Вот помчалась конница к тому месту, откуда идет гул, окружила всех и предложила толпе разойтись. То она перешла на другое место. Дело разрушения продолжалось таким образом вплоть до трех часов ночи. Войска барабанили, оцепляли народ и предлагали разойтись, а толпа все ожесточеннее и яростнее нападала⁴.

В то время, как одна шайка разбойников громила на Подоле, другие свирепствовали на центральных улицах. Везде дикая, пьяная толпа („между ними нельзя было встретить ни одного трезвого“—говорит очевидец) совершала свое гнусное дело в присутствии войск и полиции, которые лишь в редких случаях отгоняли громид, а большею частью сопровождали их, составляя для них как бы почетный войвой. Иногда показывался на улицах сам генерал-губернатор Дрентельн, в сопровождении губернатора и полицеймейстера; представители власти „увещевали народ“, который при них „сохранял гробовую тишину и пятился назад“, а по уходе начальства возвращался к прерванному делу¹). Не так бы, конечно,

⁴) Ibid., ст. 740, 742 и др. Антиеврейское движение в 1881 г., „Евр. Стар.“, 1909 г. (из записки, представленной в Палеевскую комиссию).

действовали те же власти, если бы в толпе раздался хоть один революционный возглас: толпа моментально была-бы рассеяна несколькими выстрелами.

Местами вовсе не было ни войск, ни полиции, и там погромики давали полную волю своим зверским инстинктам. В предместье Клева, Демиевку, шайка громил ворвалась ночью, разрушила прежде всего кабаки, напилась водки допьяна, а затем положила еврейские дома. Под покровом ночи тут творились ужасы: многих евреев избивали до смерти или бросали в огонь, а женщин насиловали. Позднейшее частное расследование установило более 20 случаев изнасилования громилками еврейских девиц и замужних женщин; из пострадавших две только заявили судебному следователю о своем несчастии, прочие же либо конфиденциально призывали свой повор, либо скрывали, опасаясь погубить свою репутацию¹⁾.

Только 27 апреля, когда погром возобновился, власти решили положить ему конец. Где только появлялась шайка буянов, ее немедленно окружали солдаты и казаки и разогнали ее прикладами ружей; кое-где приходилось стрелять в озверевшую толпу, среди которой оказалось несколько раненых и убитых. Эта быстрота усмирения на второй день погрома еще яснее показала, что при желании власти могли прекратить эксцессы еще в первый день и подавить преступное движение в самом зародыше.

Благодаря passivности властей, допущено было разгромление около тысячи еврейских квартир и магазинов, с причинением убытка на несколько миллионов рублей, причем было убито и ранено несколько десятков евреев и изнасиловано два десятка женщин. Это называлось на официальном языке мятеж „беспорядками“, и обо всех киевских ужасах „Правительственный Вестник“ напечатал лишь следующую законическую телеграмму: „26 апреля в Киеве начались беспорядки, направленные против евреев. Нескольким евреям нанесены побои, лавки и магазины их разграблены. К утру следующего дня беспорядки, с помощью войск, приостановлены, а из числа буйствовавших задержано до 500 человек“. В дальнейших официальных сообщениях говорилось уже о 1.400 арестованных погромщиках и о нескольких

¹⁾ Архив Евр. Истор. Общ. (назв. коллекц. № 3: перечень имен пострадавших женщин).

раненых при усмирении (в том числе один гимназист и один студент), но не о еврейских жертвах ¹⁾.

Пример метрополии заразительно подействовал на всю киевскую сатрапию. Жертвою погромной эпидемии в ближайшие дни (27 апреля—5 мая) сделались около 50 деревень и несколько местечек Киевской губернии и соседних Волыни и Подолии. В местечке Смела и окрестных деревнях 10-тысячное еврейское население пережило в миниатюре ужасы киевского погрома; только на второй день (4 мая) войска прекратили в местечке буйство и грабеж, сопровождавшиеся несколькими случаями убийства и причинения ран. В близлежащей деревне была изнасилована и до смерти замучена 30-летняя еврейка, а семилетний сын другой женщины, спасшийся бегством, был зверски убит за нежелание осевить себя крестным знамением ²⁾. Так повторились в 1881 г. ужасы старой гайдамачины на ее бывлой родине, хотя и не в былых размерах. Теперь к местному малорусскому населению примешивался пришлый великорусский элемент, т. н. „вапаны“. Великорусские рабочие и „босьяки“ часто являлись зачинщиками погрома, а по окончании его они бесследно исчезали. Такая банда хулиганов прибыла по железной дороге в Бердичев, но в этом большом еврейском центре ее встретила на вокзале многочисленная еврейская стража, вооруженная дубинами, и не допустила гетролеров высидеться из вагонов, так что им пришлось уехать назад. Этот редкий случай самообороны был возможен лишь благодаря свисходительности местного полицеймейстера, который за крупную взятку разрешил евреям обороняться против грома ³⁾. Подобные попытки самообороны в других местах либо не допускались полицией, либо приводили к еще худшим последствиям. Так, в городе Конотопе (Черниговской губ.) оборона со стороны евреев заставила толпу грома перейти от грабежа к убийствам. В деревнях темные крестьяне исполняли „обязанность погрома“, будучи уверены, что сам царь возложил на них такую обязанность. В одной деревне Черниговской губернии сельский старшина стал увещевать собравшихся для погрома крестьян разойтись;

¹⁾ „Рассвет“ 1881 г., №№ 18—19. В „Проекте общей записки“ комиссия Пазена говорит: „Меры к обузданию толпы (в Киеве) не были приняты своевременно и энергично, чем объясняются огромные размеры буйства толпы“ (стр. 67).

²⁾ Проект, стр. 69—70; Архив Истор. О-ва (назв. колл. № 4).

³⁾ „Евр. Старина“, т. I, 92.

крестьяне потребовали от старшины письменного удостоверения, что они не будут отвечать перед высшей властью за неисполнение повинности бить евреев, и такое удостоверение им было выдано. Тем не менее скелетники не успокоились и хоть отчасти отбыли повинность, разорив шесть еврейских домов. В некоторых деревнях священники с трудом убедили крестьян, что „приказа бить жидов не было“¹⁾.

Завершением весенней погромной кампании был трехдневный погром в столице юга—Одессе (3—5 мал). В этом городе со столыянским еврейским населением и огромным портовым сбродом экспессы толпы приняли бы ужасающие размеры, если бы власти, наконец, не вспомнили, что они поставлены не для того, чтобы составлять почетную свиту для погромщиков, как было в Киеве. Одесская полиция и войска настигали банды грома, рассыпавшиеся по городу, и большую часть разгоняли их. Организованная еврейская самооборона, под руководством студентов местного университета, часто отгоняла разбойников от ворот еврейских домов. Но когда начались аресты в уличной толпе, полиция не отличала обороняющихся от нападающих, и в числе задержанных 800 человек оказалось 150 евреев, обвиненных в хранении „оружия“, которое состояло большей частью из дубинок и железных палок (револьверы оказались лишь у немногих). Всех арестованных посадили в три баржи, выведенные в море, и в этой плавучей тюрьме они содержались несколько дней. Одесский погром, выразившийся в разорении нескольких бедных еврейских кварталов, еще не удовлетворил аппетитов одичалой толпы, разгоряченной слухами о киевских „успехах“; чернь грозила новым нападением и даже резней. Паника в городе заставила многих уехать в более спокойные места или эмигрировать за границу²⁾. Такой же характер незаконченности всели происходившие одновременно погромы в некоторых уездах Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний (Александровск, Николаев, Бердянск, Орехов и др.), причем нападению подвергались и некоторые еврейские земледельческие колонии этих губерний³⁾. Погром-

¹⁾ „Проект“, 69—70; ср. „Рассвет“ 1881 г., ст. 772—773.

²⁾ Бев-А ми, Одесский погром 1881 г. („Еврейский Мир“, 1909 г. вып. V). „Рассвет“, 1881 г. №№ 19—20; „Евр. Старина“, т. II, 216—218.

³⁾ Такие „мелкие погромы“ сводились обыкновенно к простому грабежу. Крестьяне из окрестных деревень ходили в праздничные дни „на погром“ или посылали своих детей—часто малолетних, чтобы забирать еврейское добро. Одну деревенскую семилетнюю девочку, бродившую по улицам Мели-

ная энергия первого периода как-будто пошла на убыль в начале мая. В „военных действиях“ наступил перерыв, длившийся до июля того же года.

В начале мая 1881 г. на пост министра внутренних дел, вместо опального Лорис-Меликова, был назначен Н. П. Игнатьев. Вышший посол в Константинополе, втянувший Россию в турецкую войну, теперь перенес приемы дипломатических козней во внутреннюю политику. В своем программном циркуляре от 6 мая он возвестил, что главную задачу правительства составляет „искоренение крамолы“, то-есть борьба не только с революционным движением, но и с либеральным духом вообще. В связи с этим в циркуляре дана такая оценка начавшемуся на юге анти-еврейскому движению: „Движение против евреев, появившееся в последние дни на юге, представляло печальный пример того, как люди, преданные престолу и отечеству, поддаваясь внушениям злонамеренных лиц, разжигающих дурные страсти в народной массе, впадают в своеволие и самоуправство и действуют, сами того не понимая, согласно замыслам крамольников. Подобные нарушения порядка не только должны быть строго преследуемы, но и заботливо предупреждаемы, ибо первый долг правительства охранять безопасность населения от всякого насилия и дикого самоуправства“¹⁾. В этих строках высказана намеками гипотеза, державшаяся на черных прорах в петербургских высших сферах, относительно причины погромов, а именно, что анти-еврейское движение вызвано агитаторами из среды социалистов-революционеров, которые рассчитывали направить возмущение народных масс сначала против евреев, как класса преимущественно торгового, а потом против русского купечества, землевладельцев и чиновников. Правительство очевидно опасалось, что агитация „крамольников“ примешалась к агитации „людей, преданных престолу“, сторонников воинствующей национальной политики, с целью направить анти-еврейское движение „согласно замыслам крамольников“. Представитель еврейской общины в Петербурге барон Г. О. Гинцбург посетил великого князя Владимира Александровича и услышал от него сообщение, что анти-еврейские „беспорядки, как теперь обнаружено правительством,

тошала, спросили, что ей нужно в городе, и получили ответ, что бабушка послала ее из соседней деревни, сказав: „Говорят, в городе будут быть индодов, води туда и захвати платочков“ (см. Проект записки комиссии Палена: стр. 72—73).

¹⁾ „Правит. Вестник“, 1881 г., № 98; „Рассвет“, 1881 г., № 19

имеют своим источником не возбуждение исключительно против евреев, а стремление к произведению смуты вообще" ¹⁾.

Через неделю после этой беседы, депутация от еврейского общества услышала такое же мнение и от самого царя. С трепетом готовились к этой аудиенции еврейские депутаты (барон Гиндбург, банкир Зак, адвокат Пассовер и др.). Ждали царского слова по поводу обрушившейся на евреев катастрофы. 11 мая в гатчинском дворце состоялась аудиенция. Барон Гиндбург выразил „беспредельную благодарность за меры, принятые к ограждению еврейского населения в настоящее тяжелое время“, и добавил: „еще одно царское слово—и смута исчезнет“. На эвфемизм о „принятых мерах“ Александр III так же правдиво ответил, что перед ним равны все подданные. Он высказал уверенность, „что в преступных беспорядках на юге России евреи служат только предлогом и что это—дело рук анархистов“. Эта успокоительная часть ответа была опубликована в газетах, но устная молва знала и вторую часть ответа, в которой царь высказал предположение, что источник вражды к евреям кроется в экономическом „господстве“ их и „эксплоатации“ ими коренного русского населения. На робкие возражения талантливому адвокату Пассоверу и другим депутатам царь ответил: „Изложите все это в особой записке“. Записка впоследствии была составлена, но не подана, ибо спустя несколько месяцев взгляд правительства на еврейский вопрос изменился к худшему: Игнатъев решительно выдвинул теорию „эксплоатации“ для оправдания погромов и репрессий, и ему удалось затормозить подачу царю записки в защиту евреев ²⁾.

Успокоительная часть царского ответа в аудиенции 11 мая была, может быть, вызвана и желанием успокоить общественное мнение Европы. За несколько дней до гатчинской аудиенции, в англойской палате общин заговорили о преследованиях евреев

¹⁾ „Рассвет“, 1881 г., ст. 754.—О действительном отношении партии „Народной воли“ к погромам см. дальше, гл. III.

²⁾ Ibid., ст. 764; ср. „Евр. Старина“, т. VI, стр. 340 (1913 г.); Архив Евр. Истор. О-ва, колл. Левина, № 8. Записку составил М. Г. Моргулис, и в декабре 1881 г. было написано прошение на имя Игнатъева о передаче ее по назначению, но—говорится в описи Архива—„ви прошение, ни записки не были поданы министру, так что аудиенция осталась безрезультатною“. Причина повятна: осенью 1881 г. уже действовали игнатъевские губернские комиссии, составлявшие обвинительные приговоры против евреев (см. дальше, гл. III).

в России. Депутаты-евреи, барон Вормс и Вольф, спросили товарища министра иностранных дел Дилька, намерено ли английское правительство сделать представление в Петербурге относительно притеснения евреев в России (в связи со случаями недопущения английских евреев к проживанию вне „черты“) и особенно восстеснов последнего времени. Дильк ответил, что правительство еще не выяснило себе, насколько такой протест может иметь успех. А спустя два дня после гатчинской аудиенции министр лорд Гренвилль, принимая депутацию от „Anglo-Jewish Association“, указал на неудобство вмешательства со стороны Англии в такой момент, когда само русское правительство принимает меры против погромов, причем сослался на „милостивый прием, оказанный русским монархом еврейской депутации“¹⁾.

Действительность скоро показала, как далеки были царь и правительство Игнатьева от сочувствия жертвам погромов. Всем бросался в глаза тот факт, что правительство, обыкновенно ассигнующее помощь населению городов, подвергшихся стихийным бедствиям, не оказало ни малейшего денежного пособия пострадавшему от погромов еврейскому населению. Такое пособие имело бы большое значение не только материальное, но и нравственное, как официальное осуждение совершенных над евреями насилий, тем более, если бы крупное пожертвование для этой цели было сделано лично царем (как это часто делалось в случаях больших пожаров или наводнений). Не только не был сделан этот шаг со стороны власти, но даже самим евреям в Петербурге не разрешили открыть публичную подписку в пользу разгромленных. Одесский генерал-губернатор отказался даже принять от еврейских капиталистов крупное пожертвование для несчастных²⁾. Зато местные власти ревностно позаботились, чтобы доказать свою солидарность с врагами еврейства. Тотчас после уличных погромов начались своеобразные погромы административные. Полиция города Киева еще в мае энергично приступила к выслеживанию евреев „незаконно“ там проживающих, и тысячами изгоняла этих „преступников“ из города. Такие же массовые выселения производились в Москве, Орле и других пунк-

¹⁾ „Рассвет“, 1881 г., стр. 794 и сл., 834.

²⁾ Архив Евр. Историч. Общества, зав. коллекция № 6 (Зависка Э. В. Левина, розданная сапожникам в июне 1881 г., стр. 1); „Евр. Старина“, т. I, 98 (1909 г.).

тах вне „черты оседлости“¹⁾. То был наглядный урок веротерпимости для простого народа, только что показавшего, во что он ценит неприкосновенность личности и собственности евреев.

Была еще надежда, что хоть реформированный суд, орган общественной совести, произнесет суровый приговор над героями погромов, но и в этом пришлось разочароваться. За открытый разбой и насилия над человеческою личностью судьи обыкновенно назначали ничтожные наказания (три месяца ареста и т. п.), как за мелкий уличный скандал или „нарушение общественной тишины“, причем наказанию подвергались также евреи, решившиеся на самособоры (как, напр., в Одессе). В Киеве же, при разборе в военно-окружном суде дела о местном страшном погроме (18 мая), прокурор суда, известный реакционер Стрельников (впоследствии убитый революционерами), произнес обвинительную речь не столько против погромщиков, сколько против пострадавших. Он доказывал, что эксцессы вызваны „еврейскою эксплуатацией“, захватом главных экономических позиций в крае, и в этом смысле задавал свидетелям-евреям коварные вопросы. Когда один из свидетелей возразил, что обострение экономической борьбы вызывается искусственною скученностью евреев в замкнутой черте оседлости, прокурор воскликнул: „Если для евреев закрыта восточная граница, то ведь для них открыта западная граница; почему же они ею не пользуются?“²⁾ Этот возмутительный в устах стража закона призыв к эмиграции, это грубое подталкивание в спину тех, которые под влиянием погромной паники уже готовились к „исходу“ из страны рабства, произвели крайне тяжелое впечатление на еврейское общество. Рухнула надежда на правосудие, ибо и оно стало орудием юдофобской политики.

Быстро иссякалось моментальное успокоение умов, вызванное тою частью царского ответа в аудиенции 11 мая, которая сделалась достойным гласности. Снова в душу евреев закралась тревога, а вдохновители погрома приободрились и решили, что пора кончить антракт в прерванном уличном спектакле. В первых числах июля началась вторая, летняя серия погромов. Очагом нового пожара был город с казацкими традициями — Переяслав (Полтавской губернии), куда после весеннего погрома в Киеве прибыло много беженцев из этого города. Увеличение еврейского населения Пе-

¹⁾ „Восход“, 1881 г., кн. V, стр. 83 (II отд.); „Евр. Старина“, I, 99.

²⁾ „Рассвет“, 1881 г., ст. 812, 855, „Восход“, 1881 г., кн. V, стр. 82 (II отд.).

реяслава не понравилось местным христианам. Исполняя евангельский завет любви к страждущим, 420 мешан христианского общества составили приговор о выселении припелевцев из этого города, а в ожидании легальной расправы решили сами „проучить“ евреев. 30 июня и 1 июля в городе произошел погром по всем правилам, хотя и без человеческих жертв. Оригинален был только эпизод погрома. В городе образовался комитет для расследования причин беспорядков, состоявший из представителей администрации, четырех христиан и трех евреев. Этому комитету были пред'явлены следующие условия перемирия с евреями со стороны мешан-христиан: чтобы еврейские гласные местной городской думы и члены прочих городских учреждений добровольно сложили с себя эти почетные звания, „как люди, лишенные гражданской честиности“¹⁾; чтобы еврейские женщины не наряжались в шелк, бархат, золото; чтобы евреи не держали христианской прислуги, которая у них „портится“ в религиозном и нравственном отношении; чтобы были немедленно выселены все иногородние евреи, спасшиеся бегством в Переяслав; чтобы евреям запретили закупать продукты в окрестных деревнях для перепродажи, торговать в воскресные дни и русские праздники, содержать кабаки и т. п.²⁾ Таким образом, разоренным евреям пред'явили еще ультиматум с угрозой продолжения „военных действий“. По обыкновению, примеру города Переяслава последовал и его уезд—местечки и деревни. Разнузданность народа, приученного безнаказанно разрушать и грабить, не знала границ. Когда в м. Борисполе перелившаяся водкою толпа буянов, готовая перейти от грабежа к резне, была остановлена полицией и казаками, она в ярости бросилась на этих необычных защитников еврейского населения и стала их избивать, пока несколько выстрелов со стороны войска не обратили буянов в бегство. Во время погрома в Нежине (20—22 июля), после напрасных попыток властей остановить буйство, войско принуждено было стрелять

¹⁾ На это наглое требование темных мешан члены-евреи с достоинством ответили: „Какая горькая насмешка! Упрекают евреев в отсутствии честиности представители тех именно людей, которые, с дубинами и топорами в руках, разбойническими шайками напали на своих мирных соседей, разграбляя их имущество!“ В таком же тоне составлены ответы на прочие требования мешан.

²⁾ „Рассвет“ 1881 г., ст. 1093, 1137—38, 1295—96; Проект комиссии Палея, стр. 73 и сл.

в разъяренную толпу, в которой оказалось несколько убитых и раненых. Тогда раздался крик: „Христианская кровь проливается; бой жидов!“—и погром возобновился с большей яростью; прекратился он только на третий день ¹⁾.

В этих последних яростных попытках истощалась энергия июльских погромов. Разбойничьи банды увидели, что полиция и войска перестали путить, и очень скоро отрезвились от своего погромного опьянения. К концу июля эпидемия вандализма прекратилась. Продолжалась только полоса пожаров во многих городах: лишенные возможности безнаказанно громить, струсившие буллы тайно поджигали еврейские кварталы. Это замечалось особенно в северо-западных губерниях (Литва и Белоруссия), где высшая власть, в лице виленьского генерал-губернатора Тотлебена, с самого начала решительно заявила, что она погромов не допустит.

От погромов весенней и летней кампании пострадало свыше ста населенных еврейми пунктов, преимущественно на юге России; но от паники, от ужаса ожидания диких насилий, страдало еврейское население повсеместно. И как в давние бедственные моменты, перед гонимым народом встал вопрос об эмиграции. Как будто для сопоставления конца XIX века с концом XV-го, на еврейской горе в России оглянувшись страна, которая в 1492 г. изгнала евреев из своих пределов: испанское правительство заявило о своей готовности принять и приютить беглецов из России ²⁾. Старая католическая Испания протянула руку жертвам новой, православной Испании. Практическая ценность этого предложения тогда же была признава ничтожною, и на очереди стал вопрос: куда направить эмиграционное движение— в Соединенные Штаты Северной Америки, куда массу толкала нужда в хлебе и свободе, или в родную Палестину, как приют для оскорбленной души народной. Пока еврейские публицисты спорили о том, куда ехать ³⁾, сама жизнь указала линию эмиграционного движения: почти все эмигранты с юга России направлялись в Америку через западно-европейские центры. Движение шло стихийно, без всякой организации, и на первом этапе пути— в городе Бродах, близ русско-австрийской границы— скопилось к концу лета до десяти тысяч бедных переселенцев, увлеченных

¹⁾ Проект etc., стр. 74; „Рассвет“, 1881 г., №№ 28—32.

²⁾ „Рассвет“, 1881 г., стр. 1105 и 1148 (письма польских министров Сагасты и Кампоса).

³⁾ *ibid.* №№ 34—35, 38, 40.

слухами, что агенты парижского „Alliance Israélite“ дают средства на переселение в Америку. Неподготовленный к такой массовой эмиграции центральный комитет Alliance'a растерялся. Он рассылал воззвания, предостерегающие от массовой эмиграции в Америку через Броды (октябрь); но остановить движение было невозможно. Когда уполномоченные парижского „Союза“ (известный Неттер и др.) приехали в Броды, они увидели страшную картину: по улицам города бродили тысячи измученных нуждою людей, с голодными детьми на руках. „С раннего утра до поздней ночи делегатов окружала толпа, вопившая о помощи. Матери заграждали им дорогу, бросая под ноги своих младенцев и умоляя избавить их от голодной смерти“. Делегаты делали все, что могли, но число беженцев росло, между тем как отправка их в Америку шла крайне медленно¹⁾.

Не только погромы и вызванная ими паника гнали евреев из России, но и те новые удары, которые посыпались на них из щедрой руки министра Игнатьева.

¹⁾ Ibid., стр. 1655, 1694, 1816 и мн. др. В 1881 г. эмигрировало из России в Америку около 8000 евреев; позже число эмигрантов значительно увеличилось.

ГЛАВА III.

Еврейство перед судом «губернских номиссий» и варшавский погром (август—декабрь 1881 г.).

После некоторых колебаний в еврейском вопросе, юдофобское правительство нашло, наконец, свой путь. Растерявшийся было в начале погромного движения министр Игнатьев сперва объяснял это движение козьями «крамолами» и революционной «анархией», но потом решил, что для успеха реакционной политики правительства и для оправдания позорящих Россию эксцессов перед Европой выгоднее свалить всю вину на самих евреев. Создана была теория «эксплуатации коренного населения» евреями. Эта теория состояла из двух положений: 1) евреи, как торговый класс по преимуществу, занимаются непродуцательным трудом и таким образом эксплуатируют продуцательные классы христианского населения, особенно крестьян; 2) евреи, «захватив в свои руки» торговлю и промышленность (тут уже призывался и факт большого участия евреев в ремесленной и фабричной промышленности), конкурируют с христианскими городскими сословиями, которые расправляются со своими соперниками самосудом. Первая часть этой теории основывалась на примитивных представлениях о хозяйственной жизни, обычных в период перехода от натурального хозяйства к капиталистическому, когда все сложные посреднические формы труда признаются непродуцательными, эксплуататорскими. Мысль, выраженная во втором пункте, присуща природе полицейского государства, где любит говорить о «захвате» тех или других экономических отраслей ивродной частью населения и об обязанности государственной власти вмешаться в конкуренцию с целью склонить успех на сторону господствующей национальности. Правительство не смущалось ни примитивностью этой теории, ни ее внутренним противоречием (принцип защиты русской «эксплуатации» насчет еврейской). Правительству

нужна была только точка опоры для того, чтобы снять с себя вину за погромы и доказать, что это был „народный самосуд“, месть евреям либо со стороны „эксплуатируемых“ ими крестьян, либо со стороны неудачных кандидатов в эксплуататоры из русского мещанства.

В этом духе был составлен в июле 1881 г. отчет графа Кутайсова, командированного царем на юг России для расследования причин „беспорядков“. С чувством облегчения сообщил этот сановник, что революционная пропаганда не была причастна к возникновению погромов, и лишь кое-где революционеры безуспешно пытались использовать уже возникший антиеврейский погром „для возбуждения анти-правительственного движения“. Причины погромов, по мнению Кутайсова, кроются в самих евреях, которые вызывают „ненависть народа“ тем, что они „захватили в свои руки всю торговлю и промышленность“ и „образовали крупную общественную единицу“. На юге „евреи на глазах одного поколения обращались из простых факторов в миллионеров, фабрикантов и земельных собственников и становились все более нахальными, требуя, чтобы коренное население относилось с уважением к денежной аристократии“. Столичный родовой аристократ, граф не мог мириться с таким ростом влияния денежной аристократии (конечно, ничтожной в сравнении с массой еврейского пролетариата) и с досадою отмечает, что в Одессе лучшие дома и лавки переходят в руки евреев. Однако, причину развития погромного движения и этот пристрастный ревизор видит в бездействии полиции и войск, которые могли везде прекращать буйства черни при самом их возникновении, но давали погромам разрастаться. „Возмущенная масса составила себе странное убеждение: если само начальство не останавливает нападения на евреев, следовательно оно дозволено; отсюда уже пошла толка, что оно разрешено самим царем“, а это „разрешение“ народ объяснял тем, что евреи — „непосредственные виновники события 1-го марта, что они убили царя“¹⁾.

Министр Игнатьев с радостью увязался за подкрепленную Кутайсовым очень удобную теорию и сделал из нее самые смелые выводы, которые изложил в своем докладе, представленном Александру

¹⁾ Подробное изложение доклада Кутайсова — в „Проекте общей записки“ Паленовской комиссии, стр. 84—91; ср. Архив Евр. Истор. Общ., колл. Левица, № 6 п. 89.

II. Игнатьев доказывал ошибочность прежней политики правительства, которое „в последние 20 лет (при Александре II) старалось способствовать слиянию евреев с остальным населением и почти уравнило евреев в правах (?) с коренными жителями“. Недавние погромы, по мнению министра, доказали, что „вредное влияние“ евреев нельзя устранить такими либеральными способами. „Главная причина столь несвойственного русскому народу движения (погромов) заключается,—объяснял граф Игнатьев,—в обстоятельствах, имеющих исключительно экономический характер. Евреи за последние 20 лет мало-по-малу захватили в свои руки не только торговлю и промыслы, но приобрели посредством купли и арендования значительную поземельную собственность, причем, благодаря своей сплоченности и солидарности, они за немногими исключениями направляли все свои усилия не к увеличению производительных сил, а к эксплуатации коренных жителей и преимущественно беднейших классов населения, чем и вызвали с его стороны протест, высказавшийся в прискорбной форме—в насилиях... Подавив энергично (?) бывшие беспорядки и самоуправство, для ограждения евреев от насилия, правительство признает справедливым и неотложным принять не менее энергичные меры к устранению вышедших ненормальных условий, существующих между коренными жителями и евреями, для ограждения населения от той вредной деятельности евреев, которая, по местным сведениям, вызвала волнения“¹⁾. Довкому министру удалось убедить царя, что погромы были только народным самосудом над евреями и что правительство должно заменить этот самосуд своим законным судом, то-есть принять карательные меры не против погромщиков, а против погромленных.

В опубликованном „высочайшем повелении“ (22 августа) говорилось о „ненормальном отношении между коренным населением некоторых губерний и евреями“ и предписывалось: учредить в губерниях, имеющих значительное еврейское население, особые комиссии из представителей местных гословий и обществ, под председательством губернаторов. Эти комиссии должны выяснить, „какие вообще стороны экономической деятельности евреев имеют вредное влияние на быт коренного населения и какие следовало

¹⁾ Содержание доклада включено в циркуляр Игнатьева к генерал-губернаторам от 25 августа, — см. „Справка к докладу по еврейскому вопросу“ (изд. совета объединенного дворянства, Сиб. 1910 г.) ч. II, стр. 125—126; „Европейская Энциклопедия“, I, 826—27.

бы принять меры законодательные и административные* для ослабления этого влияния. Таким образом, в указе об учреждении комиссий заранее был дан ответ на поставленный вопрос: „выяснить вредное влияние“ евреев на экономическую жизнь; то, что еще нужно было доказать, предполагалось уже доказанным и поручалось только подогнать фактический материал под заключенные готового обвинительного акта. Еще более резко выразил эту мысль Игнатьев в своем циркуляре к генерал-губернаторам от 25 августа, где он воспроизвел свой вышеупомянутый доклад царю и твердо установил догму о „вредных для христианского населения последствиях экономической деятельности евреев, их племенной замкнутости и религиозном фанатизме“¹⁾.

Так совершилось невероятное: разорванное, ограбленное еврейское население, которое имело право предъявить иск к незащитившему его правительству, само было предано суду этим же правительством. Судьями были агенты правительства, губернаторы (в том числе и виновные в допущении погромов), и представители христианских сословий, городских и сельских, большей частью назначенные по усмотрению губернаторов. В каждую комиссию допускались в качестве экспертов, без права голоса, два представителя еврейского общества, игравшие как бы роль подсудимых, ибо им приходилось выслушивать сплошные обвинения против евреев и истоянно оправдываться. Всего таких комиссий было 16— в 15 губерниях черты оседлости (без Царства Польского) и в Харьковской губернии. Комиссиям был дан двухмесячный срок для окончания своих работ и представления результатов министерству. В сентябре и октябре повсюду происходили заседания этих „губернских комиссий“, призванных судить еврейский народ на основании официального обвинительного акта—августовского указа, с комментарием министерского циркуляра. Вот как описывает эти заседания хорошо осведомленный современник в официальном меморандуме²⁾:

„В каждой комиссии первое заседание открывалось чтением министерского циркуляра от 25 августа. Чтение это везде одина-

¹⁾ Справка etc., стр. 125; „Рассвет“, 1891 г. № 36; „Восход“ 1891 г., кн. X („Внутр. Обзор.“)

²⁾ „Евр. Старина“ 1909 г., т. I, 102—103 (записка, поданная в Паленовскую комиссию) Ср. воспроизведения участия киевской комиссии, д-ра Мандельштама, в сборнике „Пережитое“, т. IV, стр. 53 и сл.

ково производило сильное впечатление в двух направлениях: на членов из крестьянского сословия и на членов из евреев. Первые выносили из слышанного убеждение во враждебном настроении правительства к еврейскому населению и в свиходительном отношении его к виновникам беспорядков, вызванных, по заявлению циркуляра, единственно еврейскою эксплуатацией коренного населения. Убеждение это, подкрепленное в последующих заседаниях никем неудерживаемыми оглушительными нападениями членов-юдофобов, они (крестьяне), конечно, не преминули передать своим обществам. Впечатление министерского циркуляра на членов из евреев было потрясающее. Они увидели в лице своем трехмиллионное еврейское население поставленным на скамью подсудимых, одну часть населения страны предавшему суду другой части. И кто же были эти судьи? Не представители, свободно избранные всеми сословиями населения, вроде земских собраний, а агенты самой администрации, должностные лица, более или менее подчиненные губернатору. Самый же суд был негласный, при отсутствии достаточной защиты обвиняемых или, лучше сказать, вперед осужденных. Положение, принятое председательствовавшими губернаторами, речи преобладавших своим большинством членов-юдофобов, полные нападок, глумлений и утонченных оскорблений, заставляли еврейских членов переносить мучительную нравственную пытку и отнимали у них всякую надежду сделать что-либо в пользу спокойного, беспристрастного, всестороннего обсуждения вопроса. Голос их в большом числе комиссий был совершенно подавлен и заглушен. Это заставляло еврейских членов прибегнуть к письменной защите интересов своих соплеменников, ко внесению записок и особых мнений. Однако, эти записки и протесты редко где удостоивались прочтения в заседаниях".

При таких условиях не было ничего удивительного в том, что комиссии составляли свои „приговоры“ в духе обвинительного акта, присланного высшею властью. Чиновники-юдофобы выражались в невежественных рассуждениях о „духе иудаизма“, Талмуде и национальной обособленности евреев—и предлагали искоренить все это путем полицейских репрессий: уничтожить автономию еврейских общин, закрыть все специальные еврейские училища, подвергать контролю правительства все стороны внутренней жизни евреев. Представители русского мещанства и крестьян, из которых ныне недавно еще содействовали или по крайней мере сочувствовали программам, доказывали экономическую „вредность“ евреев и требо-

вали для них ограничений в городских и сельских промыслах, а также в праве жительства вне городов. Однако, пять комиссий высказали еретическую для русского правительства мысль о необходимости предоставить евреям право жительства во всей империи, с целью разредить слишком густое еврейское население в „черте“¹⁾.

Одновременно с губерскими—вернее, губернаторскими—комиссиями посылали свои отзывы в Петербург и верховные сатрапы черты оседлости. Генерал-губернатор вивеский, Дрентельн, который за допущение погрома в своей резиденции сам подлежал-бы уголовному суду, в своем отзыве строго осудил весь еврейский народ и требовал мер для „ограждения христианского населения от столь наглменного племени, религией своею отрицающего сближение с христианами“; нужно противопоставить репрессии „умственному превосходству еврей“, которое дает ему перевес в борьбе за существование. Дрентельн предлагает, „с целью уменьшения возрастающего еврейского населения, способствовать выселению евреев из империи“. Столь же резко осудили еврейство в теории и прочие генерал-губернаторы (одесский, вилевский, харьковский), но они расходились между собою относительно размеров репрессий. Вилевский правитель Тотлебен, не допустивший погромов в Литве, соглашался на запрещение евреям вновь селиться в деревнях, но при этом великодушно указал, что не находит удобным „лишать всю еврейскую нацию возможности добывать своим трудом средства к жизни“. Чувствовалось, что воинствующая юдофобия хочет отнять у еврея даже право на добывание куска хлеба²⁾.

Правительство было заранее уверено в желательном ему результате работ губернских комиссий, и поэтому, не дожидаясь их записок с резолюциями, оно учредило в Петербурге „Центральный комитет для рассмотрения еврейского вопроса“ (19 октября). Комитет состоял при министерстве внутренних дел из нескольких чиновников, под председательством товарища министра Готовцева. Чиновники уже стали сочинять проект „временных мер“ в духе своего патрона, Игнатьева, а по мере получения решений губернских

¹⁾ Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу (офиц. изд., два тома, Спб., 1884 г.); обширное извлечение из них - в „Проекте общей записки“ комиссии Палея, стр. 186—243; ср. „Евр. Старина“ I, 107 и сл. См. „Рассвет“ 1881 г., № 40 и сл.

²⁾ Проект общей записки, стр. 199, 229, 249 и др.

комиссий подводил фундамент под этот проврат. В начале 1882 г. машина по изготовлению репрессий пошла полным ходом ¹⁾.

Этому организованному походу юдофобов, которые готовили административные погромы после уличных, еврейское общество не могло противопоставить никакой организованной силы. Жалкую картину представлял собою маленький, келейно заседавший с'езд еврейских нотаблей в Петербурге (сентябрь 1881 г.). Приглашенные бароном Гинцбургем провинциальные гости обсуждали вопросы об эмиграции, о борьбе с юдофобской прессой и т. п., затем представились Игнатьеву, который дипломатически уверял их в „благожелательности правительства“, и разъехались по домам ²⁾. Единственную общественную силу представляла собою еврейская печать (особенно три ее органа на русском языке: „Рассвет“, „Русский Еврей“ и „Восход“), но и в ней еще замечалась растерянность. В то время только возникали эмбрионы политических систем, развитие которых предстояло в будущем. Свою задачу борьбы за право русско-еврейская печать исполняла весьма ревностно, но ее голос не был слышен в тех кругах русского общества, где широко разливалась отравляющая юдофобия со столбцов таких газет, как полуофициозное „Новое Время“ или славянофильская „Русь“. Выражая мнение правящих кругов, газета „Новое Время“ в разгар летних погромов серьезно поставила гамлетовский вопрос относительно евреев в такой парафразе: „Бить или не бить?“ (начальная фраза одной из статей газеты)—и решила, что бить нужно, но что в России, как монархически-консервативной стране, эту функцию должно исполнять не население, а правительство, которое системой репрессий может нанести еврейству более чувствительные удары, чем толпа на улицах. Редактор московской „Руси“, Иван Аксаков, напал на либеральную прессу, выразившую сочувствие разгромленным евреям, и доказывал, что русские люди разрушали еврейские дома под влиянием „справедливого гнева“ (который почему-то проявлялся также в грабеже еврейского имущества и насилиях над женщинами). Смешав в одну кучу доводы средневековой церкви и нового германского антисемитизма, Аксаков утверждал, что иудаизм во

¹⁾ „Евр. Старина“ 1909 г., I, 265 и сл.—„Рассвет“ 1881 г., стр. 1719—1720, 1924.

²⁾ „Рассвет“ 1881 г., ст. 1485 и сл. Кроме этого фольклорного описания, мы не нашли другой характеристики келейного с'езда.

природе враждебен „христианской цивилизации“, а еврейский народ стремится к „миродержавству посредством силы денег“.

Антисемитический червяк из Германии прополз даже в некоторые круги русской радикальной интеллигенции. Среди „народников“, идеализаторов крестьянской гемельной „коммуны“, совершенно незнакомых с еврейским бытом, также возмись с представлением об еврее-эксплоататоре, с тем лишь отличьем, что его приобщали к сонму русских эксплуататоров из буржуазии—„кулаков и мироедов“. На этой почве возникло одно очень печальное недоразумение. Некоторая часть социалистов-революционеров из партии „Народной Воли“ решила, что если крестьяне и рабочие громят евреев, как представителей буржуазии инородной, то их легко можно подвинуть и на разгром своих родных эксплуататоров из командующих классов. Во время весенних и летних погромов были кое-где попытки таинственных лиц—путем прокламаций и устной пропаганды—направить движение также против русских дворян и чиновников¹⁾. В конце августа 1881 г. появилась прокламация исполнительного комитета партии „Народной Воли“, в которой развита мысль, что царь поработил свободный украинский народ и роздал крестьянские земли паям и чиновникам; последние покровительствуют еврею (?), который наживается вместе с ними. Поэтому народ должен идти против евреев, господ и царя. „Помогите же вам“—говорится в прокламации:—„восстаньте, рабочие! Отомстите господам, грабьте евреев и убивайте чиновников!“ Эта прокламация была издана лишь частью членов революционного исполнительного комитета, находившегося тогда в Москве, но не была одобрена ни другими членами комитета, ни партией в целом, а потому—как акт, компрометирующий партию—была взята назад и уничтожена, после того как часть ее экземпляров уже распространилась. Тем не менее, в ближайшее время народолюбцы продолжали еще теоретически оправдывать использование антиеврейского движения для целей общей социальной революции²⁾. Только

¹⁾ Эти случаи послужили поводом к первоначальным предположениям правительства относительно участия революционеров в антиеврейском движении (выше, гл. II).

²⁾ Тун. История революционного движения в России (русск. изд. 1906 г.), стр. 260—262; „Литература Народной Воли“ (Женева, 1905 г.), т. II, стр. 393 и сл., 423 и сл. Ср. „Die Judenpogrome in Russland“ („Judischer Verlag“, Köln, 1910 г.), Bd. I, 46—66 (подробное изложение).

позже они убедились, что такая тактика и преступна, и ошибочна, ибо жизнь показала, что антиеврейское движение является верным орудием в руках черных реакционеров для отвлечения народного гнева от источника всех зол, общего режима, в сторону наиболее уязвимых жертв этого режима.

После июльских погромов казалось, что эта эпидемия затихла и не скоро повторится. И поэтому впечатление полной неожиданности произвела в декабре 1881 г. весть о трехдневном погроме в столице Царства Польского—Варшаве. Менее всего ожидали погрома в Варшаве, где в ту пору еще не было обостренных отношений между поляками и евреями; но организаторы погрома, командированные извне, сумели примениться к местным условиям,— и злое дело совершилось. В день католического праздника Рождества Христова, 13 (25) декабря, в переполненном молящимися костеле Святого Креста, в центре города, вдруг послышался крик: „Пожар!“ Публика бросилась к выходам, и в страшной суматохе было задавлено на смерть 29 человек, и много изувечено. Тревога оказалась ложною: никакого пожара в церкви не было, и все поняли, что это была обычная проделка опытных варшавских воров с целью очистить карманы публики во время давки. Но тут же, среди собравшейся у церкви толпы, с ужасом смотревшей на трупы задавленных, какие-то неизвестные агитаторы пустили слух (впоследствии не оправдавшийся), что в костеле поймали двух евреев—виновников тревоги. Мытом откуда-то раздались свистки, послужившие сигналом к погрому. Городская чернь стала бить проходивших по улицам евреев, а затем начался обычный разгром еврейских лавок, трактиров и жилищ на прилегающих к церкви улицах. Шайки грабителей шли под командою известных в городе воров и неизвестных лиц, которые по временам давали сигналы свистками, направляя толпу на те или другие улицы. Полиции и войска оказалось очень мало, как всегда там, где опасность не грозила непосредственно самому начальству, и это поощрило разбойников к дальнейшей деятельности. На другой день они уже работали на многих улицах, в центральных и окраинных частях города, кроме улиц, густо населенных евреями, где боялись серьезного отпора (в некоторых местах евреи защищались, и в драке оказывались раненые с обеих сторон). Полиция и солдаты арестовывали многих буннов и отправляли их в участок, но разгонять толпу не решались, и погромщики часто делали свое преступное дело

на виду стражей общественной безопасности. По заведенному шаблону, власти только на третий день вспомнили, что пора приступить к усмирению, ибо „урок“ уже кончен. 15 декабря появился приказ варшавского генерал-губернатора, которым город был разделен на четыре участка, и во главе каждого поставлен командир гвардейского полка. Войска были расставлены на улицах и не допускали скопления погромных банд, и в тот же день безобразия прекратились. Это было сделано слишком поздно, после того как в городе было разрушено и разграблено около 1.500 еврейских кварталов, торговых помещений и молитвенных домов и ранено 24 еврея; убиток простирался до нескольких миллионов рублей. Было арестовано свыше 3.000 гримил, среди которых оказалось очень много малолетних ¹⁾.

Гримили вообще подонки польского населения, но среди них часто попадались и казье-то незнакомцы, говорившие по-русски, которые, может быть, сыграли роль организаторов погрома. Газета „Новое Время“ отметила дружельюбие отношение гримил-поляков к русским офицерам и солдатам, — отношение весьма подозрительное, если принять во внимание обычную ненависть поляков к русским, особенно же к военным и чиновникам. Иногда сами солдаты напивались водки в разгромленных кабаках и участвовали в разграблении еврейского имущества. Польские патриоты из высшего общества возмущались инсценированием дикого „русского“ погрома в Варшаве. В обращении к народу воззвания представители польской интеллигенции уже на второй день погрома резко протестовали против мерзких сцен, позорящих столицу Польши; то же сделал варшавский архиепископ, а ксендзы во время буйства часто ходили с крестами по улицам и увещевали толпу расходиться по домам. Характерно, что варшавский генерал-губернатор в дни погрома отказал в ходатайстве собранию польских обывателей, просивших о дозволении учредить гражданскую стражу с рвательством восстановить спокойствие в городе за один день ²⁾. Официальный обряд погрома не допускал ни малейших отступлений: „беспорядки“ должны были происходить в определенном порядке, согласно за-

¹⁾ „Расвет“ 1881 г., стр. 2006 и 2043; 1882 г., стр. 16, 24, 58; „Хроника Восхода“ 1882 г., стр. 9, 23, 61; Проект общей записки, стр. 75—78; рукописное сообщение очевидца в архиве Евр. Истор. Общества, колл. Левина. № 9.

²⁾ Вышеуказанные источники, особенно архивный.

поведи: два два грома, а на третий прекращай. Кому-то, повидимому, было нужно, чтобы польская столица повторила опыт Киева и Одессы, чтобы „культурные поляки“ не отстали от „русских варваров“, чтобы показать Европе, что погром не есть исключительно русское изобретение. Достигнут был, однако, обратный результат: позорные варшавские события, завершившие погромный цикл 1881 года, произвели на Европу и Америку более сильное впечатление, чем все предыдущие погромы, так как Варшава была тесно связана с Западом широкими торговыми оборотами, и ее разорение непосредственно отзывалось на европейском рынке.

Так закончился страшный 1881 год—родной брат критических дат еврейской истории: 1096, 1348, 1648, 1768. Больше ста лет прошло со времени последней вспышки гайдамачины, и снова над полями той же Украины и степями бывшего Запорожья провесся старый клич: „Бить жидов!“ От Киева до Тавриды пылал пожар новой гайдамачины, местами вызванный великорусскими поджигателями. Малоросс бил еврея, слишком близкого к нему и сталкивавшегося с ним на экономической почве; пращый великоросс бил еврея далекого, чуждого ему, и потому загадочного, героя темных суеверных легенд. Как в былые века, в ненависти к еврейству и теперь слились мотивы религиозные, национальные и экономические; но тут впервые к ним примешался элемент гражданско-политический. В 1881 г. волна варварства подвинулась навстречу еврейскому обществу, устремившемуся в короткую эпоху реформ к гражданскому равноправию и требовавшему себе места в государственной жизни России. Подушный после 1-го марта резкий ветер политической реакции погнал эту анти-еврейскую волну с особенною силою, и дикая стихия проявилась в формах средневековых. Это было в тот самый год, когда в соседней Германии бушевал антисемитизм модернизованный. И там, и здесь не желали видеть равноправного, свободного еврея на месте прежнего униженного, порабощенного. Еврей поднял голосу — и получил первый погромный удар, за которым последуют еще многие, более страшные.

ГЛАВА IV.

Эмиграция и балтский погром (январь—апрель 1882 г.).

Под впечатлением варшавского погрома и тревожных слухов о готовящихся репрессиях встретило еврейское общество наступление нового гражданского года. Бедствия еврейских масс не утоляли, а только еще более разжигали юдофобскую ярость правительства. „Вас бьют, следовательно, вы виноваты“—такова была логика правящих сфер. Официальный историограф той эпохи сознается, что при усмирении погромов „вынужденная роль защитников евреев от русского населения тяготила правительство“. На представленном царю отчете варшавского генерал-губернатора за 1882 год, где говорится о подавлении антиеврейских „беспорядков“ военной силой, Александр III написал: „Это-то и грустно во всех этих еврейских беспорядках“¹⁾. Царь печалился не об избиваемых евреях, а только об усмиримых русских людях. Дальновидные в еврейском обществе понимали, к каким последствиям могут привести эти грозные веяния в правящих кругах, а менее чуткие обращались за предсказаниями к самому правительству и получали недвусмысленные ответы. В январе 1882 г. министр Н. П. Игнатьев заявил д-ру Оршанскому (брату известного публициста) и разрешил опубликовать следующее: „Западная граница для евреев открыта. Евреи уже широко воспользовались этим правом, и переселение их не было ничем стеснено. Что касается до возбуждаемого вами вопроса о переселении евреев внутрь империи, то правительство будет, конечно, избегать всего, что может еще усложнить отношения

¹⁾ Исторический обзор деятельности комитета министров (Спб. 1902), т. IV, стр. 183; ср. „Восход“, 1903 г. кн. III, стр. 154, и поправку к этому в „Еврейск. Энциклопедии“, I, 826 и 832, примеч. Пометка царя была написана, по-видимому, в начале 1888 г., во восторженном, в ней выраженном, несомненно существовало и раньше.

евреев к коренному населению. А посему, сохраняя ненарушимую черту оседлости евреев, я уже предложил еврейскому комитету (при министерстве) указать на те местности, мало населенные и нуждающиеся в колонизации, в коих можно допустить подворение еврейского элемента... без вреда для коренного населения" ¹⁾. Опубликованный в еврейском журнале ответ министра усилил панику среди еврейского населения. Евреям публично заявили, что правительство хочет от них избавиться, что им предоставляется лишь одно „право"—право эмиграции, что на расширение черты оседлости надежды нет и лишь в крайнем случае правительство допустит группы евреев колонизировать необитаемые степи Средней Азии или тундры Сибири. Осведомленные люди знали и нечто худшее: что в „еврейском комитете" при министерстве внутренних дел готовится чудовищный проект о сокращении территории самой черты оседлости, путем изгнания евреев из деревень и сосредоточения их в переполненных городах.

Душа народа была переполнена горечью, а кричать, публично протестовать было невозможно. Пришлось прибегнуть к старой, средневековой форме национального протеста—наливанию своих чувств в синагоге. Многие еврейские общины стоворились назначить на день 18 января всенародный пост с богослужением в синагогах, по чину траурных дней. В Петербурге эта траурная демонстрация вышла особенно внушительною. В назначенный день в главной синагоге и в других молеельных собралась вся еврейская колония столицы со своей многочисленной интеллигенцией. Читались гимны везового мученичества—„селихот"; в главной синагоге раввин произнес речь о переживаемых народом бедствиях. „Когда проповедник,—пишет очевидец ²⁾,—прерывающимся голосом нарицал то положение, в котором ныне находится еврейство, протяжный стон, как будто из одной груди, вырвался внезапно и разлился по синагоге. Плакали все: старики, молодые, длиннополые бедняки, изящные франты, одетые по последней моде, чиновники, доктора, студенты,—о женщинах нечего говорить. Минуты две-три подряд продолжались эти потрясающие стоны, этот вырвавшийся наружу крик общей горести. Раввин не мог продолжать. Он стоял на амвоне, приложив руки к лицу, и плакал, как ребенок".

¹⁾ „Рассвет" 1882 г. № 3 (экстренное прибавление) и № 4, стр. 125.

²⁾ Ibidem, стр. 137 и сл.

Такие же политические демонстрации перед Богом совершались в те дни во многих других городах, причем местами назначался даже трехдневный пост. Везде учащаяся молодежь участвовала в общем трауре, как бы предчувствуя, что ей предстоит еще десятилетия горя и слез впереди...¹⁾

Политический протест, невозможный в России, раздался в Англии. В те самые дни, когда русские евреи плакали в своих синагогах, английские их соплеменники, вместе с выдающимися политическими деятелями из христиан, устраивали „митинги негодования“ против ужасов российской юдофобии. Еще раньше, тотчас после варшавского погрома, в газете „Times“ появилась серия статей, под заглавием „The persecution of the Jews in Russia“, с ужасающим описанием всех погромов 1881 г. Статьи произвели огромное впечатление. Перепечатанные в отдельной брошюре, в короткое время выдержавшей три издания, они распространялись далеко за пределами Англии. В обществе и прессе раздавались голоса о необходимости дипломатического наступничества за утветивших и организации материальной помощи жертвам погромов. Русские дипломаты были чрезвычайно смущены этим ростом антирусского настроения в стране, правительство которой (кабинет Гладстона, сменивший руссофобский кабинет Биконсфилда) поддерживало с Россией дружественные отношения. В органе русского министерства иностранных дел „Journal de St.-Petersbourg“ появились две статьи, в которых сделаны попытки опровергнуть наиболее возмутительные факты в описании „Times“ (русский офицер отрицал случаи изнасилования женщин и уверял, что „убийства были очень редки“²⁾); „Journal“ имел смелость заявить, что „правительство уже приступило к обсуждению новых законодательных мероприятий“ относительно евреев, не упоминая, конечно, о репрессивном характере этих мероприятий. Орган русской дипломатии с раздражением спрашивал, не хотят ли агитаторы-юдофилы „поссорить русское общество с английским“, испортить хорошие отношения России с Англией, установившиеся после замены каби-

¹⁾ Там же, стр. 222, 259—261, 298 и др.

²⁾ В отчете „Times“ встречаются некоторые преувеличения лишь в определении количества пострадавших и вообще размера бедствия, но общая картина верна, а случаи убийств и изнасилований большею частью точно указаны (паэр, в Кieve).

нета Биконсфильда кабинетом Гладстона ¹⁾). Но вся эта дипломатическая полемика не удержала политических деятелей Англии от осуществления подготовленной демонстрации.

После целого ряда митингов протеста в различных городах Англии, состоялся 1-го февраля н. ст. (20-го января) грандиозный митинг в Лондоне, в зале Mansion House (городской дом), под председательством лорд-эра. Весь цвет английского общества был представлен здесь: члены обеих палат парламента, епископы, савонные лорды, ученые. Были оглашены письма многих аристократических лиц, которые не могли прибыть на митинг, но выразили горячее сочувствие его цели (поэт-лауреат Тэннисон, натуралист Дж. Леббок и др.). Первый оратор собрания, лорд Шефтсбюри, указал, что английское общество не требует вмешательства во внутренние дела России, но желает воздействовать на нее „нравственным оружием“, во имя принципа „солидарности наций“. По поводу опровержений русской официозной газеты он заметил, что если верна даже десятая доля английских сообщений о погромах, то и тогда митинг протеста необходим. Нужно, по мнению Шефтсбюри, апеллировать к царю и просить, чтобы он стал для евреев в России Киром, а не Антиохом Эпифаном. Епископ лондонский в своей речи напомнил, что несколькими годами раньше Англия содрогнулась при слухах о насилиях турецких башибузуков над болгарами, которых Россия защищала, и она теперь в праве требовать от христианской России того, что раньше требовалось от мусульманской Порты. Наиболее сильную речь произнес католический кардинал Маннинг. Он напомнил, что русские евреи являются не только объектом временных погромов, но что они постоянно стонут под гнетом позорного законодательства, говорящего еврею: „Не смей селиться в таком-то городе, тебе нельзя приблизиться на несколько миль к такой-то границе“. При громком смехе и возгласах негодования оратор цитировал пресловутый циркуляр Игватьева о созыве „губернских комиссий“, в котором после страшных погромов над евреями министр „оплакивает печальное состояние христианского населения южных губерний“. Свою яркую речь кардинал Маннинг окончил словами, в которых звучал пророческий пафос: „Есть книга, составляющая общее достояние наше—израильского народа и христиан. Эта книга образует связь между нами. И в этой книге

¹⁾ „Хроника Восхода“ № 3, стр. 53; № 4, стр. 76, 87 и сл.

читаю я, что Израиль—древнейший народ на земле, между тем, как русские, австрийцы и англичане суть только народы вчерашнего дня. И живет этот народ силою своего неугасимого духа, своих неизменных традиций, своей непоколебимой веры в Бога и божественные законы.—народ, рассеянный по всему миру, прошедший сквозь огонь и не погибший, поверженный в прах, но не смешавшийся с прахом“. После целого ряда других речей (историка церкви Фаррара, профессора Брайса и др.), была принята резолюция, в которой говорилось: что насалия, которым подвергались евреи в разных местах России, составляют прискорбное нарушение начал цивилизации; что собрание, не имея ни права, ни охоты вмешиваться во внутренние дела чужой страны, тем не менее считает долгом высказать свое убеждение, что законы России в отношении к евреям увижают последних в глазах христианского населения и поощряют грубые насилья против них; наконец, что лорд-мер приглашается передать копию этой резолюции премьер-министру Гладстону и министру иностранных дел Гревиллю, с пожеланием, чтобы „при благоприятном случае было оказано дружеское влияние в духе предыдущих пунктов резолюции“. Было также принято решение собрать денежный фонд для оказания помощи потерпевшим от погромов русским евреям и для улучшения их положения путем эмиграции или иными способами. В комитет, избранный для этой цели митингом, вошли: лорд-мер, архиепископ кентерберийский, кардинал Маннинг, епископ лондонский, Натанвиль Ротшильд и др. ¹⁾.

Спустя несколько дней английское правительство откликнулось на резолюцию митинга. В русских газетах появились следующие телеграммы из Лондона от 28-го января (9-го февраля н. ст.): „В верхней палате Гладстон отвечал Симону, что донесения консулов о преследовании евреев в России получены. Дело это должно внушать чувства сожаления и отвращения, но оно составляет явление внутренней жизни другого государства и не может стать предметом официальной переписки или расследования со стороны Англии. Возможны разве только дружеские представления при случае; всякие другие действия по вопросу об отношениях русского правительства к евреям скорее повредят, чем помогут еврейскому населению“.

¹⁾ Die Londoner Rathausversammlung für die verfolgten russischen Juden. Berlin, 1882; „Рассвет“, 1882 г., стр. 92, 182; „Хроника Восхода“. 1882, стр. 76, 109 и др.

Затем лондонская телеграмма от 14-го февраля гласила: „В нижней палате Гладстон, отвечая Борнсу, заявил, что человеколюбивые цели нельзя осуществить парламентскими приемами о русских евреях. Такие приемы скорее способны возбудить враждебное настроение известной части русского населения против евреев, а потому для дебатов по запросу Борнса назначено не будет“¹⁾.

Эти заявления в палатах несколько смягчили неприятное впечатление, произведенное лондонским митингом на русские правящие сферы, но некоторое беспокойство еще ощущалось. Перспектива „дружественных представлений при случае“ со стороны Англии не улыбалась русскому правительству, и оно старалось всячески отворотить этот нравственный удар. 30-го января в „Правительственном Вестнике“ появилось очень сердитое официальное сообщение по поводу „слухов о том, что готовится английское заступничество за евреев“²⁾. „Еврейский вопрос,—говорится в этом сообщении,—безусловно принадлежит к числу вопросов внутренних, в которых каждое государство распоряжается по своему усмотрению и никогда не потерпит постороннего вмешательства или совета в какой бы то ни было форме. Придерживаясь само строгого невмешательства во внутренние дела других государств, русское правительство тем более не могло бы допустить подобного нарушения международных обычаев, что всякое заступничество иностранной державы за еврейскую народность могло бы только посеять неудовольствие в массе населения и неблагоприятно отразиться на положении евреев“. Рядом с этой угрозой „Правительственный Вестник“ старался доказать, что меры правительства против погромов „не были слабы“, как видно из значительного количества лиц, арестованных полицией после „беспорядков“ (3,675 на юге и 3,151 в Варшаве). Такие заявления со стороны русского правительства, которые несомненно делались и в дипломатической переписке, заставили кабинет Гладстона воздержаться от „дружественных представлений“ в Петербург в пользу русских евреев. Гладстон отказался даже принять, для передачи русскому правительству, метицию представителей английского еврейства, с бароном Ротшильдом во главе. Граф Игнатьев мог успокоиться: неприятности с дружественным правительством были устранимы, а пламен-

¹⁾ „Рассвет“ 1882 г., стр. 219, 228; „Хрон. Восх.“, стр. 129, 130, 154, 161 и сл.

²⁾ „Хрон. Восхода“ 1882, стр. 123—124.

ные протесты на митингах его мало смущали. Он продолжал делать то, что возбуждало чувство „отвращения“ во всем цивилизованном мире.

Большой „митинг протеста“ состоялся в феврале и в Нью-Йорке, куда уже стали прибывать первые беглецы из России. Была принята резолюция протеста против „средневековых гонений, возобновленных в России“, с требованием энергичных представлений в Петербурге от имени народа и правительства Соединенных Штатов. Один из ораторов нью-йоркского митинга, судья Дэвис, сказал при восторженных кликах публики: „Если, вопреки урокам политической мудрости, положение евреев в России не будет улучшено законодательным путем то у американцев, кроме дружеских увещаний, есть достаточно долларов, чтобы переселить на свободную американскую территорию и пристроить там все три миллиона граждан, не имеющих пока отечества“¹⁾. Черезчур увлеченный оратор выразил в этих словах затаенную думу многих мечтателей русского гетто.

В России тогда возникали многочисленные эмиграционные кружки, члены которых готовились к переселению в Соединенные Штаты Северной Америки, страну свободы, с надеждою на какую-то чудесную помощь извне, со стороны еврейских организаций Европы и Америки. С того момента, как Игватьев заявил доктору Оршанскому об открытии для евреев западной границы, корреспонденции еврейских газет заестрели известиями из сотен городов, особенно юга России, о формирующихся эмигрантских группах. „Наш бедный класс только и живет надеждою на эмиграцию. Эмиграция, Америка—вот девиз наших братьев“—таковы стереотипные фразы тогдашних корреспонденций²⁾. Многие интеллигентные люди мечтали об устройстве еврейских земледельческих или фермерских колоний в Соединенных Штатах, где некоторые группы эмигрантов 1881 года уже успели пристроиться при сельских фермах. Часть молодежи увлеклась идеей колонизации Палестины и развила сильную пропаганду этой национальной идеи среди масс выходцев из нового Египта. Чувствовалась настоятельная потребность в объединении всех этих рассеянных по черте оседлости

¹⁾ „Рассвет“ 1882, 265 сл. Ср. „Хрон. Восхода“ 1882, стр. 166 и сл.

²⁾ „Рассвет“ 1882, № 9 (корреспонденция из Бердичева и Киева), и вообще все №№ этого журнала и „Хрон. Восхода“ за первые месяцы 1882 года.

эмигрантских кружков, в учреждении центральных переселенческих комитетов, которые регулировали бы стихийное народное движение. Но тут у еврейских общественных деятелей не оказалось единомыслия. В то время, как стоявшая ближе к народу интеллигенция (популярный в Киеве окулист проф. Мандельштам и др.) и часть прессы (особенно „Рассвет“) непрестанно требовали организации переселения, как важнейшей задачи момента,—еврейская общинная олигархия в Петербурге боялась, что ее обвинят в „недоброй воле“, в недостаточной привязанности к России, если она окажет действительную поддержку эмиграции. Другая радикально настроенная часть общества усматривала в поощрении массовой эмиграции как бы уступку правительству Игнатьева, косвенный отказ от борьбы за равноправие в самой России (органом этой группы был журнал „Восход“). К весне 1882 г. вопрос об организации переселения настолько назрел, что пришлось созвать в Петербурге съезд провинциальных деятелей для его обсуждения. Но не успели еще съехаться в столицу делегаты, как на юге опять показалось зловещее зарево: вспыхнул страшный погром в Балте, значительном еврейском центре Подолии, где незадолго до катастрофы образовался еврейский переселенческий кружок.

Еще до наступления русской Пасхи, погромного *haute saison*, все обратило внимание на странное извещение „Правительственного Вестника“ (конец марта), что впредь газета будет аккуратно сообщать обо всех случаях „еврейских беспорядков“ по официальным донесениям губернаторов, как будто правительство наперед знало, что погромы будут. Даже консервативные „Московские Ведомости“ отозвались по поводу этого неосторожного извещения чрезвычайно иронически: „Правительственный Вестник“ утешил публику извещением, что будет своевременно и обстоятельно сообщать обо всех случаях избития евреев. Подумай, что это—заурядные явления, требуемые чином природы, о которых остается только уведомлять публику своевременно. Неужели нет средств прекратить этот вопиющий скандал?“¹⁾ События тотчас показали, что не было желанья прекратить „скандал“, как мягко называла газета подвиги разбойничьих банд. Власти на местах заранее предупреждались еврейским населением о готовящихся погромах. С половины марта в Балте и ее районе об этом открыто говорили. Когда евреи заявили

¹⁾ „Рассвет“, 1882, 510; „Хрон. Восх.“, 381.

о своих опасениях балтскому полицеймейстеру, они получили от него двусмысленный ответ. В городе, где еврейское население втрое превышало христианское, нетрудно было устроить самооборону, но жители знали, что такая организация строго запрещена начальством, и пришлось ограничиться тайным уговором между некоторыми семействами—постоять друг за друга в минуту опасности. На второй день русской Пасхи (седьмой день еврейской), 29-го марта, начался погром, превзошедший зверства черни и преступным поведением властей все вакханалии 1881 года. Вот что пишет об этом современник на основании специального расследования ¹⁾:

„В начале погрома сбежавшие евреи заставили шайку бузнов отступить и укрыться в здании пожарной команды. Но с появлением полиции и солдат буйствующие вышли из своего убежища. Вместо того, чтобы разогнать эту шайку, полиция и войска стали бить евреев прикладами и саблями. Это было сигналом к погрому. В этот момент кто-то ударил в набат, на колокольный звон стала стекаться городская чернь; но, опасаясь, что в этой части города она будет подавлена численностью еврейского населения, толпа направилась через мост на так называемую Турецкую сторону, где живет меньше евреев. Толпу эту сопровождали местный начальник, полицеймейстер, городской голова и часть солдат местного батальона, что однако не помешало толпе, проходя Соборную улицу, разбить одну лавку и окна в доме еврея, гласного городской думы. По переходе толпы на Турецкую сторону, власти поставили на всех трех мостах, служащих сообщением Турецкой стороны с 1-ю частью города Балты, военную цепь, с приказанием: евреев не пропускать,—что и было исполнено. Зато христиане прочая частей города и деревни Александровки были пропускательны беспрепятственно. Благодаря такому распоряжению, Турецкая сторона была разгромлена в течение 3—4 часов, так что к первому часу ночи грабителям уже ничего было там делать. В ночь полиция и военные власти арестовали 24 грабителей и далеко большее число евреев,—последних за то, что они осмелились стоять при своих квартирах. На следующее утро христиан освободили, и они унесли собою ряды грабителей, а евреев продержали под арестом

¹⁾ „Еврейская Старина“ 1909 г. I, 93—97; ср. подробные описания в „Рассвете“ и „Хран. Восхода“ 1882 г. № 15—16, и „Alte Zoras“ в журн. „Judische Welt“ (Пер. 1912), № 2.

первой половине века этот вопрос окончательно решенный оказался не в пользу царя. Смысла поэтому в этот момент в вопросе войны в Англию III, не говоря уже о войне с Австрией, не было. Идея войны с Австрией была не в царском уме, а в уме императорского двора. Так же не существовало стремления к войне с Пруссией и с Австрией царем. Главным объектом внешней политики (В. Ост) была война с Францией, которая предвещала, как известно, *„Великую войну“*. Именно война эта была целью политики, а война с Австрией и с Пруссией — средством к ней. Но ввиду того, что Австрия, которая не была готова к войне с Россией, была не в состоянии, война эта началась с Австрией только в 1756 г. Так война эта началась под знаком войны с Австрией, хотя в то же время была войной с Австрией, Пруссией и Францией.

— Заключительная война этой войны была война с Австрией, которая началась в 1756 г. и продолжалась до 1762 г. и „Великая война“.

— Эта война началась в 1756 г. и продолжалась до 1762 г. и „Великая война“.

— Главным объектом внешней политики (В. Ост) была война с Францией, которая предвещала, как известно, *„Великую войну“*. Именно война эта была целью политики, а война с Австрией и с Пруссией — средством к ней. Но ввиду того, что Австрия, которая не была готова к войне с Россией, была не в состоянии, война эта началась с Австрией только в 1756 г. Так война эта началась под знаком войны с Австрией, хотя в то же время была войной с Австрией, Пруссией и Францией.

— Заключительная война этой войны была война с Австрией, которая началась в 1756 г. и продолжалась до 1762 г. и „Великая война“.

— Главным объектом внешней политики (В. Ост) была война с Францией, которая предвещала, как известно, *„Великую войну“*. Именно война эта была целью политики, а война с Австрией и с Пруссией — средством к ней. Но ввиду того, что Австрия, которая не была готова к войне с Россией, была не в состоянии, война эта началась с Австрией только в 1756 г. Так война эта началась под знаком войны с Австрией, хотя в то же время была войной с Австрией, Пруссией и Францией.

привлекательны рубрики по вопросам о жизни молодежи и ее образовании, воспитании под занавесом двадцатого, третьего и четвертого европейских войсков и катастроф обывательского сознания. Интервью с доктором биологии (Григорий Вадимович) — статья „Народный Ветеринар“ № 1, 1932. Это интервью было сделано 17 ноября 1930 г., а так как тогда были известны две последние советские войны, а русский провинциальный провинциал упустил бы, по крайней мере в России, сказать, то материал был написан Грессом в гостях на даче, и редактировался по короткой статье. Показав материал для статьи, авторская комиссия подала материал автору и указала, что статья не должна быть опубликована, чтобы она не привнесла в свою провинцию. Тогда журналистский принцип такой войны казался, чтобы избежать статьи на политическом объекте, „мысли и на своем языке, но так же, как и в провинции“, для статьи журналиста „доктор Вадимович“ — журналистский. Так интервью в Мюнхене не было опубликовано, редактировалось в Париже и Антверпене.

1) „Доктор Ветеринар“, 1930 г., № 1, и № 11, и № 12, № 13, № 14.

2) Интервью с доктором биологии было сделано автором в провинции в гостях на даче в провинциальном доме в провинциальном доме в провинции. Авторская комиссия подала материал автору и указала, что статья не должна быть опубликована, чтобы избежать статьи на политическом объекте, „мысли и на своем языке, но так же, как и в провинции“, для статьи журналиста „доктор Вадимович“ — журналистский. Так интервью в Мюнхене не было опубликовано, редактировалось в Париже и Антверпене. См. „Доктор“, 1930 г., № 1, стр. 2-4, стр. 52.

вспомогательная армия восставших включала гренады, полки и отряды.

Донская война была начата в 1707 г. и окончилась в 1711 г. после победы казаков на верховьях Дона над армией турецкой империи и в результате победы казаков над армией крымского хана. В 1707 г. в Москве произошло восстание на фоне недовольства казаков и других восточных народов России. В 1708 г. в Москве произошло восстание на фоне недовольства казаков и других восточных народов России. В 1709 г. в Москве произошло восстание на фоне недовольства казаков и других восточных народов России. В 1710 г. в Москве произошло восстание на фоне недовольства казаков и других восточных народов России. В 1711 г. в Москве произошло восстание на фоне недовольства казаков и других восточных народов России.

1. Д. Дон. Донской, 1707 г. Вост. архив. Донской, 1707 г. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
ГЛАВА I. Предисловие редактора	3
• I. Наука 1960 года	15
• II. Разработка новой науки „дифференциальная геометрия и топология“ (Литвинс — Дубовицкая 1960 г.)	25
• III. Топология и дифференциальная геометрия (Литвинс 1960 г.)	38
• IV. „Дифференциальная геометрия“ и новая дифференциальная топология	55
• V. Дифференциальная геометрия в римановом пространстве (Литвинс — Литвинс 1960)	63
• VI. Структуры на группах Ли	86
• VII. Структуры на групповых пространствах	96
• VIII. Матричные группы	100
• IX. Матричные группы	100
• X. Свойства матриц и определителей	111

КНИГА ВТОРАЯ

ЕВРЕИ В РОССИИ

В ЦАРСТВОВАНИЕ

НИКОЛАЯ II

(1894—1914).

в сфере своей компетенции. На протяжении истории с тех пор эта функция имеет различные формы: начиная с периода императора из Китая, включившего под это имя то государство, которое было создано в сфере влияния в Персии, было включено в его состав, чтобы не подвергнуться опасности в отношении¹⁷.

Для нас, однако, важно Сергей Александрович, который был царем в Москве, так же как и был царем султаном Османов в Иерусалиме, потому что именно в 1917 году в этот период произошла революция в России, а также в этот период возникли различные варианты плана Александра III. Как известно, именно в 1906 году он получил название Николая II в Москве, представляя собой особый вид власти, который имел Сергей Александрович, а именно: «...обязанность не только в отношении России, но и в отношении Европы, чтобы Россия была в состоянии быть в состоянии в отношении...»¹⁸. Но именно этот, самый важный, момент является одним из самых важных моментов в истории России, а именно: «...обязанность не только в отношении России, но и в отношении Европы, чтобы Россия была в состоянии быть в состоянии в отношении...»¹⁹.

Нельзя забывать о том, что в этот период произошло и то, что было в отношении России. На протяжении всего 1917 года, когда царь Николай II был в состоянии в отношении России, а именно: «...обязанность не только в отношении России, но и в отношении Европы, чтобы Россия была в состоянии быть в состоянии в отношении...»²⁰. Именно в этот период произошло и то, что было в отношении России, а именно: «...обязанность не только в отношении России, но и в отношении Европы, чтобы Россия была в состоянии быть в состоянии в отношении...»²¹. Именно в этот период произошло и то, что было в отношении России, а именно: «...обязанность не только в отношении России, но и в отношении Европы, чтобы Россия была в состоянии быть в состоянии в отношении...»²².

¹⁷ В связи с этим, необходимо отметить, что в отношении России, а именно: «...обязанность не только в отношении России, но и в отношении Европы, чтобы Россия была в состоянии быть в состоянии в отношении...»²³.

¹⁸ «История России», 1917, т. 10, стр. 100. «История России», 1917, т. 10, стр. 100.

исследования, — в области переработки нефти. Многие годы заместителем ректора (затем ректором) переработочного факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова являлся профессор А. С. Шенников.

Впервые в СССР в 1928 г. была организована кафедра переработки нефти, которую своим заведующим назначили Шенникова, руководителем же кафедрой — Шенникова. Далеко выходящая за пределы переработки нефти кафедра включала в себя также нефтяную химию, нефтяную физику, нефтяную геологию, нефтяную механику, нефтяную электротехнику, нефтяную метрологию. «Дальше — больше»¹⁾.

Впоследствии кафедра переработки нефти была разделена на три кафедры. Первой из них была кафедра, возглавляемая в 1937 г., как кафедра переработки нефти, а затем нефтяной химией, нефтяной физикой и нефтяной механикой. В начале 1938 года эту кафедру возглавил профессор Александр Яковлев Давыдов, ранее занимавший кафедру физики. Давыдов был одним из первых исследователей нефтяной геологии, что не давало забыть кафедру нефтяной геологии, а также кафедры нефтяной электротехники, нефтяной метрологии и нефтяной механики, но эти кафедры в 1938 г. были выделены в самостоятельные кафедры (кафедра нефтяной электротехники и нефтяной метрологии, кафедра нефтяной механики). В это время кафедра переработки нефти перешла на дисциплинарную организацию обучения, но дисциплины были сгруппированы по классу предметов: нефтяная химия, нефтяная физика, нефтяная механика и нефтяная электротехника и метрология. Кафедра переработки нефти перешла на обучение по специальности нефтяная переработка, а на кафедру физики и электротехники (1938—1939) была выделена кафедра нефтяной электротехники, которая перешла на преподавание на инженерном и инженерно-техническом факультетах, как две кафедры физики (инженерно-технический и инженерно-электротехнический) по специальности не по специальности (как нефтяная электротехника), вследствие несоответствия спроса в университете и государственной деятельности. Последнее министерство промышленности нефти (госплан нефтяной промышленности) объявило, что кафедра переработки нефти не удовлетворяла требованиям промышленности, поэтому кафедра перешла на преподавание по специальности нефтяная переработка, а кафедра перешла на преподавание по специальности нефтяная переработка, а кафедра перешла на преподавание по специальности нефтяная переработка. «Дальше — больше» в конце 30-х годов в кафедру перешла кафедра нефтяной электротехники и метрологии, что позволило кафедре переработки нефти перейти на преподавание по специальности нефтяная переработка» (См. отчеты Д. С. Шенникова в 1941 г.), Шенников перешел на преподавание

¹⁾ См. Шенников А. С. Изв. АН СССР, хим. нефтехим. отдел, 1964, № 1, стр. 111—112 (1964 г.).

Еврейская молодежь, остававшаяся за дверями школы, не могла, конечно, питать добрые чувства к режиму, разрушавшему ее жизнь, унижавшему, коверкавшему ее душу. Отогнанный от дверей гимназии юноша превращался в раздраженного „экстерна“, вынужденного обучаться дома и держать экзамены при школе из года в год. Огромная рать юношей и девушек, не попавших в высшую школу, отиравалась за границу, наводила там университеты и специальные высшие школы и научалась ценить режим, отказавший ей на родине в том, в чем ей не отказывали на чужбине. Значительная часть этой молодежи возвращалась домой достаточно революционизированной, и в этом была заслуга того правительства, которое смысл своего существования видело в борьбе с революционными идеями.

Русская реакционная пресса, поощряемая официальной юдофобией, усилила свою травлю евреев. Прославившаяся своей свирепостью цензура, душившая печатное слово и треватавшая перед призраком „возбуждения вражды к правительству“, допускала полную свободу проповеди вражды к евреюству, т.-е. преступное „возбуждение одной части населения против другой“. Наиболее распространенной полу-официозной газете „Новое Время“ и ее сателлитам в провинции все дозволялось: клеветать на еврейскую религию, на весь еврейский народ в целом, на еврейские общины. Когда во Франции началось дело Дрейфуза, „Новое Время“ — этот оракул русских правящих сфер — стало на сторону юдофобов из парижского генерального штаба и повело самую ожесточенную кампанию против евреев всего земного шара. Многие статьи юдофобских газет мало чем отличались от прокламаций, призывающих чернь к погромам. Впрочем, наилучшею пронагаждою погрома — даже без намерения вызывать его — служила анти-еврейская политика самого правительства: видя это непрерывное третигование евреев, как преступников, выселения „незаконно проживающих“ и „облавы“ на них, глумление над еврейскими детьми, отгоняемыми от дверей учебных заведений, бесчисленное множество других унизительных огривчений. — темное русское население провикалось убеждением, что истребление евреюства есть дело высоко-патриотическое. В связи с обычными экономическими и национальными столкновениями, такой ход мыслей должен был вылиться в погромные действия.

В конце 90-х годов на русском горизонте снова мелькнула зловещая тень начала 80-х годов. На первых порах погромы имели

спорадический характер. 18 и 19 февраля 1897 года произошел погром в местечке Шпола (Киевской губернии). Вот картина этого события в смягченном полицейском описании „Нового Времени“.

„В 3 часа пополудни громадная толпа крестьян нахлынула на наше местечко и разгромила в дух и прах магазины, дома и товарные склады, исключительно принадлежащие евреям. Множество богатых магазинов, мелких лавочек и сотни домов опустошены толпою, которая действовала с какою-то стихийною силою, предавая разорению все, что попадалось на ее пути. Шпола, славящаяся своей цветущею торговлею и относительным благоустройством, представляет теперь картину опустошенного неприятелем города. Веревницы баб и детей то и дело тянут, чтобы таскать оттуда к себе домой „жидовское“ добро. Существенно важно то обстоятельство, что беспорядки были несомненно подготовлены заранее. Местные евреи знали о предстоящей беде за четыре дня, и говорили об этом становому приставу, который однако успокоил их, уверяя их, что ничего не будет“.

Спустя два месяца (16 — 17 апреля) такую же расправу с евреями совершили христиане местечка Каптанузенка, Херсонской губернии: „Произошел жестокий погром—гласит полу-официальное известие.—Почти все местечко разгромлено расширеншею толпою. Все еврейские лавки разнесены и все товары разбросаны. Часть товаров расхищена толпою. Уцелела синагога, которую совсем не тронули“. И здесь жители заранее знали о готовящемся погроме, евреи просили полицию о предупреждении катастрофы, но местных полицейских сил оказалось для этого слишком мало. В обоих разгромленных городах появились губернаторы с отрядами солдат уже по окончании позорного спектакля, арестовали многих, привлекли к суду. Суд по обоим делам приговорил свыше 60 человек к тюремному заключению от 8 до 14 месяцев. Характерно заявление одного из обвиняемых, мадорусского мужика, выразившего свое недоумение по поводу своего ареста в следующих словах: „Казалы, що можно бити жидив, алы-же воно брехня“¹⁾.

Большой „наказанный“ погром, длившийся три дня (19 — 21 апреля 1899 г.), был допущен в портовом изъеме городе Николаеве. Толпы буянов в несколько тысяч человек, среди которых было много пришедших великорусских чернорабочих и несколько „интел-

¹⁾ „Восход“ 1898 г. кн. 43 — 44 (стд. II); „Хрон. Восх.“ № № за февраль — апрель 1897 г.

лигентных" подстрекателей, громили еврейские магазины и квартиры, уничтожали и грабили имущество, — вообще исполняли в точности погромный ритуал, а полиция и казаки оказывались „бессильными". На третий день из окрестных деревень, куда донесся слух о свободе разбоя и грабежа в Николаеве, двинулась в город десяти тысячная крестьянская армия — мужиков и баб — на телегах с целью забрать еврейское имущество, но уже было поздно: казакам и солдатам был отдан приказ прекратить и разогнать бунтов; крестьяне погнались обратно в деревни с пустыми телегами. Раздраженные неудачей, крестьяне выместили свою злобу на еврейском кладбище за городом, где разрушили много могильных памятников, а затем, рассеявшись по уезду, устраивали погромы в соседних селах. В еврейской земледельческой колонии Нагартаве были разрушены и разграблены все дворы и лавки, уничтожены земледельческие орудия и пр. Русский крестьянин бесовски разорял и грабил крестьянина еврейского. В соседних колониях физически сильные евреи отстояли себя. По поводу этой новой вспышки варварства, одна русская либеральная газета („Сын Отечества") воскликнула: „Когда же наконец, окончится этот ужасный пережиток мрачной эпохи средневековья, когда наступит конец этому битью окон, битью людей, разгрому домов и лавок?"¹⁾ На этот раз из Петербурга дана была директива: не допускать дальнейшего развития погромного движения. Дело в том, что, спустя две недели после николаевского вандализма, открылась первая международная конференция в Гааге (6—18 мая), созванная по известному почину Николая II для обсуждения вопроса о сокращении вооружений. Естественно было подумать при этом о разоружении погромщиков в самой России, но отсюда не сделался более решительный вывод — о необходимости прекратить или хотя бы сократить вооружение самого русского правительства против евреев, вернуть в средневековый арсенал оружие угнетения и репрессий, убийственных для целого народа; но так далеко не мог идти царь, надевший маску миротворца...

Что власти при доброй воле могли не допустить трехдневного погрома по образцу николаевского, видно из той быстроты, с какою был прекращен позже погром в польском Ченстохове (19 августа 1902 г.). В этом гвезде мрачного польского клерикализма, куда

¹⁾ „Хроника Восхода" 1899 г., № 18 — 25, 28.

тысячи католяков стекались для поклонения Божьей матери на „Ясной горе“, базарная драка между торговцем-евреем и польской бабой выросла, под влиянием подстрекателей из католического духовенства, до размеров нападения пятнадцатитысячной толпы поляков на еврейские дома и лавки. И здесь раздались крики: „Бей жидов—вам ничего не будет!“ Ченстоховские погромщики ошиблись в расчете: на них, политически неблагонадежных, одинаково враждебных в „жидам“, и „москалям“, покровительство администрации не простиралось. Утром погром начался, а вечером он уже был прекращен залпом войск, обратившим огромную толпу в бегство. На суде прокурор требовал строгого наказания, суд приговорил виновных поляков к арестантским отделениям и тюрьме и даже удовлетворил отчасти гражданские иски потерпевших евреев, что в подобных процессах допускалось судом крайне редко ¹⁾.

От соединения польской юдофобии с русской родилось в Вильне чудовище—ритуальный процесс. Польская служанка парикмахерской Давида Блондеса, пропитанная грубым суеверием и ставшая орудием в руках фанатичных ксендзов, выбежала в мартовскую ночь 1900 года на двор с криками, что хозяин причинил ей рапы с целью выпедить из нее кровь для пасхальной „мацы“. Сбежавшаяся толпа христиан, увидев царапины на шее и руке служанки, избила Блондеса; „преступника“ ввергли в тюрьму, а следственная власть придала значенье „гласу народа“ и долго доискивалась нитей преступления. Юдофобская пресса повела агитацию с целью воздействия на решение суда. Суд в первой инстанции признал наличие поранения без намерения лишить жизнь, оставляя в стороне ритуальный мотив, и приговорил Блондеса к тюремному заключению на год и четыре месяца. Защита Блондеса (известный адвокат Грузенберг и др.), опасаясь, что приговор будет истолкован врагами в смысле подтверждения ритуальной легенды, подала кассационную жалобу—и победила: решением сената дело было возвращено в виленьский окружный суд для вторичного разбора. Суд присяжных, выслушав авторитетных экспертов и блестящие речи защиты, вынес Блондесу оправдательный вердикт (1 февр. 1902). Узник был освобожден, и кошмар „ритуальной дрейфусиады“ на время рассеялся ²⁾.

¹⁾ Ibid. 1902 г. №№ 51—52; *Judenpogromen in Russland I*, 162—165 (Köln, 1910)

²⁾ „Восход“ (недельный), 1900 г., №№ 20, 100; 1901 г., № 27; 1902 г., № 6 „Будущность“ (еженед.), 1902 г., №№ 5—6; „Евр. Энциклоп.“ т. IV, 661—664.

Орудием антиеврейской агитации сделался и театр. Какой-то крещеный еврей Эфрон-Литвин, вступивший в антисемитскую компанию „Нового Времени“, сочинил пьесу-памфлет под названием „Сыны Израиля“ или „Контрабандисты“, полную гнусной клеветы на еврейский народ и иудаизм. Пьеса была поставлена сначала в Петербурге в театре издателя „Нового времени“ Суворина, а затем в течение 1901—1902 гг. обошла все провинциальные театры. Юдофобы везде приветствовали эту бездарную драму, где евреи представлялись мошенниками и преступниками, а еврейская религия и мораль — источником ненависти к христианам, которые, конечно, к евреям питали только добрые евангельские чувства. Евреи же и лучшая часть русской интеллигенции, видя в постановке такой пьесы орудие погромной пропаганды, неоднократно обращались к полиции с просьбою не разрешать постановки пьесы, разжигающей национальную и религиозную вражду, но полиция считалась с желаниями не евреев, а их врагов. Тогда в целом ряде городов (Смоленск, Орел, Кишинев, Тифлис и др.) произошли бурные демонстрации в театрах при постановке пьесы. Зрители-евреи и многие из русской публики, преимущественно студенческая молодежь, свистали, шумели и требовали прекращения издевательства со сцены над еврейским народом; антисемиты кричали „долой жидов“ и лезли в драку с демонстрантами, а полиция была последних и таскала их в участок. В результате возник ряд судебных процессов против евреев о „нарушении тишины“¹⁾. При разборе одного из таких дел в Орле защитник говорил: „Пьеса разжигает национальные страсти, предает осмеянию и утрирует национальные черты, и притом такой нации, которая не пользуется равноправием и не может выразить своего протеста. Не нужно было разрешать постановку такую пьесу, тем более, что полиции было известно брожение в публике“. Защитник притворился виновным: ведь он хорошо знал, что в России закон, запрещающий „возбуждение одной части населения против другой“, теряет свою силу, если эта „другая часть“ — евреи.

¹⁾ „Книжки Восхода“ 1899 г., III, 28 и сл. (отд. II); „Восход“ (нед.) 1900 г., №№ 89—91; 901 г. №№ 9, 11, 20, 32, 34, 38; 1902 г., №№ 7, 9, 20.

ГЛАВА II.

Национальное пробуждение (1897—1902).

В течение двух десятилетий молот российской реакции бил по организму пятимиллионного народа, но к концу оказалось, что тяжелый молот не дробил, а ковал еврейский национальный организм в его неистребимом духовном существе. Еврейство обнаружило свою железную природу, и те, кто мнили сокрушить его ударами своего молота, должны были убедиться, что они играли только роль бузнецов. Сначала казалось, что еврейство под этими ударами превращается в бесформенную массу: были моменты уныния и отчаяния, когда не видно было путей среди надвинувшегося хаоса; потом в обществе возникали только смутные настроения, неясные порывы к возрождению, на деле бессильные, лишенные творческой энергии. Но мало-по-малу из хаоса смутных общественных настроений стали выделяться очертания определенных национально-политических систем и организаций, стали прокладываться пути в направлениях различных, но объединенных общим стремлением — изнутри возродить еврейский народ в национальном и социальном отношениях. Поворотным пунктом является здесь 1897-й год. В этот год первого всемирного конгресса сионистов, одновременно с системой политического сионизма, стали определяться и другие течения еврейской национально-политической мысли. Послышалась целая гамма общественных лозунгов, свидетельствовавшая об одном: что настал конец периоду общественной прострации, что смутный порыв к освобождению и возрождению превратился в сознательное стремление, идущее по определенным путям. Было ясно видно, как под молотом истории бесформенная масса выковывается в оформленное орудие большой силы. Начался период организации еврейства.

Среди этих общественных движений конца XIX века одни шумно выступали на поверхность еврейской жизни, привлекая к себе внимание масс и даже внешнего мира, другие же снatches таились в сознании интеллигенции в форме определенной идеологии и только позднее проявились в жизни. На вековечную проблему „еврейского горя“ (Judennoth) в диспоре одни давали радикальный ответ: нужно сократить диаспору путем территориальной концентрации еврейства, а другие стремились к реорганизации диаспоры на началах национальной автономии. К движениям первого рода относятся *политический сионизм* и *территориализм*, ко второму разряду—*духовный сионизм* и *национально-культурный автономизм*. Параллельно обоим родам национальных движений, нередко соприкасаясь с ними, идет еврейское *социалистическое движение*, в различной степени окрашенное национальным элементом.

15 лет развивалось в России „палестанофильство“ (Chibat Zion) без заметного результата для той всенародной цели, которую поставили себе первые его идеологи, Ляписблум и Пинскер. Между 1882 и 1897 годом возникли в Палестине полтора десятка еврейских сельскохозяйственных колоний, еврейское население страны увеличилось на пару десятков тысяч человек, намечалась тенденция к созданию образцовой национальной школы и возрождению древнего национального языка— но все это, конечно, не могло разрешить жгучий вопрос миллионов русских евреев, искавших выхода из своего невыносимого положения. При таком ходе дела не могло быть и речи о перемещении значительной части российского центра в Палестину, где вдобавок турецкое правительство ставило препятствия даже микроскопическому росту еврейской колонизации. В этот момент прогремел в Европе клич *Теодора Герцля* о создании „еврейского государства“. С Запада пришел этот лозунг, из тех кругов, где ассимиляция пустила глубокие корни и где на горе „восточных братьев“ смотрела равнее только с филантропической точки зрения. Лозунг исходил от молодого венского журналиста, пораженного одновременным разгулом антисемитизма в столице Австрии (бургомистр Люгер и др.) и в Париже, где он жил в качестве корреспондента „Neue Freie Presse“ в первые годы „дрейфусиады“. Герцль сразу почувствовал всю остроту еврейского горя; он видел, что антисемитизм Западной Европы идет навстречу юдофобии Восточной, что идеал ассимиляции рушится, и он решил поднять национальнoе знамя, не имея ясного представления о том,

что оно уже поднято на Востоке¹⁾). Опубликованная им в начале 1896 г. книга „Der Judenstaat“ („Еврейское Государство“) была в своих исходных пунктах повторением старого призыва Пинскера; Герцль также видел избавление от „еврейского горя“ в сосредоточении народа на отдельной территории, не предпринимая вопроса, будет ли это Палестина, или Аргентина; но в отличие от своего предшественника он не ограничился теорией проблемы, а выдвинул план политической и хозяйственной организации дела: создание союзов для переговоров с государями и правительствами об уступке евреям территории под международным протекторатом, а также для добывания крупных капиталов на дело переселения и устройства больших еврейских масс. Смесь идейного энтузиазма и практических утопий, „Еврейское Государство“ Герцля оживило заглохшие политические чаяния палестинфильских кругов в России. Стоявшие под гнетом египетского рабства потянулись к новому Моисею, явившемуся с благою вестью освобождения. Герцль же, видя перед собою уже готовые кадры в прежних кружках палестинфилов, быстро приспособил свою идею территориализма к палестинизму²⁾.

Так возникла организация „политических сионистов“, орудием которых сделались всемирные партийные конгрессы, происходившие преимущественно в швейцарском Базеле. Первый всемирный конгресс сионистов в Базеле (август 1897) был внушительной демонстрацией национального пробуждения еврейства. Впервые об'единенные представители восточного и западного еврейства провозгласили перед лицом мира, что рассеянные части еврейского народа признают себя единым национальным существом, стремящимся к национальному возрождению. В центре западной ассимиляции, спустя 90 лет после официального заявления парижского синодрина о том, что еврейство перестало быть нацией, был произнесен лозунг существования еврейской национальности, хотя и *условный* — при условии создания для нее особого территориального центра, „обесвеченного международным правом“. Из четырех пунктов принятой конгрессом „базельской программы“ три посвящены основной задаче партии — политической и финансовой работе с целью массовой колонизации

¹⁾ После опубликования своего „Judenstaat“ Герцль признался, что он не знал во время написания этой книги о существовании „Autoemancipation“ Пинскера.

²⁾ Herzl's Zionistische Schriften Bd. I, Berlin, 1905; Friedemann, Das Leben Th. Herzl's, Berlin, 1914; R. Gottheil, Zionism, Philadelphia, 1914.

Палестины, и только один обзывал к деятельности для „укрепления еврейского национального чувства и самосознания“; но в дальнейшем ходе работ сионистской организации эти два начала — политическое и культурное — постоянно боролись между собой за первенство, причем западные сионисты тянули преимущественно в сторону политической деятельности и дипломатических переговоров, а восточные придавали большое значение внутренней национально-культурной работе, как предварительной стадии политического возрождения. Эта борьба двух начал продолжалась на следующих ежегодных конгрессах (2-й и 3-й в Базеле в 1898 и 1899 гг., 4-й в Лондоне 1900 г., 5-й в Базеле 1901 г.). С одной стороны шла лихорадочная работа по внешней организации дела: объединение кружков плательщиков сионистской подати — „шекеля“, создание Еврейского Колониального Банка и Национального Фонда, введение дипломатических переговоров с турецким правительством и политическими представителями других стран относительно получения гарантированного „чартера“ на массовую колонизацию Палестины, — а с другой стороны развивалась деятельность, направленная к национализации еврейской интеллигенции, распространению еврейского языка, созданию национальной школы и „завоеванию общин“ сионистами, т. е. усилению партии в общинном управлении. Минский съезд российских сионистов (1902 г.) уделял особое внимание культурным задачам партии и принял решение об образовании двух комиссий — ортодоксальной и прогрессивной — для работ в направлении национализации воспитания. На этом съезде выяснялось, что за первые пять лет своего существования сионистская организация в России приобрела около 70 тысяч членов-плательщиков шекеля, сгруппированных приблизительно в 500 кружках ¹⁾.

Политические и финансовые успехи сионизма в эту пору его идейного расцвета были незначительны: все дипломатические переговоры вождя партии, Герцля, с турецким султаном и различными государственными деятелями Запада не привели к желанному результату — получению от Турции чартера на широкую колонизацию Палестины. Финансовое учреждение партии — Колониальный Банк — не могло еще собрать скромного для такого дела фонда в 20 миллионов рублей. Колонизация шла по-прежнему медленно,

¹⁾ Protokolle der Zionisten-Congrasse 1897—1901; „Die Welt“ (ежнед. журн. сионист. организаций), Wien, 1897—1902; „Восход“, 1897—1902 (статьи о сионист. конгрессах).

в крошечных размерах, совершенно не соответствовавших грандиозной мечте о создании национального автономного центра в Палестине. И тем не менее сионизм в этот короткий промежуток сыграл очень важную роль в деле национального оживления еврейства. Сила его была не в политических целях организации, недостижимых при тогдашних условиях, а в самом факте *организованности* десятков тысяч людей для достижения общевародной цели, в той текущей национально-культурной работе (*Gegenwartsarbeit*), которая по необходимости превращалась из средства в цель. На Западе значение сионизма заключалось в том, что он противопоставил себя господствующей ассимиляции (лозунг Герцля гласил: «Сионизм стремится создать обеспеченный международным правом приют для тех евреев, которые в нынешних местах жительства не могут или не хотят ассимилироваться»); в России же, где имелись более глубокие национализирующие факторы, главное значение политического сионизма заключалось в самом процессе пропаганды идеи возрождения там, где царящая юдофобия стремилась путем тяжкого гнета довести евреев до вырождения. После общественной апатии и запуганности 80-х и первой половины 90-х годов, пошел ряд лет шумного движения, организационной работы, высокого общественного подъема. «Черта оседлости» шумела сотнями сионистских кружков, речами партийных агитаторов в собраниях и синагогах, оживленной агитацией перед выборами на каждый конгресс, горячими программными спорами между «политиками» и «культуристами», «мизрахистами» (ортодоксальными сионистами) и прогрессистами. Речь главных вождей—Герцля и Макса Нордау—комментировались на все лады. Особенно волновали публику ежегодные конгрессные речи Нордау «об общем положении евреев», в которых ярко освещалась трагедия «голуса», безысходное «еврейское горе»—материальное в странах бесправия, моральное в эмансипированных группах Запада. Нордау со свойственной ему резкостью и парадоксальностью проводил мысль, что без Сиона не будет еврейства. Его девиз: «Еврейство будет сионистическим, или его не будет!»—различно толковался в различных кругах интеллигенция. Из российских лидеров сионистской партии лишь меньшинство всецело разделяло крайние политические воззрения западных вождей (д-р Мавдельштам и др.), большинство же старых деятелей палестинфильства (Усышкин, Членов и др.) стремилось совместить политические задачи с культурными и дипломатические переговоры о «чартере»

с поддержкою существующей мелкой колонизации Палестины, к которой чистые „политики“ относились пренебрежительно. Вся эта разногласица внутри сионистской организации ослабляла ее, как орудие для достижения определенной практической цели, но вносила оживление в ряды адептов движения. Смест бичей египетских надзирателей на еврейской улице заглушался шумом идейных споров, гордыми лозунгами освобождения¹⁾.

А между тем политический сионизм, как доктрина, не давал полного ответа на великую национальную проблему во всей ее исторической сложности. Будучи по рождению продуктом реакции против антисемитизма, стремясь до известной степени утешить боль оскорбленного еврейского сердца, он обладал всеми достоинствами и недостатками доктрины, по существу мессиянской, рассчитанной на чисто субъективные силы—веру и волю. „Если вы захотите, это не будет сказкою“, говорил о конечной цели политического сионизма сам вождь движения, веривший, что путем чрезвычайного напряжения народной воли можно превратить сказку „еврейского государства“ в действительность. На вопрос, что будет с еврейской нацией, если вне нас лежащие причины не будут преодолены силой воли и „сказка“ не осуществится, политический сионизм либо не давал ответа, либо давал ответ полемический, явно противоречащий истории: без Сиона еврейство погибнет; но с таким приговором народная совесть мириться не могла. Более или менее полный ответ на проблему еврейства мог быть плодом не внешней реакции против юдофобии, а глубокого раздумья над историческим процессом развития нации в диаспоре. В этом отношении первым коррективом к политическому сионизму является „духовный сионизм“, учение публициста-философа *Ахад-Гаама* (псевдоним Ашера Гинцберга). Еще до появления политического сионизма или „герцлизма“, Ахад-Гаам внес существенный корректив в палестинфильскую доктрину Дилиенблюма и Пивскера. В программе учрежденного им в Одессе полу-масонского ордена „Вне Моше“ (существовал с 1889 до 1897 г.) он установил принцип, что прежде чем приготовить страну для народа, нужно превратить самый народ в крепкую

¹⁾ Max Nordau, *Zionistische Schriften*, Köln, 1909 (рус. перевод некоторых речей и статей, Екатеринаослав, 1898); Членов, Второй конгресс сионистов, Москва, 1899; Сапир, Сионизм, Вильно, 1903; Gottheil, *Zionism*; Дубнов, Письма о старом и новом еврействе, Спб., 1907, стр. 164 и сл., 181 и сл., 230 и сл.

национальную организацию: „нужно распространить национальную идею и превратить ее в возвышенный нравственный идеал“. Став практическим деятелем палестинской колонизации, как член одесского „Палестинского Общества“, учрежденного в 1890 г., Ахад-Гаам не переставал твердить, что смысл этой маленькой колонизации не в экономических, а в духовно-культурных ее результатах, в создании на исторической родине еврейства питомника чистой национальной культуры, без чуждых примесей, без неизбежного культурного синкретизма диаспоры. Этот принцип „нео-палестинства“ был шире развит автором и превратился в доктрину „духовного сионизма“ после шумного выступления на сцену политического сионизма. После первого базельского конгресса, Ахад-Гаам заявил, что „еврейское государство“ Герцля несуществимо, ибо при нынешних условиях невозможно перемещение значительной части диаспоры в Палестину; палестинская колонизация не может устранить материальное „еврейское горе“, но постепенно складывающийся в Палестине небольшой центр может при надлежащей организации разрешить культурную проблему еврейства. Образование „духовного центра“ на исторической родине нации, насаждение там национальной школы, возрождение древне-еврейского языка в обиходе жизни, свободное развитие еврейской культуры без давления чужой среды—вот истинная цель палестинской идеи. Такое „гарантированное убежище для еврейского духа“ могло бы иметь непрерывное национализирующее влияние на диаспору, как живой притягательный центр самобытной культуры, как световой фокус, распространяющий свои лучи по обширной периферии.

Сионистская доктрина Ахад-Гаама, как оппозиция официальному сионизму, освященному базельской программой, вызывала бесконечные споры в кругах молодежи. Этой доктрине не удалось создать особую партию или общественную организацию, но элементы ее в большей или меньшей степени применялись к воззрениям политических сионистов в России и проявлялись в выступлениях „культуристов“ против крайних „политиков“ на партийных конгрессах. Упомянутый выше мяский съезд сионистов принес частичное торжество идее Ахад-Гаама, выступившего там с докладом о „духовном возрождении“: съезд принял решение об усилении культурной работы в программе деятельности партии, но отверг предложение докладчика о создании всемирной национальной организации для возрождения

еврейской культуры, ибо это нарушило бы „политическое равновесие“ сионизма¹⁾.

Обе формы сионизма—политическая и духовная—имели одну общую почву—„отрицание гетто“, т. е. убеждение, что в мировой диаспоре еврейский народ не может дольше развиваться, как нормальная нация. Внимание политических и духовных сионистов было одинаково приковано к Сиону, как к якорю спасения еврейства в том или другом смысле. Представители обоих течений не отдавали себе ясного отчета о судьбе внутренне отрицаемой ими диаспоры, т. е. всего еврейства без палестинской его части. „Политики“ не задавались вопросом, что будет в случае неудачи их мечты, и, верные вышеуказанному девизу Нордау, как будто обрекали всю диаспору на исчезновение или прозябание в случае неполучения „чартера“ на Палестину. Духовные сионисты же мирлись с таким упрощенным решением национальной проблемы и заявляли, что диаспора может сохранить свою национальную жизнеспособность при гораздо более достижимом условии—связи ее с культурным центром в Палестине. Но как организовать всю громаду диаспоры для национальной жизни на местах, для освобождения ее и от политического, и от культурного гнета окружающей среды? На этот вопрос сионизм в обоих своих видах не давал ответа. Ответа нужно было искать не в последней только эпохе еврейской истории, а в синтезе всех ее эпох, начиная с древнейшей греко-римской диаспоры. Этот исторический или синтетический ответ попыталась дать доктрина „духовного национализма“ или точнее—„национально-культурного автономизма“, основы которой изложены в „Письмах о старом и новом еврействе“ автора настоящей книги (1897—1902 г.).

Автономизм исходит из того исторического факта, что во все времена—кроме отдельных моментов частичного уклонения—еврейская диаспора в целом представляла собою национальный организм, в котором отсутствие государственной и территориальной связи возмещалось усилением связей духовно-культурных и дисциплины внутреннего самоуправления. В течение многих веков вся еврейская культура окрашивалась в религиозный цвет, а общинная автономия сосредоточивалась вокруг синагоги,—что дало повод новейшим идеологам ассимиляции считать еврейство только религиозною груп-

¹⁾ А х а д - Г а а м, *Аз парашат дерахим* (на евр. яз.), т. 1—3, Берлин, 1902; К л а у з н е р, *Духовный сионизм*, Одесса, 1950; Д у б н о в, *Письма о еврействе*, стр. 162, 197 и след.

лю, распределенную между различными нациями. В этом была коренная ошибка декларации парижского синодрина 1807 года о том, что «еврейство ныне не составляет нации», — ошибка, ставшая догмой западного еврейства XIX века. Новейшее развитие национального движения показало, что еврейство есть не секта между нациями, а нация, распределенная между различными государствами, и что религия есть только одна из ее функций. Секуляризованная национальная идея состоит в том, что все политически рассеянные части еврейского народа составляют единую духовную или культурно-историческую нацию и, подобно всем мигрированным национальным группам в разнородных государствах, должны во всех странах отстаивать одновременно и свое гражданское равноправие, и свои национальные права — автономию общины, школы и языка. То, что ортодоксы веками охраняла под оболочкою религиозного иудаизма, свободомыслящие и прогрессисты могут отстаивать под знаменем национальной культуры. Судьбу всемирного еврейства нельзя связывать с одним только центром, а необходимо считаться с историческим фактом множественности центров, из которых наиболее крупные и национально-самобытные имеют гегемонию. В странах, где гражданская эмансипация уже достигнута, предстоит борьба за национальную эмансипацию — признание евреев нацией, имеющей право на широкую общинную и культурную автономию. В России борьба должна вестись одновременно за гражданские и национальные права. Временные неудачи в этой борьбе не должны внушать отчаяния народу, пережившему величайшие гонения на протяжении веков и сохранившему духовную свободу даже в рабстве. Облегчением в бедствиях может служить давний фактор еврейской истории — эмиграция из стран рабства в более свободные страны. При длительных страданиях в одном из еврейских центров, возможно постепенное его перемещение — частичное или полное — в другой центр с более благоприятными условиями борьбы за существование. Так и в последние десятилетия эмиграция из России создала большой еврейский центр в Северной Америке и маленький, но духовно-ценный, центр в Палестине. Последний может сделаться орудием национализации диаспоры лишь в том случае, если диаспора непосредственно будет организовываться на началах культурной автономии. Сионизм, сведенный к реально достижимым результатам, является только одним из пунктов общееврейской национальной программы; палестинский центр может усиливать национальное развитие диаспоры, но не является

непреклонным условием ее автономного бытия, ибо нельзя связывать судьбу вечного и вездесущего народа с удачей или неудачей устройства части его в былом историческом гнезде, не могущем ныне вместить всю его разбросанную массу¹⁾.

Как духовный спонсор, не создав особой партии, играл роль фермента в общенациональном движении, так и автономизм, также не вылившийся вначале в партийную организацию, вошел ингредиентом во все национально-политические движения русского еврейства в первое десятилетие XX века. В годы освободительной борьбы (1905—1906) требование национально-культурной автономии в различных степенях выставлялось почти всеми еврейскими партиями и группами, наряду с требованием гражданского равноправия (см. дальше, гл. IV).

Наряду с национальной идеологией, как противопологом западной ассимиляции, стала развиваться идеология социалистическая, выдвигавшая на первый план классовый принцип либо против национального, либо в сочетании с ним. Еврейское рабочее движение зародилось в конце 80-х годов в Литве (Вильно и др.) среди рабочих, занятых преимущественно в ремесленном производстве. В 90-х годах оно распространилось в растущих фабричных центрах Литвы и Польши (Белосток, Сморгонь, Варшава, Лодзь). Сначала рабочие кружки образовались с целью экономической борьбы: организации стачек для сокращения рабочего дня или увеличения заработной платы. Вожди кружков из еврейской интеллигентной молодежи, частью получившей высшее образование за границей, старались оформить это движение по образцу европейской социал-демократии. Идеология марксизма применялась — часто с излишним поспешием — к примитивному фазису капиталистического производства в „черте оседлости“, где еще очень трудно было провести границу между пролетариями „мелкой буржуазии“ — массой бедных ремесленников и торговцев, составлявших большинство народа, — и малочисленным рабочим пролетариатом в ремесленных заведениях и на фабриках. Со второй половины 90-х годов еврейские социалистические кружки постепенно вовлекаются в политическую борьбу и примыкают к российскому революционному движению.

В 1897 г. еврейские рабочие кружки объединились в „Союз еврейских рабочих Литвы, Польши и Россия“, известный под сокращен-

¹⁾ Дубинов. Письма о старом и новом еврействе („Восход“, 1897—1902 гг., а также дополненное отд. изд. СИБ., 1907).

ным именован „Бунд“. Первый тайный съезд союза состоялся в Вильне в сентябре 1897 года, спустя месяц после первого базельского конгресса сионистов. Были организованы ячейки партии в России (незаконные, конечно), а за границей стал выходить партийный орган на народном языке „Arbeiter-Stimme“. Вскоре „Бунд“ вошел в состав образовавшейся тогда „Российской социал-демократической партии“, как автономная группа в делах, касающихся еврейского пролетариата. В то же время среди вождей российской партии видное место занимали еврейские социал-демократы, стоявшие на точке зрения ассимиляции или космополитизма. На следующих своих съездах Бунд пытался установить свою национальную программу. Сначала преобладала тенденция ограничить национальный элемент в программе партии только употреблением еврейского языка, как орудия агитации среди масс. На третьем съезде Бунда (в Ковне 1899 г.) было отвергнуто требование национального равноправия для евреев, чтобы не отвлекать внимания рабочих от классовых интересов в сторону национальных. 4-й съезд партии (1901) признал преждевременным выставление при нынешних условиях требования национальной автономии для евреев, хотя объявил, что „понятие национальность применимо и к еврейскому народу“. И только после долгой дискуссии в партийной литературе и после резкого конфликта с централизмом Российской социал-демократической партии, съезд Бунда в 1905 г. принял резолюцию о требовании ограниченной „национально-культурной автономии“ в области народного образования и публичных прав еврейского языка ¹⁾.

Таким образом, мало-по-малу национализировалась и та идеология, которая по существу всегда была враждебна национальному принципу и противопоставляла ему интернациональное классовое начало. С другой стороны была сделана попытка внести элемент социализма в сионизм. С 1901 г. возникают кружки „Poale Zion“ („Рабочие-сионисты“) признающие территориальный принцип сионизма единственным способом разрешения еврейского социально-экономического вопроса, так как, по их мнению, в странах диаспоры еврейские массы всегда будут вытесняться из области крупной

¹⁾ Медем, Национальность и пролетариат, в сборнике Каутского „Формы национального движения в соврем. государствах“, Сиб., 1910; Материалы для истории евр. рабочего движения. Сиб., 1906.

индустрик ¹⁾). В следующие годы появлялись другие гибридные партии того же типа (сионисты-социалсты и др.).

Национальное пробуждение еврейского общества отразилось и в литературе. Значительно оживилась периодическая печать, в особенности на еврейском языке, и появились крупные таланты в различных областях литературного творчества. Еще в конце 80-х годов еженедельные еврейские газеты преобразовались в ежедневные („Гамелиц“ в Петербурге и „Гяцефира“ в Варшаве). Научно-литературные ежегодники и случайные сборники статей уступили место более живому, откликавшемуся на вопросы дня, ежемесячнику „Гамилох“ (издавался в 1896—1902 г. в Берлине, но редактировался Ахад-Гааом в Одессе; с 1903 г. выходил под редакцией д-ра I. Клаузнера в Одессе). Этот журнал, стоявший на уровне лучших европейских изданий такого рода, имел большое влияние на мирозерцание национальной молодежи на рубеже XIX и XX века. Стала развиваться и литература на живом языке народных масс—„жаргоне“ или „идиш“. Прежде скромная, ютившаяся в ежегодниках („Гауэфрейнд“ Спектора, „Идише фолксбиблиотек“ Шалом Алейхима, „Идише библиотек“ Переца), она получила свой еженедельник („Дер Юд“, Варшава 1899—1903 г.) и наконец свою первую ежедневную газету („Фрайнд“ в Петербурге, с 1903 года), за которой последовал ряд новых бойких газет в Варшаве, Вильне и других городах. Старый боевой орган эмансипации „Восход“ (еженедельник и ежемесячник) все более приближался к национальному направлению, а еженедельник „Будущность“ (1899—1902)—к сионизму. Но гегемония явно переходила от интеллигентской литературы на русском языке к литературе на национальном и народном языках.

В идейной публицистике царил в те годы дух Ахад-Гаама, откликавшегося в своих статьях и на волнующие вопросы дня, и на вечные вопросы иудаизма. Его философско-публицистические „фрагменты“ („Церурим“) служили путеводною нитью для тех, кто искал синтеза „еврей“ и „человека“ в современной национальной идее. В серии статей, объединенной заглавием „Путь духа“, он бичует „рабство в свободе“—ассимиляцию эмансипированных евреев Запада, критикует теорию национализма без Слона и попытки еврейского нищезаинства с его отрицанием этки иудаизма, устанавливает

¹⁾ Борохов. Классовые моменты национального вопроса. Одесса, 1906.

основы „возрождения духа“ в смысле национализации еврейской школы и литературы. Собранные в томах „Ал-парашат дерахим“ (первые три тома, 1895—1903 г.), статьи Азад-Гаама носят печать строго продуманной системы, основанной на философско-исторических предпосылках. В практической публицистике выдвинулся талантливый журналист Пахум Соколов, редактор варшавской газеты „Гацефира“, примкнувший после некоторых колебаний к политическому сионизму. На границе публицистики и литературной критики заняли видное место Д. Фришман и И. М. Вердичевский. Первый в своих талантливых критических статьях развивал начало „европеизации“ еврейства, а второй проводя идеи нищезнания и бунтовал против подавления „человека“ в еврее, против господства спиритуального над материальным в еврейской культуре. Перу Вердичевского принадлежит также ряд рассказов, рисующих в противовес раздвоенности души еврейского интеллигента, примитивную цельность старого хасидского мира.

Первоклассным мастером в области художественной литературы оставался писатель „эпохи реформ“—С. М. Абрамович (Мевделе Мохер Сефорим). Творчество этого бытописателя, мастерски писавшего на обоих языках, национальном и народном, еще углубилось на склоне его жизни. Его повесть „Волшебное кольцо“ (Виншфингерл), разросшаяся в большое произведение (1897—1907), представляет собою бытовую эпопею еврейства в темное царствование Николая I и последовавшую за ним „эпоху просвещения“. Серия рассказов, исполненных глубокого юмора, рисует потрясение старого быта под влиянием новейших потрясов и вызванного ими эмиграционного движения („Вчемея гарааш“ и др.). В своих автобиографических рассказах („Белим гагаим“ и незаконченный „Шлойме реб-Хаимс“) автор обнаружил редкую психологическую глубину. Полувековая творческая работа стяжала Абрамовичу титул „дедушки новоеврейской литературы“ („дер Зейде“). Он мог видеть уже блестящий успех своих „детей“ и „внуков“, выдвинувшихся в особенности в жаргонной литературе. Его младший современник Л. Перец в первый период своей деятельности писал талантливые рассказы, изображавшие быт еврейских масс в Польше с большой силой реализма, часто с примесью сатиры (серия „Рейзебилдер“). Позже он все более склонялся к модному символистическому жанру и черпал свое вдохновение главным образом в мистических легендах хасидизма (серия „Хасидиш“, впоследствии расширявшаяся до двух-

томной коллекции „Народных сказаний“). К ковку века расцвел и талант еврейского юмориста Шалом-Алейхема (С. Рабинович), который особенно мастерски изобразил тип „дуфменша“ черты оседлости, мечущегося в погоне за заработком, хватавшегося за все профессии и постоянно живущего фантазиями („Менахем Мендел“). На фоне народного языка, особенно богатого остроумными оборотами, Шалом-Алейхейм рисует быт „Маленьких людей“ русского гетто, горе и радость их детей, а в уста простодушного философа гетто—Тевии Молочянка—влагает повесть о современных потрясениях в этом замкнутом мире. Более непосредственно, чем оба эти писателя, постиг эпитетическую красоту патриархального быта младший их современник Шалом Ап, выступивший уже в первое десятилетие XX века. Его „Местечко („А Штетель“, 1904 г.) остается непревзойденным поэтическим описанием еврейского местечка в Польше, еще нетронутого веяниями нового времени.

Литературный ренессанс обнаружился с особенною силою в области стихотворной поэзии. К началу 90-х годов уже умолкла муза поэта „эпохи реформ“ Л. Гордова (умер в 1893 г.). Певец национальной скорби Фруг стал петь на русском языке свои „Сиониды“, но здесь не было уже поэтической прелести его первоначальных национальных элегий. Новые звезды заблестали на литературном горизонте. С середины 90-х годов созрел мощный талант Х. Н. Бялика, доведшего поэтические формы древнееврейской речи до небывалого совершенства. Великолепию формы соответствовало в его стихах и богатство содержания. Наиболее сильный элемент творчества Бялика составляют его национальные мотивы. Питодец равнинской „ишвивы“ и „бетгамидраша“, он воспевает те духовные красоты, которые таятся в этих ветхих стенах, внешне столь непривлекательных, в этой устарелой цитадели еврейского духа, где царил культ умственного рыцарства, где ковался духовный щит, сохранивший нацию овец среди наций волков („На пороге бет-гамидраша“, „Подвизяк науки“ и другие). Современное горе и унижение еврейства приводит поэта в отчаяние, ибо старый щит свят, а новый не изобретен; его возмущает равнодушие народных масс к зову возрождения, исходящему из Сиона („Мой народ, что трава“ и др.). Позже, с момента кишиневского погрома (1903), муза Бялика становится еще более несимпатичной и вливается в гневных укорах и пророческих обличениях. В отличие

от этого певца национальной скорби, другой современный поэт. Саул Черниховский вносил в свое творчество жизнерадостные общечеловеческие мотивы. Он демонстративно преклоняется „перед статуей Аполлона“ (название одного стихотворения на древне-еврейском языке) и приносит ему покаянную молитву вудей, отрицавшего внешнею красоту. Он бредит „эллинизмом“, культа радости и света, отрекаясь от односторонней духовности и ригоризма старого еврейства. Эротика, картины природы, баллады и сельские идиллии — вот содержание поэзии Черниховского, составляющей прямое общечеловеческое дополнение к национальной поэзии Ваялика. Оба поэта оживили еврейское поэтическое творчество. С начала XX века по их стопам идет значительная группа более или менее талантливых стихотворцев, пишущих преимущественно на древнем национальном языке в его обновленной форме ¹⁾.

Менее быстрым темпом развивалась еврейская научная литература. Но и тут с 80-х годов идет непрерывная работа, составляющая продолжение научной деятельности Запада. С 90-х годов систематически разрабатывается история евреев в Польше и России. Появляется ряд исследований, монографий и общих курсов по еврейской истории (преимущественно на русском языке). Характерными представляются попытки проложить новые пути еврейской историографии, примыкающие к новой национальной концепции еврейства. Западные историки XIX века, находившиеся — хотя в различной степени — под влиянием идей ассимиляции, рассматривали еврейскую историю преимущественно под аспектом теологическим или спиритуалистическим; в русско-еврейской науке начали искать путей социального развития диаспоры, как внутренне-автономной нации, которая во все века отстаивала не только свои религиозные ценности, но и самостоятельный уклад всей своей общественной жизни.

¹⁾ Клаузер, Ново-еврейская литература, изд. 2-е, Одесса 1912; Pines, Histoire de la littérature judeo-allemande, Paris 1910 (в русск. переводе с дополн. С. Вермеля: История еврейской литературы на евр.-неп. яз. Москва. 1913).

ГЛАВА III.

Кишиневская резня и японская война (1903—1904).

Двадцатилетний разгул политической реакции вскорымлял революцию. Оглушенная ударом начала 80-х годов, русская революция очнулась в начале XX века, после окончательного крушения надежд на перемену политического курса со стороны правительства Николая II. Усилились студенческое и рабочее движения, „беспорядки“ в университетах и забастовки на фабриках, революционная пропаганда в подпольной и заграничной печати. В 1898—1900 г. вновь сформировались две большие российские партии: социал-демократическая и социал-революционная. Партия социалистов-революционеров допускала и террор, как орудие борьбы с правительством, которое подавляло всякое свободное движение мерами полицейского террора. Полицейская инквизиция свирепствовала: ночные обыски, аресты, переполненные тюрьмы, мест каторги и ссылки „политическими преступниками“ — большей частью юношами и молодыми девушками, — все это должно было искоренить „гидру революции“, даже в виде умеренных конституционных стремлений. Революционеры мстили, и жертвою их террора сделался реакционный министр внутренних дел Сипягин, убитый Балмашовым в здании Государственного Совета (апрель 1902.) Раздраженный царь отставил на это назначенным на тот же пост В. К. Плеве, одного из опытейших агентов российской политической инквизиции, который задолго до того усовершенствовал ее механизм в качестве директора департамента полиции. Ему суждено было сыграть роковую роль и в мартирологе русского еврейства.

Можно было заранее предвидеть, что в русское революционное движение втянется значительная часть еврейской молодежи. Если бы какую-нибудь другую культурную нацию мучили и унижали так упорно, как евреев, эта нация выделала бы массу отчаянных террористов. Евреев действительно дали революционной армии бойцов в пропорции, превышавшей их численное отношение к прочему

населению, но все еще небольшой при тех издевательствах, которые совершались над ними. Еврейская учащаяся молодежь примыкала преимущественно к социал-демократической организации, относившейся отрицательно к политическим убийствам; особенно много „марксистов“ было среди молодежи, выброшенной из русской высшей школы в западную и усвоившей там приемы германской социал-демократии. Выдающиеся еврейские деятели были также в партии социалистов-революционеров (Гершуни, Гоц и др.), но в актах террора евреи непосредственно редко участвовали. Был один такой акт, совершенный рабочим из „Бунда“, Гершомом Леккертом, в Вильне. Возмущенный диким расправою вилевского губернатора фон-Вали над еврейскими рабочими, устроившими демонстрацию 1 мая 1902 г. (губернатор приказал высечь их), Леккерт стрелял в него: губернатор остался цел, а Леккерта повесили. В общем революционная деятельность евреев выражалась в участвовавших забастовках и политических демонстрациях рабочих, организованных „Бундом“, и в организаторской роли некоторой части еврейской интеллигенции, примкнувшей к обеим российским социалистическим партиям.

Если бы правительство не было ослеплено юдофобией, то процесс революционизирования евреев путем систематического гнета заставлял бы его смягчить эту систему, доводившую миллионы людей до отчаяния. Но именовавшая себя правительством каста бюрократов, цеплявшаяся за самодержавие для сохранения своих личных карьер, совершенно потеряла рассудок перед разразившейся революционной бурей. В еврейских участниках революции бюрократия видела своих личных врагов, за которых надо мстить всему еврейскому народу. Тут в уме главного инквизитора Плеве созрел дьявольский план: повести борьбу с русской революцией путем борьбы с еврейством, отвлечь в сторону „внородцев“ внимание общества, взволнованного революционным движением, скомпрометировать все русское освободительное движение, как „дело еврейских рук“, дело антинациональное, чуждое русскому народу. Для этой цели имелось в виду инсценировать где-нибудь жестокий анти-еврейский погром, который бы запугал евреев и демонстрировал протест русского народа против еврейской революции. „Утопить революцию в еврейской крови“ — таков был зародыш страшной идеи, которая с 1903 года неоднократно проводилась жандармами Николая II в моменты сильных пароксизмов русского освободительного движения.

В горячем материале для юдофобского поджога недостатка не было. Одно из таких преступных гнезд поджигателей находилось тогда в Кишиневе, столице молдаво-русской Бессарабии. Здесь 50-тысячное еврейское население до конца XIX века мирно уживалось с своими христианскими соседями (христиан в городе было около 60 тысяч), но к началу нового века отношения испортились вследствие открытой юдофобской агитации местного уличного журналиста, бывшего акцизного чиновника Крушевана. С 1897 года Крушевани издавал в Кишиневе областную газету под названием „Бессарабец“. Сначала орган умеренно-либерального направления, эта газета потом продавалась местным реакционерам-юдофобам из дворян и чиновников и стала получать субсидию от правительства. В течение ряда лет в листке Крушевана велась развуддани и юдофобская агитация. Евреев одновременно обвиняли в эконолической „эксплоатации“ и в социализме, в религиозной ненависти к христианам, выражавшейся в ритуальных убийствах, и в подготовке безбожной революции. Покровительствуемой газете все позволялось. Цензором ее был кишиневский вице-губернатор Устругов, который в своей административной деятельности был виртуозом по части преследования евреев и ограничения их жалких прав. При таком цензоре, который состоял и сотрудником газеты, в ней можно было безнаказанно печатать даже прокламации, призывающие к погромам. Агитация была тем опаснее, что „Бессарабец“ был единственной газетой для всей Бессарабии, ибо других газет правительство не разрешало. Влияние „Бессарабца“ скоро сказалося на деле: русская общественная совесть была отравлена этими ежедневными дозами яда, разгорелись темные инстинкты, в атмосфере запахло грозью. В начале 1903 года Крушевани нашел повод усилить свою погромную пропаганду. В местечке Дубоссары был найден исколотый труп русского крестьянского мальчишки, Рыбаленко, который, как выяснило позже судебное следствие, был убит своим дядей с целью получения его доли наследства. „Бессарабец“ немедленно открыл кампанию, обвинив евреев в ритуальном убийстве. „Смерть жидам, — всех жидов следует перерезать“, — такие призывы повторялись чуть-ли не ежедневно в газете, читавшейся во всех кабаках и трактирах Бессарабии. У темных русских людей и молдаван зачесались руки. Была попытка погрома в Дубоссарах, отраженная тамошними евреями. Перед Пасхой 1903 г. в Кишиневе распу-

скались таинственные слухи об убийстве еврейки русской служанки, которая на самом деле отравилась и умерла, несмотря на старания холяива-еврея спасти жизнь самоубийцы ¹⁾.

То, что творилось в Кишиневе перед Пасхой, носило слезы кипучей работы тайной организации, подготовлявшей какой-то сложный, адский план. Преступная организация гнездилась в местном русском клубе, где собирались преимущественно губернские чиновники. Незадолго до праздников в городе вдруг появился назначенный из Петербурга агент департамента полиции, жандармский офицер Левендаль, который после Пасхи—когда кровавое дело было следовано—также внезапно уехал. Триумвират Крушеван-Устругов-Левендаль, повидимому, был душою страшного юдофобского заговора. По городу разбрасывались печатные листки, в которых говорилось, что по царскому указу разрешено учинить кровавую расправу над евреями в течение трех дней христианской Пасхи. Полиция не мешала распространению этих листовок, ибо, как выяснилось впоследствии, она была посвящена в заговор. Некоторые полицейские агенты даже намекали на предстоящие события в разговорах с знакомыми евреями. В трактирах, чайных и пивных о предстоящем погроме говорили откровенно. Евреи чувствовали приближение грозы, но едва-ли догадывались, что на этот раз предстоит не обычный погром, а резня. Накануне Пасхи представители общины обратились с просьбою о защите к губернатору и полицеймейстеру и получили холодный ответ, что инструкции даны и меры охраны будут приняты. Местный православный епископ, которому представился раввин, спросил последнего: правда-ли, что среди евреев есть секта, употребляющая христианскую кровь для своих обрядов?

Пожар, открыто подготовленный поджигателями, вспыхнул в условленный момент—в воскресенье 6-го апреля, первый день христианской Пасхи и предпоследний день еврейской. В полдень, когда зазвонили церковные колокола, многочисленные банды мешая и мастеровых, как бы по сигналу, рассыпались по городу и набросились на еврейские дома и лавки. Впереди шли уличные мальчишки и разбивали окна камнями. Видя, что полиция этому не препятствует, банды, пополненные новыми „бойцами“, стали врывать внутрь домов и магазинов и выбрасывать оттуда имущество, которое на улице

¹⁾ Материалы для истории анти-еврейских погромов в России, т. I: Дубосарское и кишиневское дела 1903 г., Петроград, 1919 г.; Judenpogromen etc., Bd. II. 5—24.

уничтожалось и расхищалось гуляющей праздничной толпой. Но и тут полиция и расставленные на улицах войсковые части оставались в бездействии, никого из громил не арестовывая. Это окончательно убедило толпу в верности слухов о „разрешении бить жидов“. По улицам разлилась огромная волна черня, опьяненной водкою; раздались крики: „Смерть жидам, бейте жидов!“ С вечера пошла похота зверских убийств. Разбойники, вооруженные дубинами, топорами и ножами, набрасывались на евреев в вагонах трамваев, на улицах и в домах, и наносили им тяжкие, часто смертельные побои. И тут полиция и войска молчали, но когда в одном месте группа евреев, вооружившись палками, попыталась отогнать разбойников, полиция вмешалась и обезоружила защитников. В 10 часов вечера погром и убийства остановились; говорили, что в главном штабе погромщиков совещались тогда о дальнейшем плане военных действий и было решено приступить к сплошной резне.

Такой сигнал был дан по „армии“ — я в течение всего дня 7 апреля, с рассвета до 8 часов вечера, в Кишиневе совершались зверства, каких не бывало в прежних погромах. Видя себя беззащитными, одинокими на произвол дикой толпы, многие еврейские семейства прятались в погребах, на чердаках домов, а иногда искали спасения в домах соседей-христиан, но везде постигала несчастных рука убийц. Евреев избивали самыми варварскими способами: многих не добивали, но оставляли мучиться в предсмертных судорогах; некоторым вбивали гвозди в голову или выкалывали глаза; малых детей сбрасывали с чердаков на мостовую и разбивали им головки о камни, женщины распарывали живото или отрезывали груди. Многие женщины подверглись зверскому насилию. Один гимназист, на глазах которого хотели изнасиловать его мать, вступил в борьбу с негодяями и своею жизнью спас честь матери: его убили, а мать выкололи глаза. Пьяные банды врываются в синагоги и рвали в куски, топтали и грязнили пергаментные свитки Торы. В одной синагоге старый „шамос“ (служитель), одетый в молитвенную ризу, своею грудью заслонил от осквернителей ковчег со священными свитками и был убит на пороге святыни. В течение всего дня по улицам тинулись возы с равными и убитыми евреями по направлению к больницам, превращенным в полевые перевязочные пункты, но и это зрелище не заставило полицию остановить резню. Русское общество, за единичными исключениями, нигде не вступалось за избиваемых; „интеллигентная“ публика — чиновники с женами и детьми, уча-

нищия, адвокаты, врачи,—спокойно гуляла по улицам и равнодушно, а порою и сочувственно, наблюдала за ужасной „работой“.

Бессарабский губернатор фон-Раабен, к которому в утро второго дня погрома еврейская депутация обратилась с мольбой о защите, ответил, что он ничего не может сделать, так как еще не получил приказа из Петербурга. Только в пять часов дня получилась телеграмма Плеве, и в 6 часов на центральных улицах появились большие отряды войск в полном вооружении. Толпа увидела, что войско намерено действовать, и тотчас же без единого выстрела рассеялась. Только на окраинах, куда войска еще не успели, грабеж и резня продолжались до поздней ночи. Если бы эта готовность полиции и войск к исполнению своего долга была проявлена в самом начале погрома, то в Кишиневе не было бы ни одного убитого или раненого еврея и ни одного разрушенного дома. А после двухдневной свободы убийств и насилий в городе оказалось: 45 убитых евреев, 86 тяжело раненых или изувеченных, до 500 сравнительно легко раненых, причем не установлено точно число изнасилованных женщин; 1.500 домов и магазинов были разрушены и разграблены. Пострадала больше всего бедная часть еврейского населения, так как многие богатые семьи крупным подкупом добились защиты полиции, которая не допускала громит к их домам. На все количество еврейских жертв насчитывалось всего двое убитых христиан, из перебившихся громид. Смертельно запуганные кишиневские сарен не решились даже в последнюю минуту оказать сопротивление убийцам и дорого продать свою жизнь ¹⁾.

Крик ужаса раздался в России и в более цивилизованных странах, когда пришла весть о кишиневской резне. В России этот крик был заглушен жестокими ударами цензуры Плеве ²⁾. Если частица

¹⁾ Кроме названных выше источников, здесь использованы рукописные материалы, не прошедшие через тогдашнюю цензуру. Ср. еще „Восход“, 1903 г. и Записки губернатора, Урусова, Петроград, 1907 г.

²⁾ Вся либеральная русская пресса высказала свое возмущение по поводу кишиневских зверств. Лучшие русские писатели выражали свое сочувствие жертвам в письмах и телеграммах. Лев Толстой откликнулся в письме, которое по цензурным условиям нельзя было опубликовать, так что его пришлось распространять в рукописных копиях. Вот извлечение из него, свидетельствующее, что великий писатель глубоко возмущен причиной кишиневского злодеяния: „Мое мнение относительно кишиневского преступления вытекает также из моих религиозных убеждений. После первых же сведений, опубликованных в газетах, не зная еще всех ужасающих подробностей, которые

страшной правды прорывалась сквозь цензурные заграждения, Плеве обливала предостережения газетам „за вредное направление“ и грозил закрытием (русско-еврейский „Восход“ в Петербурге, юридический журнал „Право“ и др.). Всей русской прессе правительство навязывало лживую версию своих официальных сообщений, в которых организованная резня выдавалась за результат случайной драки между евреями и христианами, возникшей на каруселях в первый день праздника, а бездействие войск объяснялось то их малочисленностью (в городе было несколько батальонов), то нераспорядительностью полиции, причем об убитых и раненых говорилось глухо, как будто пострадавшими в „драке“ были обе стороны. Но в иностранной прессе появились разоблачения, от которых содрогнулись сердца в Европе и Америке. Корреспондент лондонского „Times“ опубликовал копию секретного письма Плеве на имя бессарабского губернатора, где за две недели до погрома губернатору предписывалось, в случае возникновения антия-еврейских „беспорядков“, не прибегать к оружию против погромщиков, дабы не возбудить „враждебных правительству чувств в населении, еще не затронутом революционной пропагандой“. Если даже признать апокрифичным это письмо с данным адресатом, то нет никакого сомнения, что инструкция в таком именно смысле—скорее устная, чем письменная (вероятно, через тайного агента Левендала)—была дана властям в Кишиневе. Всем было ясно, что если губернатор

были сообщены позже, я понял весь ужас того, что произошло, и испытал одновременно острое чувство жалости к невинным жертвам жестокости населения, изумление перед зверством всех этих так называемых христиан, отвращение к этим так называемым культурным людям, которые подстрепали толпу и сочувствовали ее действиям. В особенности я почувствовал ужас перед главным виновником—нашим правительством с его духовенством, которое будит в народе зверские чувства и фанатизм, с его бандой чиновничья-разбойников. Кишиневское преступление—это только прямое следствие той пропаганды лжи и насилия, которую русское правительство ведет с такой энергией. Положение, которое заняло русское правительство по отношению к этому вопросу, служит только новым доказательством грубого гонимства этого правительства, которое не отступит ни перед какой жестокостью там, где нужно остановить движения, кажущиеся ему опасными. Подобно турецкому правительству во время армянской резни, оно остается совершенно индифферентным к самым ужасным актам жестокости, когда эти акты не затрагивают его интересов.—Русский писатель-гуманист Короленко изобразил ужасы Кишинева в потрясающем рассказе „Дом № 13“, по личным наблюдениям. Рассказ распространился в нелегальном издании.

на второй день погрома ждал разрешения из Петербурга на прекращение резни, то раньше был дан свыше приказ о ее допущении до известного срока. Европейская печать указывала, что ужасы армянской резни в Турции, против которых не раз протестовала и русская дипломатия, бледнеют перед массовыми убийствами в Кишиневе. Европа и Америка волновались, западное еврейство собирало миллионные пожертвования в пользу своих несчастных восточных братьев, но дальнейшее сочувствия и филантропии дело не пошло ¹⁾.

Болезненно восприняло катастрофу русское еврейство. Смешанное чувство гнева и стыда овладело еврейским обществом: гнев на организаторов и повустителей страшного преступления, стыд за замученных и поруганных братьев, которые, не имея возможности спасти свою жизнь, не спасли хоть своей честью простым сопротивлением натиску людей-зверей, уверенных в своей безопасности. Поэт Фруг в стихотворении на народном языке излил свою скорбь по поводу физического бессилия нации и взывал только к доброму еврейскому сердцу:

Братья, сестры, пожелайте горе страшно велико.
Дайте савад чертвецам, дайте хлеб живым!

Несколько позже молодой поэт Бляик выразил чувство гнева и стыда с необычайною силою в своем „Сказании о Немироле“ или „В городе резни“. Это—силошной волею против народа-смирнннннн:

Огромна скорбь, но в позор велик,
И что из них огромней, человек,
Ремь ты сам...

Изображая траурные паныхиды в синагогах, поэт гневно восклицает от имени Бога:

Вы бьете в грудь, и плачете, и громко
И жалобно кричите Мне: грешим...
Да крикни я, чтоб грянула угрозы
Против Меня, и веба, и яеман,
Чтобы за муки поколений
Проклятья явились к горней сени
И бурею престол мой потрясли!

¹⁾ Материалы etc. стр. 220 и сл.; Judeenpogromen I, 259; „Восход“, 1903 г. № 20, стр. 9—10.

Ни погромы начала 80-х годов, ни московская расправа 1891 г. не вызвали такого потрясения народной души, как кишиневская резня. Проснулось жгучее чувство мученичества, но с ним — и чувство героизма. Всех охватила одна порыва — к организации *самообороны*; если правительство не защищает нашей жизни и чести, мы сами должны себя защищать. Погромная паника, охватившая весь юг после дней 6—7 апреля, привела к организации кружков самообороны в ряде городов (Одесса и др.). Плеве узнал об этих приготовлениях и смутился: с одной стороны затрудняется устройство погромов, безопасных для убийц и грабителей, а с другой — в кружках еврейской самообороны могут угнездиться революционеры и готовить политические демонстрации. И вот в своем циркуляре от конца апреля министр уведомляет губернаторов, во-первых, что „никакие кружки самообороны терпимы быть не должны“, а во-вторых, что власти обязаны принимать меры к „предупреждению насилий“ и „подавлению бесчинств“¹⁾. Как показали позднейшие события, второй пункт нигде не исполнялся, но зато первый исполнялся с неумолимой жестокостью, и при дальнейших погромах войска прежде всего расстреливали еврейскую самооборону.

При таком настроении еврейского общества, был встречен с полным равнодушием указ 10 мая 1903 г. о допущении „свободного жительствоа“ евреев в 101 селения в разных губерниях черты оседлости, где им раньше запрещалось селиться в силу „временных правил“. Многие из открытых для евреев деревень и поселков принадлежали некогда к числу местечек, которые по злой воле администрации были переименованы в „села“ для того, чтобы преградить доступ туда евреям; теперь ограбленное было возвращено с некоторым придатком. Дар данайцев, как будто поднесенный в вознаграждение за ужасы Катышева, мог внушать только отвращение. Впрочем, само правительство тут же компенсировало свой „акт милости“ новым репрессивным актом; в тот же день был опубликован другой указ — о запрещении привилегированным евреям, имевшим право жительствоа вне черты оседлости, приобретать там недвижимое имущество в селах и деревнях²⁾. Петлю беспартия, чуть-чуть ослабленную на одном конце, туго затянули на другом.

¹⁾ „Восход“, 1903 г. № 18.

²⁾ Там же, № 22.

Боль и стыд за „дядю Квашнева“ вооружили руку юноши-идеалиста. Пинхаса Дашевского, против ближайшего виновника резни— Крушевана. Сын военного врача, студент киевского политехникума, Дашевский приехал в Петербург с целью отомстить мерзкому наемнику юдофобии, который своей агитацией и погромных зистках зажег кишиневский пожар. 4 июля 1903 г. он в центре столицы, на Невском проспекте, вапал на Крушевана и ножом нанес ему, рану в шею. Рана оказалась настолько легкой, что „пострадавший“, отказавшись от скорой помощи в ближайшей еврейской аптеке, отправился домой, но Дашевского задержали и передали суду. На предварительном следствии он прямо заявил, что хотел убить Крушевана, чтобы отомстить за кишиневскую резню. Еще более озверевший Крушеван в своей газете „Знамя“ и прочая юдофобская пресса требовали для еврея-истителя военного суда и смертной казни. Дело разбиралось в окружном суде при закрытых дверях: правительство Плеве боялось появления кровавых тевей Кишинела перед публичным судом. Со стороны Крушевана выступил адвокат-юдофоб Шмаков (впоследствии участник процесса Вейлиса); защитник Дашевского доказывал, что в основе его покушения лежало намерение не убить, а выразить протест против безнаказанной преступной деятельности Крушевана. Суд приговорил обвиняемого к заключению в арестантские роты на пять лет (26 августа). Кассационную жалобу защиты (Грузенберга) сенат оставил без последствий ¹⁾. Юноша, выразивший в безумном порыве священный гнев народа-мученика, пошел в окопах в среду разбойников, а немный подстрекатель, виновник гибели жертв Кишинсва, оставался спокойным и на казенные деньги продолжал свое преступное дело разжигания юдофобских страстей.

Полицейский ум Плеве быстро сделал вывод из дела Дашевского. Он сообразил, что кишиневская резня должна воспламенить национальное чувство еврейства и склонить национальное или сионистское движение в сторону революции. И вот Плеве рассылает губернаторам через департамент полиции „совершенно секретный“ циркуляр (24 июня), в котором предписывается принять решительные меры против „пропаганды идей сионизма“, который отклонился от своей первоначальной цели—переселения евреев в Палестину—

¹⁾ Там-же, № 24, 25; Брошюра „Чему нас учат покушение Дашевского“, Лондон, 1903; Материалы etc. (1919), стр. 308—315.

и „направил свою деятельность на укрепление еврейской национальной идеи“, проведя „сличение евреев в замкнутые организации в местах их внешнего пребывания“. На основании этого циркуляра полиция воздвигала в разных местах гонения на сионистов: запрещала продажу акций Палестинского Колониального Бюро, сборы в пользу Национального Фонда, собрания и съезды сионистских кружков¹⁾. Тогда, с целью ходатайствовать о прекращении этих репрессий, приехал в Петербург западный вождь сионистов, д-р Герцль (25 июля). Кроме этой ближайшей цели, у Герцля была еще более важная миссия: побудить русское правительство к дипломатическому воздействию на Турцию в целях допущения широкой колонизации евреев в Палестине. Предупредительно принявший министром Плеве в четырех аудиенциях, Герцль старался убедить его в том, что „содействие сионистскому движению совпадает с интересами русского правительства“; Плеве ответил, — и затем подтвердил свой ответ письменно, — что русское правительство готово содействовать сионизму лишь постольку, поскольку его политическая деятельность будет направлена к достижению целей вне России — к созданию еврейского центра в Палестине и к эмиграции евреев из России, но если движение будет направлено внутрь — на пропаганду еврейской национальной идеи и организацию еврейства в самой России, оно не может быть терпимо, ибо это противоречит национально-русской политике. Вождь сионистов уверил Плеве, что чистый политический сионизм имеет в виду только создание центра вне диаспоры. Оба собеседника, повидному, остались довольны результатом бесед. Герцль посетил еще министра финансов Витте и министра иностранных дел Ламсдорфа — и уехал из Петербурга с какими-то надеждами. Сопровождаемый в пути (особенно в Вильне) бурными овациями сионистов, Герцль встретил однако суровое осуждение со стороны политических деятелей других групп, которые считали национальным унижением вести переговоры о спасении еврейства с тем человеком, на челе которого горела кайнова печать Кишинева²⁾.

Тяжелый кризис политического сионизма — упадок надежд на получение „чартера“ от султана — заставлял Герцля хвататься за соломинку, за переговоры с русским правительством. Ему казалось, что фараоны, допустившие кишиневские приемы сокращения еврейского населения в России, захотят сократить его путем диплома-

¹⁾ „Евр. Старина“ 1915 г. стр. 412 и сл.

²⁾ Friedmann, Das Leben Herzl's, 76—81; „Евр. Стар.“, 1915 г., стр. 121—125.

тического содействия колонизации Палестины. Герцль даже получил обещание в этом смысле, но он слишком доверял обещаниям сановников, смотревших на него, как на благородного фантазера. Через две недели после его петербургской поездки, кризис сионизма обнаружился во всей своей остроте на 6-м базельском конгрессе (11—16 августа). Здесь Герцль объявил о новом проекте: колонизации Уганды в восточной Африке, на основании чартера, предложенного английским правительством; он объяснил, что тут имеется определенная цель—улучшить ужасное положение русских евреев, которые не могут дожидаться султанского чартера на Сион. Заявление Герцля раскололо конгресс на две партии: одна восторженно ухватилась за проект Уганды, за устройство в Африке хотя бы „ночлега“ или временного приюта для части измученной нации; другие бурно протестовали против этой попытки создать „сионизм без Сиона“, против отречения от Палестины. После бурных, трагических сцен, большинство конгресса приняло решение отправить в Уганду экспедицию с целью исследовать пригодность страны для колонизации. Тогда анти-угандисты, преимущественно российские сионисты, демонстративно покинули зал заседаний¹⁾. В партии начался тяжелый раскол, вызванный борьбой двух принципов, издавна перевледавшихся в идеологии движения: *палестинизма* и *территориализма*. Позже совершился открытый разрыв между этими двумя принципами; наряду с организацией сионистов становится организация территориалистов, стремящихся к созданию еврейского автономного центра в любом пункте земного шара.

Об исходе из нового Египта вопила кровь Кашинсва. Предвиделось огромное усиление эмиграции в Северную Америку, где узники России в течение 20 лет, с 1881 года, образовали более чем миллионный еврейский центр. Еврейская публицистика стала указывать на необходимость „унирочить американскую эмиграцию не только как социально-экономический, но и как национальный фактор“. Указывалось, что значительная часть исторического национального центра сякоз вещей перемещается из России и Польши в Северную Америку, и что задача еврейской реальной политики состоит в организации этого великого центра будущего еврейства²⁾.

¹⁾ Protokolle des VI Zionisten-Congresses, 1903; Ч л е н о в, Сион и Африка на VI конгрессе. М. 1905.

²⁾ Д у б н о в. Исторический момент. „Воск.“ 1903. №№ 21—22 с дополн. в отд. изд. „Нисех с сарействе“, стр. 281 и сл. (1907).

Едва окончился в мирной Швейцарии сионистский конгресс, где сквозь горячие споры о спасении еврейства прорывался плач о мучениках Кишинева, в царстве Николая II и Плеве произошла новая катастрофа: погром в Гомеле. В этом торговом городе Белоруссии, где евреи составляли большинство населения (20.000), существовали значительные организации сионистов и социалистов, выделявшие из своей среды отряды самообороны, — и наперед можно было сказать, что здесь не повторится позор Кишинева, что в случае нападения евреи сумеют постоять за себя. 29 августа на базарной площади началась драка между толпою евреев и христиан из-за того, что один крестьянин хотел силою взять боченок с селедками из еврейской лавки, по цене, за которую хозяин лавки не соглашался уступить свой товар. Буйного покупателя вытолкнули из лавки, за него заступились престыжане, находившиеся на базаре, и в завязавшейся между ними и евреями драке был убит один крестьянин. Толпа крестьян в страхе разбежалась, а среди евреев полиция произвела аресты. Гомельские евреи могли бы успокоиться на том, что энергичным отпором им удалось предотвратить погром, если бы они не спасались бегством за случайно убитого христианина. Два дня прошли в напряженной тревоге. На третий день, 1 сентября, из железнодорожных мастерских вышла толпа русских рабочих, около 200 человек, и стала громить еврейские дома и синагоги. К громилам присоединялась толпа каменщиков, чернорабочих и босняков; кое-где толпу подстрекали к буйству «интеллигенты»: купец, студент, учитель. На Конной площади буйнов встретила большая группа (в несколько сот человек) еврейской самообороны. Погромщики несомненно отступили бы перед отпором обороняющихся, но в этот момент появились солдаты и дали ружейный залп в сторону евреев: трое защитников пало на месте, а несколько было ранено. Встретив поддержку со стороны войска, погромщики ободрились и с большим рвением продолжили дело разрушения. Везде цепь солдат отделяла их от еврейских групп самообороны, которые напрасно старались прорвать эту цепь; оборонявшихся солдаты отгоняли ружейными прикладами и штыками, а нападавшим не мешали громить и бить. К вечеру погром прекратился, дав следующие результаты: 12 убитых и тяжело раненых евреев, 8 убитых и раненых христиан, много евреев избитых и легко раненых, свыше 250 разграбленных еврейских квартир и лавок. Арестовано было полицией гораздо больше защищавшихся евреев, чем нападавших христиан.

Спустя два дня в Гомель приехал могилевский губернатор, созвал евреев в городскую думу и сказал им такую речь: „Мне жаль несчастных жертв. Но откуда могло произойти такое озлобление? В России веротерпимость полная (?). Причины последних событий лежат глубже. Евреи теперь стали руководителями, зачинщиками во всех анти-правительственных движениях. Весь этот Бунд и социал-демократия—все евреи. Вы сами виноваты во всем случившемся. Вы плохо воспитываете ваших детей, не имеете на них влияния, но ведь вы можете их обнаружить, указывая на них правительству, а вы укрываете их. Вы пропагандируете среди нецивилизованного населения неповорность, борьбу с правительством, но масса русская этого не хочет и обращается против вас самих“. Устами губернатора как бы говорил сам Шлеве. В этой речи наиболее грубо выражена затаенная мысль великого инквизитора—казнить отцов за революционное настроение детей (с требованием выдачи их полиции!) и выставить русское освободительное движение еврейским делом. В появившемся после погрома „правительственном сообщении“ все случившееся в Гомеле было представлено, как результат нападения евреев на жителей-христиан и на войско, вследствие чего „обороняющиеся“ солдаты вынуждены были стрелять. Вывод гласил: „причина беспорядков—крайне враждебное и вызывающее отношение к христианам со стороны местных евреев“¹⁾. Так извращалась действительность в официальном акте, так превращали мучеников—правда, раздраженных и готовых дать отпор—в мучителей.

Гомельский погром, по размерам уступавший кишиневскому, был также менее тяжел для нравственного сознания евреев: здесь евреи не давали себя бить и резать, а самоотверженно боролись с разбойниками. Если бы войско не обратилось против самообороны, погрома не было бы: трусливые погромщики разбежались бы перед смелыми защитниками своей народной чести. Шлеве еще весной предвидел организацию самозащиты со стороны евреев, и в своем вышеупомянутом циркуляре заранее объявлял „недопустимым“ это элементарнейшее право людей обороняться против нападения. В Гомеле за нарушение этого министерского циркуляра было убито несколько еврейских героев. Это предвещало новый мартиролог, но это же революционизировало до крайности еврейскую молодежь

¹⁾ „Восход“, 1903 г. № 37—43; Judenpogromen, II. 37—44.

и внушало всем ненависть к режиму, который позволял одним убивать, а другим запрещал защищаться против убийц.

Осенью 1903 года было закончено судебное следствие по делу о пасхальном кишиневском погроме. Следствие велось так, чтобы замести все следы предварительной организации погрома; были тщательно изъяты из следствия все представители власти и христианского общества, участие которых с очевидностью выяснилось на допросах, и суду преданы были только ваемные убийцы и грабители из простонародья в числе 400 человек. Боясь, что на суде откроется страшная истина, министерство юстиции распорядилось, чтобы дело слушалось при закрытых дверях. Этим актом запятнанное кровью русское правительство уже наперед отказалось от своей реабилитации перед всем цивилизованным миром, считавшим его виновником катастрофы. Во время судебных прений, отголоски которых проникали за стены закрытого зала суда, гражданским истцам из лучших представителей адвокатуры (русские Карабчевский, Соколов и др., евреи — Грузенберг, Кальманович и др.) удалось доказать, что на скамье подсудимых сидят только слепые орудия преступления, между тем как организаторы его и подстрекатели толпы не привлечены к ответственности¹⁾. На этом основании они требовали направить дело к доследованию. Суд отказал им в этом. Тогда адвокаты, после мотивированных заявлений, стали один за другим покидать зал заседания²⁾; остались только юдофобы Шмаков и другие искренние защитники кишиневской резни, считавшие ее делом чести и совести русского народа. В результате суд приговорил шару десятков убийц и грабителей из первой группы к каторжным работам или арстантским ротам, но гражданские иски потерпевших остались без удовлетворения. Когда спустя полгода потерпевшие предъявили в сенате гражданские иски к уволенному после погрома

¹⁾ Одни из подстрекателей, встарине Писаревский, еще до суда застрелен; другие фигурировали на суде лишь как свидетели.

²⁾ Особенно была сильна речь Карабчевского, мотивировавшего свой уход. Он прямо заявил, что погром был только „исполнением преступного приказа, данного свыше“. „Весь Кишинев — говорил он — был превращен во время эксцессов в громадный царь древности, где пред глазами любознательных зрителей из рядов администрации и армии, перед празднично одетой толпой, разыгрывалась в глубине арены страшная драма, сговаривались на арену с одной стороны безоружные жертвы, а с другой на них напускались разъяренные звери, пока не последовал сигнал: „Конец!“ — и ужасающее зрелище сразу прекратилось“.

губернатору фон-Раабену, вице-губернатору Устругову и полицей-мейстеру, как виновникам их разорения, ответчики цивильно заявили, что „убытки евреев в несколько раз покрыты пожертвованиями из России, Западной Европы и Америки“. Все красноречие известного политического деятеля, адвоката Визавера, не убедило судей-сенаторов, и в гражданских исках было отказано¹⁾. Правительство не хотело создать прецедент возмещения потерпевшим убытков от погрома на счет администрации, ибо „это поставило бы представителей администрации в безвыходное положение“, как с наивною откровенностью заявил фон-Раабен: пришлось бы увеличить государственный бюджет на миллионы рублей...

Посреди этих кошмарных впечатлений правительство Плеве издало указание „упорядочением законодательства о евреях“. В августе 1903 г. был разослан губернаторам циркуляр, в котором предлагалось, в виду крайней сложности и запутанности законодательства по еврейскому вопросу, указать способы „приведения этих законоположений в надлежащий порядок и возможно стройную систему“. В ответ на это предложение, от одного из губернаторов, вилевского графа Палена, поступила обширная записка, где указывалось, что все ограничительные законы в пределах „черты оседлости“ должны быть отменены, как вредные в политическом отношении, толкающие евреев в пауверизм или революцию; предлагалось сохранить меры репрессий только „против проявлений вредных сторон еврейства отдельными личностями“, а также удалить еврейскую молодежь из христианских школ и учредить для нее особые начальные и средние школы под руководством учителей-христиан. Другие губернаторы также высказались за смягчение репрессивной политики по отношению к евреям (новый бессарабский губернатор Урусов). В январе 1904 г. в Петербурге заседала комиссия из губернаторов и высших чиновников министерства внутренних дел для обсуждения еврейского вопроса. С самого начала выяснилось, что „в высших сферах“ не хотят думать о каком бы то ни было облегчении положения евреев. Один из участников комиссии, единственный либеральный губернатор, Урусов, впоследствии сообщил, что после кишиневского погрома и поднятого им шума „вернее почувствовалось недоброжелательное отношение высших сфер к евреям“,

¹⁾ Jodenprogronen, II, 24—27; „Книжки Восхода“, 1904 г. V, 227 и сл.

²⁾ Архивные материалы; „Записки Губернатора“ Урусова, 1907 г.

т.-е. что ненависть к евреям питали лично царь и камарилья. Комиссия стала обсуждать проект не реформы, а строгой систематизации анти-еврейского кодекса, но работа ее была прервана: началась японская война (27 января 1904 г.).

На другой день по объявлении войны орган русских евреев „Восход“ писал: „Не время теперь растревать старые раны. Постараемся, поскольку это в наших силах, забыть и недавнее изгнание из Порт-Артура ¹⁾, и кишневский и гомельский погромы, и многое, многое другое... Пусть родители еврейские не задумываются теперь над горькою участью оставленных за бортом (учебных заведений) детей их. Простыми солдатами пойдут евреи в бой, без надежды на офицерские чины, погоны, на оклады, но кровь наших сыновей будет так же обильно литься, как и русская“... Евреи пошли на Дальний Восток с целью присоединять Манчжурию к Сибири, где они не имели права жительства. Число евреев на фронте было очень велико (до 30 тысяч) вследствие того, что по военным правилам рекруты-евреи из западных губерний посылались преимущественно на службу в Сибирь, и они таким образом оказались близкими к театру войны. Несоразмерно велик был процент еврейских врачей запаса, которых мобилизовали в первую очередь потому, что они были вольнопрактикующими и не занимали никаких государственных и общественных должностей, между тем как русских врачей реже брали на войну, чтобы не отдалечь их от административной, городской или земской службы. Под убийственным огнем японцев должны были работать и часто гибнуть сотни еврейских врачей за то, что несправедливый закон лишал их прав государственной службы в мирное время ²⁾.

В то время как десятки тысяч бесправных сражались за престиж России на Дальнем Востоке, правительственный пресс не переставал давить их братьев в тылу. Из ряда мест вне черты оседлости администрация стала выселять семейства ушедших на войну запасных солдат и врачей на том основании, что с отъездом главы семьи жена и дети лишаются права жительства, обусловливаемого профессией мужа или отца. Но вскоре чудовищность такой политики

¹⁾ За два месяца до войны русский заместитель на Дальнем Востоке воспретил евреям жительство в Порт-Артуре и на всем Квантуномском полуострове.

²⁾ „Восход“ 1904 г. №№ 4—16; „Квижки Восхода“, 1904 г. кн. V, 172 и сл.; VII, 185 и сл.

бросилась в глаза в Петербурге, и Плеве распорядился, чтобы семьи мобилизованных были оставлены на местах жительства „вредь до окончания войны“¹⁾.

Если правительство на время ослабило гнет над евреями, то общественная юдофобия, усиленная шовинизмом военного времени, разгорелась теперь с особенной силой. Раздраженная первыми неудачами русской армии и неожиданным военным превосходством японцев, реакционная пресса („Новое Время“ и др.) распускала нелепые слухи, будто евреи тайно помогают „родственным им по расе“ (?) японцам, чтобы отомстить России за кишиневскую резню. Из столичной прессы сказка о еврейско-японском союзе пошла гулять по провинции, и тут с каждым днем росли слухи один нелепее другого: евреи вывозят золото за границу, закупают лошадей для Японии, собирают на броненосцы для микадо, натравливают Англию и Америку на Россию и т. п. Было ясно, что тут действовала шайка бессовестных агитаторов из породы Крушевана, желавшая вызвать анти-еврейские погромы на модном основании в связи с наветом об „измене“. Это явствовало еще из того, что зажигательные слухи особенно распространились в феврале и марте, перед Пасхой—сезоном погромов, подобно тому как годом раньше в эти же месяцы муссировалась дубоссарская ритуальная ложь. „Поджигатели принялись уже за свое дело“—предостерегал своих читателей еврейский журнал („Восход“, 11 марта). Через неделю ему уже пришлось сообщить о панике среди еврейского населения, особенно на юге. В Кишиневе опасались повторения погрома, что вызвало усиленную эмиграцию в Америку; в Одессе злое щие слухи волновали евреев, которые стали готовиться к самообороне. Тревога проникла и в заграничную прессу. Говорили, будто посол Соединенных Штатов в Петербурге получил инструкцию сделать по этому поводу представление русскому правительству,—что потом официально опровергалось. Правительство, однако, само сообразило, что военное время неудобно для устройства погромов. Губернатором были разосланы циркуляры о принятии решительных мер для предупреждения всяких пасхальных эксцессов. Вессарабский губернатор Урусов и одесский градоначальник обратились к русскому населению с серьезным предостережением. Это подействовало. Как только полиция и население убедились, что погромы запрещены свыше,

¹⁾ Там же.

агитация прекратилась, — и в апреле газеты могли уже сообщить, что „Пасха везде прошла спокойно“. В своих мемуарах Урусов рассказывает, что в те тревожные предпасхальные дни он в Кишиневе выработывал вместе с полицеймейстером проект охраны порядка в городе, но во время работы заметил, что полицеймейстер как-то колеблется и недоумевает. Это недоумение продолжалось до получения губернатором от Шлеве зашифрованной телеграммы с приказом не допустить погрома. Как только Урусов показал полицеймейстеру расшифрованную телеграмму, тот воскликнул: „Будьте спокойны, — теперь беспорядков в Кишиневе не будет“¹⁾. Так вымуштровали провинциальную администрацию: без приказа из Петербурга она не решалась даже принять меры для предупреждения погрома.

Утром, 15 июля 1904 г. на площади у Варшавского вокзала в Петербурге лежал окровавленный труп министра Шлеве, убитого бомбой русского террориста Сазонова в тот момент, когда он ехал с докладом к царю в Петергоф. Это означало, что революция вновь поддала голову. После двух лет бешеного полицейского террора, после попыток отвлечь внимание общества от реформ сначала погромом, а потом японской войной (Шлеве стоял за объявление войны, надеясь заглушить революцию шовинизмом), призрак революции опять встал над страной. Мученики царской инквизиции, евреи, почуяли и в бедствиях войны, и в гибели Шлеве какой-то перст Божий. В феврале 1904 г. цензурой был конфискован номер „Восхода“, в котором юная еврейская сивилла из вурсисток, в стихотворении, озаглавленном „Гаману“, напомнила о библейском „Мепи, тезаль, фарсия“ и предсказывала позорный конец новому Гаману, в котором цензура легко узнала фигуру Шлеве²⁾. В воздухе чувствовалась какая-то очищающая гроза. Даже реакционное правительство смутилось перед надвигающейся бурей; оно не ответило полицейским террором на революционный, а напротив — пошло на смягчение режима рабства.

В августе, по случаю рождения наследника-цесаревича Алексея, был издан царский манифест о разных „милостях“ и льготах для населения, из которых главная льгота состояла в отмене телесного наказания для крестьян и солдат. В тот же день (11 авг.) по-

¹⁾ „Восход“ (нед.) за март-апрель 1904 г.; „Записки Губернатора“, Урусова.

²⁾ № 7 „Восхода“ (еженед.) 1904 г. со стихотворением „Гаману“, конфискованный экземпляр.

явился указ, в котором царь „признал справедливым ввести, впредь до общего пересмотра законодательства о евреях, некоторые изменения в действующие постановления о правах их жительства“. Изменения были ничтожны: евреям с высшим образованием разрешалось жить в деревнях и приобретать там недвижимость, а также вести повсеместно торговлю, участникам японской войны, отличившимся в ней или вообще служившим беспорочно, обещано право повсеместного жительства: женам и несовершеннолетним детям евреев с высшим образованием дано право жительства даже после смерти мужей и отцов ¹⁾. Только это было „признано справедливым“ даровать евреям, пославшим десятки тысяч человек в действующую армию, на поля Манчжурии. Еврейское общество холодно приняло этот скудный дар и устремило свои взоры к более широким горизонтам, которые тогда открывались перед Россией. Близилась полетическая „весна“.

26 августа на пост министра внутренних дел был назначен Святополк-Мирский, который раньше, на посту виленского генерал-губернатора, проявлял сравнительную административную мягкость. Новый руководитель внутренней политики обещал, что будет стремиться к установлению „взаимного доверия“ между правительством и обществом, в согласовании своих действий с „истинным прогрессом“; еврейской депутации в Вильне и представителям иностранной прессы он заявил, что в еврейском вопросе он будет руководствоваться справедливостью и „добротой“. Однако, на первых же порах он оказался беспильным перед вновь вспыхнувшим погромным движением. В конце августа кое-где на юге произошли „ордиварные“ погромы, начинавшиеся с драки в еврейской лавке и кончавшиеся разрушением многих лавок и домов (в Смеле, Киевской губернии, 22 августа; попытки в гор. Ровно в тот же день). Вскоре новая погромная полоса приняла определенную окраску: пошла серия погромов мобилизационных. Мобилизуемые русские запасные, раздраженные предстоящей отправкою на поля смерти в Манчжурию, где русская армия терпела страшные поражения, направляли свой гнев по линии наименьшего сопротивления — против евреев. Солдаты напивались для храбрости водки и вместе с городской чернью шли разрушать еврейские дома, бить жильцов и грабить имущество. Кровавый погром произошел в Александрии (Херс. губ.) в дни

¹⁾ „Книж. Восх.“, 1904 г. кн. IX, 134 и сл.

6 и 7 сентября. Толпа пьяных разбойников ворвалась в синагогу, переполненную молящимися по случаю святого дня Иом-Кисура, и зверски избила там 20 человек; среди тяжело раненых, вскоре умерших от ран, было несколько гимназистов и студентов. Полиция не противодействовала избиению и погрому, и только на другой день, когда буйства возобновились, из соседнего города были вызваны казаки, которые восстанавливали порядок. Через месяц мобилизованные запасные стали производить сплошные погромы на севере — в Могилевской губернии. В Могилеве буйство солдат и местных хулиганов приняло огромные размеры (10 октября): пострадали самые бедные кварталы; жертвою грабежа сделались также семейства запасных евреев, ушедших на войну. Из губернского города эпидемия погромов разлилась по губернии (Быхов, Горки, Мстиславль): везде пьяные „престовосцы“, прежде чем уйти на фронт, разрушали, грабили, поджигали. Местами (в Витебской губернии) они, впрочем, громили без различия национальности и даже нападали на полицию, но в центре все-таки стояли евреи. Правительство, очевидно, не решалось принимать энергичные меры против „защитников отечества“, боясь раздражить их еще больше и испортить непрерывные мобилизации. Только к концу октября мобилизационные погромы затихли ¹⁾.

В те же октябрьские дни 1904 года в сессии киевской палаты, заседавшей в Гомеле, начался разбор дела о гомельском погроме предыдущего года. Целый год понадобился судебному ведомству не столько для того, чтобы расследовать дело, сколько для того, чтобы запугать его и представить в гласный суд в тенденциозном политическом освещении правительства (следствие велось еще при жизни Плеве и под давлением реакционного министра юстиции Муравьева). Обвинительный акт по гомельскому делу поражал своей грубой тенденциозностью. Все дело было представлено там, как анти-русский погром, устроенный евреями: желая отомстить за кшисневскую резню, гомельские евреи будто бы вооружились и напали на христиан в день 29 августа, что вызвало со стороны русских рабочих контр-погром 1-го сентября, где опять-таки вооруженная еврейская самооборона заняла агрессивную позицию и тем заставила солдат стрелять в нее. На этом основании к суду было привлечено около 60 обвиняемых, среди которых было 36 евреев, т. е. предста-

¹⁾ „Восход“ 1904 г., № 17 -- 33; „Кн. Восход“, 1904 г., IX, 140 и сл.

вителей той части населения, чьи дома были разрушены. Евреи, державшие оказывать сопротивление разбойникам, сидели рядом с последними на скамье подсудимых. Под давлением общественного мнения, правительство вынуждено было допустить разбор гомельского дела при открытых дверях, но председателю суда дана была инструкция не допускать в судебных прениях никаких политических разоблачений, неудобных для правительства. В Гомеле собрался цвет еврейской и русской адвокатуры для защиты обвиняемых евреев и предъявленная гражданских исков со стороны потерпевших (Винавер, Слюзберг, Кальманович, Ратнер, Соколов, Куперник, Зарудный). Почти три месяца длился этот процесс — дуэль между адвокатурой, желавшей раскрыть правду, и коронным судом, стремившимся ее затеменить. Свидетельскими показаниями и вопросами еврейских защитников все здание обвинительного акта было разрушено, но когда дело доходило до раскрытия истинных виновников погрома и отношения к нему власти, председатель деспотически останавливал защитников и лишал их слова. Грубый произвол председателя суда вывел, наконец, защитников и гражданских истцов из терпения, и 21 декабря, после бурной сцены, все они отказались от участия в деле и демонстративно покинули зал заседания. Это вызвало в стране взрыв негодования против официальной юстиции, бесчисленные выражения сочувствия по адресу мужественной защиты; сами подсудимые-евреи присоединились к благородной демонстрации своих защитников, которая сама по себе была красноречивою защитою правого дела. Процесс закончился в январе 1905 г. оправданием половины подсудимых евреев и христиан и присуждением другой половины из обеих групп к сравнительно легким наказаниям — тюремному заключению на небольшие сроки, причем суд постановил ходатайствовать перед царем о смягчении и этих наказаний. И в этом приговоре проявилась мезуитская политика: заведомых убийц и грабителей из русской группы либо оправдали, либо приговорили к ничтожному наказанию, уравнивая их в виновности с пострадавшими евреями, которые защищали свою жизнь, честь и достоинство. Русский юридический журнал „Право“, орган прогрессивной интеллигенции, опубликовал по этому поводу горячую статью, которая кончается словами: „Правда отчетливо выступает даже в этом приговоре, выступает против воли его авторов. Если, согласно этому приговору, и евреи, и христиане в убийстве, насилиях и грабежах

виновны лишь в самой малой мере (вправе как объяснить крайнюю мягкость наказания?), то у всякого неминуемо должен возникнуть вопрос: кто истинный виновник всех ужасов, творившихся в Гомеле? У того, кто внимательно следил за ходом судебного следствия, ответ может быть только один: кроме христиан и евреев, есть еще третий виновник — политиканствующая бюрократия. Этого виновника не было на сцене подсудимых, но он осужден... Лучшая часть русского общества и, в особенности, евреи жаждали справедливости и раскрытия правды, но именно он, этот третий виновник, убоился справедливости и прикрыл ее общей амнистией¹⁾.

Так кончились эти роковые два года русско-еврейской истории — 1903 и 1904, годы внутренней войны с евреями и внешней войны с Японией, годы „побед“ правительства в Кишиневе и Гомеле и поражений армии в Порт-Артуре, Ляояне и Мукдене. Эти страшные годы реакционного террора, рост которого остановился только к концу 1904 г., выгнали из России в Америку больше 125 тысяч еврейских эмигрантов, охваченных паникой и отчаянием²⁾. К концу двухлетнего кошмара политический горизонт стал проясняться: нахлынула волна освободительного движения, и казалось, что для измученного еврейства наступит новая заря. Но шести-миллионному народу суждено было пережить еще два бурных года в самом огне борьбы между царским деспотизмом и революцией, в состоянии мучительного томления между инквизицией и эмансипацией.

¹⁾ Годелевский процесс (полный отчет), Спб. 1907; „Восход“ 1904 г. №№ 21 - 23 и 1905 г., №№ 1—7.

²⁾ Ф о р н б е р г, Еврейская эмиграция, Киев, 1908, стр. 19.

ГЛАВА IV.

Революция и погромы (1905—1906 г.).

„Политическая весна“—в виде посылки правительства Святослава-Мирского примириться с либеральным обществом—дала первый толчок открытому освободительному движению. Либеральные „заговорщики“, мечтавшие о конституции, провозгласили свой запретный лозунг. В ноябре 1904 г. съезд земских деятелей в Петербурге вынес резолюцию о „ненормальности государственного управления“, покоящегося на самодержавии, и о необходимости участия народных представителей в законодательстве. В то же время многолюдный митинг, под видом банкета адвокатов и литераторов, провозгласил однородную резолюцию с требованием „отмены всех национальных и вероисповедных ограничений“. Пользуясь временным ослаблением полицейских строгостей, печать заговорила свободнее, а общество стало организовываться в политические союзы. Правительство туго шло на уступки. Оно резко осудило „шумные собрания“, требующие изменения „незыблемых начал нашего государственного строя“, но в то же время—в царском указе 12 декабря 1904 г.—оно обещало ряд частичных реформ: улучшение правового положения крестьян, расширение деятельности земства, государственное страхование рабочих, смягчение полицейских и цензурных строгостей, а также „пересмотр законов, органичивающих права иностранцев“, с сохранением лишь тех, „которые вызваны насущными интересами государства и явною пользою русского народа“. Последняя оговорка, конечно, очень мало сулила еврейм, бесправие которых всегда объяснялось „насущными интересами“ полицейского государства. Проведение возведенных полу-реформ было поручено органу бюрократии—комитету министров: услуги народных представителей были отвергнуты.

Начавшееся освободительное движение толкало бюрократию на новые уступки, которые вырывались у нее каждый раз малыми

дозами, после отчаянного сопротивления. „Кровавое воскресенье“ 9-го января 1905 года было началом открытой революции, в которой переплелись социально-экономические и политические требования. Попытка забастовавших петербургских рабочих, направившихся огромною массою к Зимнему дворцу с петицией к царю об экономических и политических улучшениях, окончилась катастрофою: петиционеры, шедшие с крестами и хоругвями в руках, под предводительством свидетенника-демагога Гапова, были встречены ружейными залпами солдат. Пало много жертв из участников манифестации и из публики,—среди них и несколько евреев: фельдшерца, зубной врач, аптекарский ученик и журналист. Это грустное поведение царя, ответившего пулями на мольбу о реформах, вызвало ряд манифестаций, фабричных забастовок и террористических актов в провинции. Революционное движение в западных губерниях и Царстве Польском не обошлось без видного участия евреев, среди которых было много организованных рабочих из Бунда и других социалистических партий. В Одессе рабочий еврей Штильман стрелял в полицеймейстера и причинил ему рану (19 янв.). В Могилеве еврейский юноша стрелял без результата в полицеймейстера, которого считали виновником бывшего там осенью 1904 года погрома. Такие случаи давали повод реакционному правительству Булыгина (после 9-го января Святопольд-Мирский был уволен за излишнее снисхождение к либерализму) оправдывать угнетение евреев, как „виновников революции“. Только председатель комитета министров, Витте, замечал эту ложь бюрократии, выдававшей следствие за причаю. В заседании комитета 11 февраля он объяснил, что „замечаемое ныне среди евреев враждебное отношение к правительству вызывается тяжелыми материальными условиями, в которых живет большинство русских евреев под гнетом ограничительных законов“. Витте предсказывал, что при таких условиях полицейской власти придется „с повышенной энергией вести борьбу с анти-правительственной деятельностью евреев, пока не осуществится возвещенное указом 12 декабря облегчение участи инородцев“¹⁾.

Но правительство медлило осуществлением даже умеренных реформ, намеченных в указе, и еврейские общественные деятели решили предъявить ему свои, более смелые требования. В фе-

¹⁾ „Восход“ 1905, №№ 3—7.

враде были посланы на имя Витте несколько массовых петиций с равноправия евреев. Петиция от 32 еврейских общин (Петербург, Вильна, Ковна, Гомель, Кишинев, Бердичев и др.) начиналась словами: „Мероприятия последней четверти века по отношению к русским евреям прямо направлены были к тому, чтобы превратить их в нищенскую массу, лишенную средств существования, света образования и человеческого достоинства. Была последовательная и законченная система гнета и насилия, искусно придуманная и правильно осуществленная.. Вся государственная машина была направлена к тому, чтобы сделать жизнь евреев в России невозможной“. Петиция отвергает мысль указа 12 декабря 1904 года о постепенном улучшении положения евреев и некоторых „облегчениях“, ибо „оскорбленное человеческое достоинство не может успокоиться на полумерах“. „Все евреи в России провинуты в настоящую минуту одною мыслью, что жестокая система бесконечных ограничений и стеснений подрывает самую основу их существования, что так дальше жить нельзя. Измученные всем пережитым, серьезно озабоченные своею судьбою в будущем, евреи ждут наконец своего полного раскрепощения, ждут решительной отмены всех исключительных законов, чтобы, свободные и равные со всеми, они могли, рука об руку с прочими гражданами великой страны, работать для ее блага и преуспеяния“.

Более резкая записка была послана от 26 еврейских общин (Москва, Одесса и др.) и от радикальных групп в общинах, подписавших первую петицию. „Мы заявляем, — говорилось там, — что считаем бесплодною всякую попытку удовлетворить и успокоить еврейское население какими-либо частичными улучшениями. Мы ждем равноправия, как люди, в которых живо чувство собственного достоинства, как сознательные граждане в современном государстве“. В записке группы виленьской общины к последнему пункту было прибавлено: „Как культурная нация, мы требуем тех прав национально-культурного самоопределения, которые должны быть предоставлены всем народам, входящим в состав русского государства“. Записки и телеграммы на имя председателя комитета министров с требованием равноправия поступили еще от многих отдельных еврейских общин ¹⁾.

Между тем общее революционное движение в России росло. Образовались профессиональные союзы железнодорожников, инже-

¹⁾ Там же, №№ 7—11.

неров, адвокатов, кое-где начались грозные забастовки на железных дорогах, волновалось и бастовало студенчество. В ответ слышались выстрелы солдат и свист казацкой палатки при разгоне демонстрантов. На крайнем крыле социалистической партии совершались террористические акты. Из них наибольшее впечатление произвело убийство великого князя Сергея, генерал-губернатора Москвы, одного из худших членов дома Романовых (4 февраля). Великий князь, имя которого было связано с изгнанием десятков тысяч евреев из Москвы в 1891 г. и с жестоким угнетением оставшейся там колони, пал от бомбы русского социалиста-революционера Каллена. Подъем революционной волны испугал Николая II—и он сделал еще одну уступку. В день 18 февраля 1905 года были опубликованы три акта: царский манифест, осуждавший революционную „смуту“ в момент кровопролитной войны на Дальнем Востоке и призывавший всех „благочестивых людей“ к борьбе с „внутренней крамолой“; затем рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина, возвестивший о решимости царя „привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в обсуждении законодательных предположений“, т. е. создать народное представительство с совещательными правами; наконец, указ сенату о дозволении частным лицам и учреждениям заявлять правительству о своих „взглядах и предположениях касających усовершенствования государственного благоустройства“. Русское прогрессивное общество не было удовлетворено ни двойственностью этих актов, в которых чередовались угроза и уступка, ни малыми размерами самой уступки, но оно широко воспользовалось данною ему свободой „заявлений“. Пошел неуправляемый поток резолюций и деклараций, с требованиями замены существующего самодержавного строя парламентской конституцией. Еврейские учреждения также примкнули к этой декларационной кампании. Старейшее „Общество просвещения евреев“ в Петербурге приняло (в собрании 27 февраля) следующую резолюцию: „Правильная, соответствующая бытовым и культурным особенностям еврейского народа, постановка образования евреев возможна только при условии полного уравнивания их в правах с остальным населением России. Как прочная гарантия свободного культурного развития и полного равенства национальностей, необходимо участие в законодательной власти и контроле над управлением страной народных представителей, избираемых на началах всеобщей, прямой и тай-

ной подачи голосов всеми гражданами страны без различия национальности, исповедания и состояния" ¹⁾.

Чувствовалась потребность в создании внепартийной политической организации, которая регулировала бы борьбу за еврейское равноправие во всех классах общества, кроме той небольшой части, которая уже была объединена в рабочую партию „Бунд“. Такая организация и была образована еврейскими общественными деятелями на съезде, состоявшемся в Вильне в конце марта 1905 г. Она называлась „Союз для достижения полноправия еврейского народа в России“ и ставила себе целью „осуществление в полной мере гражданских, политических и национальных прав еврейского народа в России“. Полное уравнивание евреев в гражданских правах, обеспечение равного участия в народном представительстве и всех его органах, „свобода национально-культурного самоопределения во всех его проявлениях, в форме широкой автономии общин, свободы языка и школьного обучения“—вот тройственная программа союза. То была первая в новейшей истории программа еврейской организации, которая поставила на своем знамени не только гражданско-политическое, но и национальное равноправие,—первая попытка освободительной борьбы внутренне-автономной нации, а не религиозной группы, причисленной к господствующей нации, как было в XIX веке на Западе. Центральное бюро Союза находилось в Петербурге; в состав его были избраны 22 члена, из коих половина в столице (М. Винавер, Г. Слиозберг, Л. Врамсон и др.), а половина в провинции (д-р Ш. Левин, С. Дубнов, М. Рацнер и др.). Первые резолюции союза гласили: требовать всеобщего избирательного права при выборах в будущий парламент, с обеспечением представительства национального меньшинства; воздействовать на русское общество в том смысле, чтобы в общих резолюциях о равенстве граждан определенно говорилось о равноправии евреев; предложить всем еврейским гласным в городских думах отказаться от своего звания в виду того, что эти гласные по закону 1892 года, лишавшему евреев муниципальных избирательных прав, не избирались еврейским населением, а назначались администрацией, что признано унизительным для гражданского и национального достоинства еврейского народа. Эта резолюция первого съезда союза действовала: в большинстве городов еврейские гласные городских дум

¹⁾ Там-же, № 9—11.

стали демонстративно отказываться от своего звания, в виде протеста против лишения евреев муниципальных прав. Администрация сначала смутялась и пыталась назначать новых евреев на места отказавшихся, но видя, что бойкот продолжается, власти „примирялись“ с полным отсутствием еврейских представителей в городском управлении. Протест заглух в общем шуме протестов и демонстраций революционного года ¹⁾.

Порабощенный, измученный народ устремился к свободе, но темные силы реакции готовили узнику страшную месть за стремление вырваться из тюрьмы. Навстречу революционной волне, увлекшей все лучшие элементы русского общества, шла грязная волна „черных сотен“, поднятая со дна, из некультурных низов русского народа, полицейскими агентами абсолютизма. „Я подниму Ахерон“— эту угрозу стало систематически осуществлять правительство Николая II в борьбе с освободительным движением. Выпуская толпы темной черни против либеральной интеллигенции и „жидов“, реакция достигала трех целей: непосредственно устрашала либералов и социалистов, демонстрировала нежелание „народа“ упразднить самодержавные ради конституции, и старалась компрометировать все освободительное движение, как „дело жидовских рук“: видите, мол, что только враги Христа являются врагами царя. Началась открытая юдофобская агитация. Поясую распространялись прокламация „черной сотни“ с возгласами: „Бейте студентов и жидов! Помните Кишинев и Гомель!“ В прокламации „Общества националистов“ Киева, Одессы, Кишинева и других городов говорилось: „Крики «долой самодержавие» суть крики тех кровопийц, которые называются жидами, армянами полками.. Берегитесь жидов! Все зло, все горе нашей жизни—жиды. Скоро, скоро встанет чудное время, когда жидов в России не будет. Долой изменников, долой конституцию!“ Погромы готовились открыто в пасхальному сезону. Из многих городов телеграфировали в газеты: „ждут погромов“. Кое-где губернаторы принимали меры против эксцессов дикой толпы, но в ряде мест погромы были намеренно допущены или даже непосредственно организованы полицией. В фабричном городе Белостоке, центре еврейского рабочего движения, казаки нападали на прохожих евреев на улицах, врываются в синагоги и еврейские дома и жестоко избивали находившихся там, часто обыскивая их

¹⁾ Архивные документы; ср. „Воск.“, 1905 г. №№ 14, 17.

и отнимая деньги (9—10 апреля). В дни Пасхи крестьяне громили евреев в местечке Дусяты (Ковенской губернии), имущество грабили, а сопротивлявшихся избивали. На юге, в городе Мелитополе, пьяная толпа разрушала и поджигала еврейские магазины, а затем начала громить и русские дома, но самооборона, состоявшая из еврейской и русской молодежи, остановила погром (18—19 апр.). В Симферополе „черные“ распространили слух, что еврейский мальчик, сын аптекаря, осквернил христианскую икону; начался погром, встретивший отпор сначала со стороны вооруженной еврейской молодежи, а затем со стороны войск (22 апр.¹).

Но самое страшное произошло в Житомире. В этом тихом центре Волыни прогрессивное общество, еврейское и русское, переживало медовый месяц освободительного движения. Как в других больших городах, вадесь после январского „кровавого воскресенья“ происходили политические забастовки рабочих, демонстрации учащейся молодежи, издавались революционные прокламации. Так как во главе движения стояла еврейская молодежь, то черная сотня принялась за свою преступную работу: распространяла слухи, будто евреи за городом, на поле, стреляли в портрет царя, что они готовятся „резать христиан“ и т. п. Перед Пасхой организаторы погрома вызвали из Москвы на помощь группу „кацапов“—великороссов. Евреи, предвидя близость катастрофы, стали вооружаться для самообороны и готовились к защите совершенно открыто. Сражение между „черными“ и „красными“ было неизбежно. Оно разыгралось в дни 23—26 апреля в кровавых формах, напоминавших гомельский погром, но в гораздо большем масштабе. В течение трех дней город был во власти черных банд, которые грабили, убивали и увечили евреев, воодушевленные выпитой водкою и убежденные, что они борются за царя против „социалистов“, желающих свободы и республики. Еврейская самооборона проявляла чудеса храбрости там, где ей не мешали полиция и войска, и мужественно умирала там, где власть поддерживала буйство диких орд погромщиков. За эти три дня было убито 15 евреев и около 100 ранено, частью тяжело. Среди погибших преобладали молодые рабочие и ремесленники; были и студенты, среди которых оказался один русский—Блинов, выступивший в защиту избиваемых евреев. Черные звери набросились на Блинова с криком: „Хоть ты и русский,

¹) „Восход“ 1905 г. № 7, 10—13, 16, 17.

Идею о том, что Россия не имеет никаких шансов в этой войне, в термах Лиги нагнетать пытались италоамериканские дипломаты, а в Европе начали уже раз за раз появляться слухи, распространяемые в первую очередь в странах, обычно считающихся врагами Германии. Но именно германские дипломаты стали самыми рьяными защитниками «милитаризма». Практически пробовали устроить и угрозы, и во имя России распустили армянский комитет во главе князя Трубецкого «защиты от джандармов». Но в конечном итоге империям удалось достичь своего результата: германский «бандит» начал посылать свои сафари (предназначенные, конечно, только против стран, союзных и близких к империализму). Две в действительности и все предостережений пока никто не делал. Ограничение свободы передвижения в отношении империализма и конфликты не было ни слухом, ни предостережением и еще дошедшей до нас информации армянского Восточного комитета 17 октября, об этом упоминается в письме Трубецкого французскому, британскому и американскому бюро конфликтов армянского армянского комитета. Наконец, что армянские комитеты в России, конечно, проигрывают на выборах, хотя и армянские государства. Но их друзей не было, им пришлось быть только объектами.

17 октября в Лиге нагнетать, как было во Франции, начали, когда начали дипломаты начали распространять слухи о том, что Россия, — в частности, только Германия армянского происхождения, делались комитеты восточного (19—20 октября), Галлия армянского (20—21 октября) Парламентской была была только германского империализма дипломаты — слухи, как армянские на то, что уже во Франции в действительности был исключительным армянским комитетом в Лиге.

Итак, как только Германия и армянский комитет. Это империализм армянский и армянский армянский на армянский комитет была дипломатический на этот комитет. Поэтому армянский армянский комитет, в частности 17 октября армянский и армянский армянский комитет, как армянский армянский и армянский армянский. Две армянские комитеты армянский армянский комитет, Россия (См. Дубица, 1910, стр. 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Глава I. Вступительный курс	1
а) Предисловие (1904—1905 г.)	1
б) Начальные упражнения (1897—1900 г.)	10
в) Начальные задачи	10
и. Введение в алгебру (1903—1904 г.)	10
г) Начальные упражнения (1900—1901 г.)	10
д) Первые задачи. Начальные задачи	10
и. упражнения (1907—1908 г.)	10
Содержание	10

КНИГА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ

В ЭПОХУ АНТИСЕМИТСКОЙ РЕАКЦИИ

(1881—1914).

ГЛАВА I.

Антикоммунизм в Германии (1981—1990 гг.)

§ 1. Новые идеологические решения и их причины

Когда после окончательной крахи двух культурных идеологий, идеологии правых и левых, владелицами в ГДР стали уже не два идеологических и идеологов, Карлс еще не знал, как начать и как продолжать их борьбу на конституциональном уровне. В этот момент, идеологический терминотворческий процесс, являясь частью конституционального процесса, был запущен, тем самым, конституционально и фактически начатся 1970 года. Тогда, после фактической революции в Немецкой народной демократии, был создан „Левый блок“ в качестве третьей партии. Карлс добился конституционального признания этой, по сути, третьей политической партии уже в 1970 году самым первым шагом, а в преддверии Карлс революционно-гого и коммунистической революции, фактически провозгласил демократию и свободу. После конституционального признания самостоятельного решения, провозгласил и после демократической войны и войны сепаратизма в 80-е годы ГДР уже. Она провозгласила и конституциональную свободу, признания и признания уже конституционального решения — конституционально и конституционально, конституционально и фактически до сих пор в смысле и фактически фактически уже не была. В Карлс провозгласил свою конституцию. Государство провозгласил признания для себя и признания своей цели, а конституционально и фактически одобрил конституционально. Он конституционально признал конституционально и конституционально признал „Левый блок“. Будет Мера решения и как конституционально, то фактически была уже конституционально для конституционально. Тогда же конституционально был конституционально. Конституционально признания конституционально, „Левый блок“ конституционально

Вместо же все же не законченности и не завершения в борьбе с либерализмом и демократизмом, как некогда, „привели германскую церковь к нулю“. Как уже было сказано в издании церковной летописки в редакции Густера и Галлера, после распада в 1884 года старой церкви Лютер и Бальбергер стали не самостоятельными, а частью великого движения на парламентском тропике. Парламенту при этом не было никакой альтернативы, поэтому время вышло, как бы вразрез с самим собой и действительной жизнью как Густава, так и Галлера. Именно в этот период церковной деятельности в жизни германской церкви произошло разделение на стороны министров, которые оказались на стороне церкви не абсолютные государственные деятели, а такие, какими были только сторонники церкви на парламенте через посредство или суда. Абсолютная борьба с иными основными политическими силами была ввиду уже упомянутого периода ввиду буржуазной и части рабочей демократии и социал-демократического движения в Германии. Именно в этот период возникла идея (в конце 1870-х годов).

В этот период, как и прежде, в жизни министров и политиков, развитие было результатом политической борьбы и идей, которые получили название „демократизма“.

Сначала в Германии, второй раз, была попытка идеологии пролетариата в форме, которая в этот период демократии 1870—1875 годов, в начале второй половины 70-х годов идеология возникла под названием — „христианского социализма“, которая включала в себя, в котором христианская идеология представляла существование автономии. На протяжении всего периода идеология включала в себя политический вопрос. А именно: Шулцгер, который был известен как

... 1) Это время было так называемым в 1870 году, когда Шулцгер написал свои работы „Сила демократии“ и „Сила христианства“ и так далее. Но все же в этот период идеология пролетариата была в форме, как бы она была в форме, как было сказано на протяжении 1870-х годов, в начале второй половины 70-х годов, когда идеология возникла под названием — „христианского социализма“ и идеология была в форме, как было сказано на протяжении 1870-х годов, в начале второй половины 70-х годов, когда идеология возникла под названием — „христианского социализма“.

2) См. „История Германии“ (1881—1914) стр. 124 и 125.

на себе и собирают членов „Христианско-социальной партии“, в первую очередь в члены и редакторы (он был членом депутатов в ландтаг в 1878 г., а в рейхстаг — в 1891 г.). Старый консерватор Виландом I в ландтаге Восточной Пруссии представлял проф-предупрега и сделал только за это, чтобы он не считался членом общеполитического съезда.

Следующие проявления антисемитизма представлялись подобными людям, но связанными с официальными органами. В 1878 г. на съезде восточной прусской провинции Виландом II был избран членом ландтага, который сам себе избрал, равно представляемой и кругу радикальных иррационалистов, но избранный оттуда за неблагородные поступки. Он опубликовал ряд статей под псевдонимом „Наследие еврейства над германцами“, а также в том же году в „Горе побежденным“. Учрежденный германцами „победенным“ германцами, Мадер в своей Пруссии писал в восточной пруссии о „аристократии победителей“. Он предупреждал, что расширяется „аристократический класс“ в восточной пруссии. Так как эти аристократические классы раньше не существовали в Пруссии, а также в Пруссии, а также в Восточной Пруссии, — говорит он, — было старинно и так принято. Речь от Пруссии в Пруссии и Восточной Пруссии, так как восточная пруссия — Пруссия. Материализм по натуре, неизбежно воплощенными по своим религиозным идеям, через религию, аристократизм и германцы и Восточной Пруссии — восточная пруссия — богатства и власти. Освободившись от восточной пруссии, так пруссия была передана на Германию в „восточную“ пр. В то время восточная пруссия была пресса, управлявшая общественным мнением, но восточная пруссия была восточная пруссия, так как в восточной пруссии учреждения и скоро будут развиваться восточная пруссия. Восточная пруссия Восточная пруссия, так как восточная пруссия восточная пруссия, но не могли справиться с восточными, между тем как восточная пруссия не могли справиться с тем бы то ни было, стремятся обрести немцев. Сложившим заработки германцами, и если восточная пруссия была восточная пруссия „восточная пруссия“ ответственность, то восточная пруссия (или, Германцы). Этот социально-политический бред, исходящий от человека, не столько одуралчивого, сколько восточного друга, произошел печатально из восточной пруссии, которая принимает ответственность за восточную пруссию. Восточная пруссия

и разности в понимании значения ¹. На этикетке своей программы Марр провозгласил категоричный выбор: «или журнал альфа-людовского характера, предпринятый им самим и другими специалистами. Или — без разницы кем, кем угодно, но без принципиального отношения к идеологии раздористического журналиста, выходящего по ряду статей „интересный“ журнал. На выборная дорога Марр стал выбирать „интересный“ журнал (*Zeitschrift für Anthropologie* (1910, 1911), но предпочел в Берлине „*Anthropologischer Anzeiger*“, чьими страницами ознакомились во время поездки до Берлина, от предлога, не зная немецкого языка. Показав для себя ослепами просматривал книгу в „Немецкой антропологической школе“, которая, кстати, была в то время референтурой, в связи „*Anthropologischer Anzeiger*“ Штендлер был социал-демократом. В Берлине и других городах встречались антропологические кружки, состоявшие из тех и французских и немецких язык, в которых проводились дискуссии и особенно антропологическая речь.

Штаб тогда проводил занятия ученики, которые руководили, руководили и эти „два журнала“. Первая антропологическая группа этой эпохи руководил профессор Гробиер, чьим именем назывался институтом „*Anthropologischer Anzeiger*“ государственного национализма. Ему же проводили трудные занятия антропологическим, но не культурным — выбором книг, документов, как в антропологическом журнале „*Zeitschrift für Anthropologie*“, в котором опубликованы статьи по антропологии на „*Zeitschrift für Anthropologie*“, в которых публиковались в „*Anthropologischer Anzeiger*“ то, что Марр писал в форме публикации Гробиера, но мнение официального прусского историка представлял бесспорную опасность для Гробиера. „*Anthropologischer Anzeiger*“ руководил — руководил он в своей антропологической антропологии в нем по неопознанному антропологическому журналу в Берлине после поездки в ПРИБЛИЖИТЕЛЬНЫЕ ПОДЪЕЗДЫ Берлин, который велел редактор журнала *Zeitschrift für Anthropologie* Берлин и Берлинский журнал. И все это было связано с тем, что он не видел возможности писать в своей антропологии. В довершение к этому, что было критикой, была не только, но и критика на эту статью, которая, кстати, была опубликована в „*Anthropologischer Anzeiger*“, а статья была опубликована в „*Anthropologischer Anzeiger*“.

¹ В Гамбург приехали антропологи в Берлин только „*Anthropologischer Anzeiger*“, опубликовал тогда в Берлине книга „*Anthropologischer Anzeiger*“.

Доказательство тому — неосчитанные тысячи еврейского историка Грейса и его учеников и в немецких землях. Грейс был из Галле до Гете и Фихте (по поводу идеологических выводов этих великих людей). Наиболее удручает ученых прусского швабства то, что „евреи забрали в свои руки“ ежедневные газеты и таких образом стали руководящими общественными органами. Авторитарные и радикальные еврейские журналисты идут по стопам своего редактора-издателя Герца, который „вопреки воле и вопреки журналистскому братству начал издавать на немецком без всякого разрешения, как бы вне страны, не принадлежащей к этому отечеству“ (Борис Шварцманович еврейский журнал „Грейс“ из Германии, „Грейс“ — это не только и французский язык, но и немцы — христианская народ, а еврей среди нас составляет меньшинство). (Герца „отличительная черта гражданского патристического чувства, против чуждого захвата, захваченного святым шаром — и в этой форме“). Далеко еврейские доказательство националистическим „разнообразием“ немцы доказали „Австрия“. Но это только против Австрии в свое время „еврейские газеты“ (1890). Далеко еврейские доказательство „Грейс“ — это не только и французский язык, но и немцы — христианская народ, а еврей среди нас составляет меньшинство). (Герца „отличительная черта гражданского патристического чувства, против чуждого захвата, захваченного святым шаром — и в этой форме“). Но в этой „немецкой“ Грейс и его ученики в эти времена из Германии еврейской националистическим „культуры немцев“, не исключая „Немецкая еврейская земля, для которого зрелостью и народность — это не только и французский язык, но и немцы — христианская народ, а еврей среди нас составляет меньшинство“. Но в этой „немецкой“ Грейс и его ученики в эти времена из Германии еврейской националистическим „культуры немцев“, не исключая „Немецкая еврейская земля, для которого зрелостью и народность — это не только и французский язык, но и немцы — христианская народ, а еврей среди нас составляет меньшинство“. Но в этой „немецкой“ Грейс и его ученики в эти времена из Германии еврейской националистическим „культуры немцев“, не исключая „Немецкая еврейская земля, для которого зрелостью и народность — это не только и французский язык, но и немцы — христианская народ, а еврей среди нас составляет меньшинство“.

Вся трагическая острота еврейской проблемы выражена была в этих жестких словах. Ведь формально Грейс был прав — на бы еврейский действительный патристический „культуры немцев“ и Германия, они должны были бы доказать „культуры немцев“.

проповедь бойкота евреев. Этот люд шумел в антисемитских собраниях, скандалил в харчевнях и ресторанах, оскорблял и выталкивал оттуда посетителей еврейского типа; доходило и до столкновений на улицах и в вагонах городских железных дорог. Модным движением увлеклась и значительная часть немецкого студенчества—те буйные бурши, которые в шумных забавах, попойках и дуэлях видели главный смысл студенческой жизни. В Берлине образовался „Союз немецких студентов“, члены которого обязывались не иметь никаких сношений с товарищами-евреями и нередко оскорбляли их в стенах университета. Оскорбленные иногда вызывали противников на дуэль и дело кончалось кровавой развязкой. Даже среди гимназистов появились маленькие антисемиты, поощряемые явным сочувствием учительского персонала. Какой-то учитель гимназии в Берлине, Генрици, выступал в народных собраниях с яростными юдофобскими речами. Либеральная городская дума нашла, что такой педагог не может воспитывать честных граждан, и уволила его от должности, но это только увеличило популярность Генрици среди антисемитов и усилило его агитаторский пыл. Все эти скандалы творились под флагом патриотизма, во имя любви к Богу, кайзеру и фатерланду. Антисемитские собрания часто посылали приветственные телеграммы в патриотическом духе канцлеру Бисмарку и получали от него весьма любезные ответы. Источником этих взаимных любезностей тайлся в том „рептильном фонде“, из которого ведомство канцлера выдавало негласные субсидии газетам „патриотического“ направления. На эти деньги издавались, повидному, вновь появившиеся антисемитские листки и брошюры, которые без поддержки извне не могли бы распространяться.

Первым политическим актом антисемитов была подача коллективной петиции имперскому канцлеру. Этот акт, исходивший из кружка Штеккера, имел целью с одной стороны поддержать прусское правительство в его реакционной политике, а с другой—развить широкую агитацию при собирании подписей под петицией. Эта петиционная кампания длилась почти целый год (1880 и начало 1881). Во вступительной части петиции были ясно формулированы ее мотивы: „Преобладание еврейского элемента заключает в себе серьезную опасность для нашей нации.езде, где еврей и христианин вступают в какие-либо обществен-

явно отношения, мы видим, что еврей является господином, а коренное христианское население находится в полной зависимости от него. Значительная часть капитала, управляющего национальным производством, находится в руках евреев. Одновременно с увеличением движимого капитала растет и количество недвижимого богатства у евреев. Не только самые великолепные здания столицы (Берлина) принадлежат евреям, отцы и деды которых пришли к нам как коробейники и барышники, но и земельная собственность, эта важнейшая консервативная опора нашего государственного строя, все более переходит в руки евреев. В виду этих обстоятельств и значительного проникновения семитических элементов в такие места, с которыми связаны власть и влияние, мы вправе задаться вопросом: какая будущность ожидает наше отечество, если семитам еще дальше дозволено будет делать там такие же завоевания, какие сделаны ими в последние двадцать лет?.. Опасность, угрожающая нашей народности, должна возрасти в той мере, в какой евреям удастся затмить наше религиозное и национальное самосознание путем печати или захвата должностей в государственных учреждениях, вносящих в духовный строй нашего отечества. Мы имеем в виду прежде всего должности учителей и судей. И те, и другие были раньше недоступны евреям и должны быть опять закрыты для них. Мы далеки от желания вновь угнетать евреев, а стремимся только к эмансипации немецкого народа от чужеземного ига¹⁾. На основании этих мотивов, явно изобличающих руку Штеккера или Трейчке, истинционеры предъявили правительству следующие требования: 1) ограничить переселение евреев в Германию из других стран, 2) удалить евреев от всех ответственных государственных должностей и не допускать их в судебное ведомство в качестве единоличных судей, 3) для сохранения христианского характера низшей народной школы, допускать туда только учителей-христиан даже в том случае, если школа посещается и еврейскими детьми; в средних же и высших учебных заведениях учителя-евреи могут быть допущены к преподаванию только в исключительных, особо мотивирован-

¹⁾ Надо иметь в виду, что в то время на 45 миллионов христианского населения Германия приходилось только около полумиллиона евреев, которые сосредоточивались преимущественно в больших городах (в Берлине—54.000).

ных случаях; 4) восстановить ведение особой официальной статистики евреев в Германии.

Содержание этой петиции должно было доставить удовольствие прусскому правительству: ведь оно и без того на практике нарушало конституционный акт равноправия в той именно области государственной службы, на которую указывали петиционеры. Реакционный министр исповеданий Путкаммер запрещал назначать евреев учителями в гимназиях; в других министерствах еврейские кандидаты, даже наиболее даровитые, допускались обыкновенно только на низшие должности. Иммиграция евреев из Польши и России всегда встречала препятствия со стороны прусских властей, и петиция могла подать повод только к усилению этих репрессий, что и сделано было Бисмарком спустя несколько лет, когда из Германии были беспощадно изгнаны массы польско-русских евреев, давно там поселившихся. Зная настроение правительства, инициаторы петиции убеждали более крайних антисемитов ограничиваться пока этими „скромными“ требованиями, которые могут быть удовлетворены „в порядке управления“, т. е. без обсуждения их в парламенте, где либеральное большинство провалило бы такие предложения. Текст петиции был разослан в десятках тысяч экземпляров по всем городам Германии. Везде деятельно собирались подписи под нею, и в связи с этим велась разнузданная юдофобская агитация. В сопроводительной заявке при петиции говорилось, что Бисмарк и прусское правительство одобряют такое изъяснение народных желаний. Поэтому местные власти, чтобы угодить начальству, не только не препятствовали распространению петиции, но сами часто подписывались под нею и склоняли к тому же подчиненных. Беспощадно строгая к политической пропаганде либералов, а тем более социалистов, прусская полиция относилась с явным сочувствием к патриотическим манифестациям, которыми сопровождалось распространение антисемитской петиции, направленной против основных законов. Этот поддон под конституцию и проповедь гражданской войны вызвали протест со стороны либералов. Группа видных представителей берлинского общества опубликовала в газетах (12 ноября 1880 г.) горячо написанную декларацию, в которой новое анти-еврейское движение было названо „национальным позором“ Германии. В этом воззвании говорилось, что антисемитская агитация грозит разру-

пить с таким трудом достигнутое национальное единство Германии, ибо оно направлено против таких сограждан, „которые честно и усердно старались в единении со всей нацией отбросить свою обособленность“. На Германию надвигается тьма средневековья, волна расовой ненависти и фанатизма. „Заветы Лессинга колеблются теми, которые должны были бы с амвона и кафедры разъяснять, что наша культура преодолела уже былые обособление племени, некогда давшего миру идею единого Бога“. Декларация кончается призывом к обществу: „воспрепятствовать смуте и отворотить национальный позор, усмирить искусственно возбужденные страсти“ и восстановить гражданский мир в стране. Под декларацией были подписаны 76 имен ученых и общественных деятелей (Момсен, Дройзен, Гнейст, Вирхов, астроном Ферстер, берлинский обер-бургомистр Форкенбек, старшины берлинского купечества, члены академии наук, депутаты парламента и члены городской думы).

Через неделю после опубликования этой декларации, в прусской палате депутатов (ландтаг) произошли горячие прения по еврейскому вопросу в связи с странствовавшей тогда по Германии антисемитской петицией. Депутат-прогрессист профессор Генель обратился в палате с запросом к правительству по поводу агитации, которая ведется в Пруссии против еврейских граждан и местами приводит к эксцессам; так как агитация связана с распространением петиции на имя канцлера, то депутат спрашивал, как относится прусское правительство к этим требованиям нарушения основных законов. Запрос Генеля обсуждался в двух заседаниях палаты (20 и 22 ноября). Вице-президент прусского совета министров граф Штольберг ответил, что петиция еще не поступила к канцлеру, но что правительство не намерено отступить от основного закона о равноправии граждан. Официально-холодный тон ответа, в котором даже не упоминалось о евреях, не мог успокоить авторов запроса, а последовавшая затем речь одного консервативного депутата (Рейхеншпергера) раскрыла политику правительства. Одобрив стремления антисемитов, депутат выразил желание услышать от представителя министерства, что оно не намерено изменить свою административную практику по отношению к евреям. Было ясно, что желания антисемитов совпадают с практикой правительства. И вот на трибуну вышли лучшие ораторы либерально-прогрес-

связной партии. Рудольф Вирхов (знаменитый медик) в своей речи назвал „шарлатанскими“ приемы антисемитов, которые оперируют то расовыми, то религиозными, то экономическими мотивами; он заявил, что правительство, опирающееся на консервативную партию, несомненно солидарно с антисемитами и несет ответственность за их действия. Другие ораторы характеризовали штеккеровский „христианский социализм“, как низкую демагогию, прикрывающую реакционные и юдофобские стремления. Лидер прогрессистов, Евгений Рихтер в блестящей речи сказал, обращаясь к консерваторам: „Вы жалуетесь на биржевую спекуляцию евреев, но забываете, что в ней участвовали немецкие князья и герцоги, которых изобличил в парламенте именно еврей Ласкер. Народные банки—наилучшее орудие против ростовщичества, а во главе берлинского народного банка стоит еврей Штраман (член берлинской городской думы). Вы жалуетесь на „еврейскую прессу“, но сознайтесь, что вы этим обозначаете либеральную печать вообще. Правительство преследует социал-демократов, выступающих только против имущих классов, и покровительствует социал-христианам, проповедующим вражду к целой расе. Я отлично знаю, что в этом деле замешаны руки и голова германского канцлера; друзья Бисмарка, Трейчке и Буш, участвуют в антисемитском движении. Недаром петиция обращена к князю Бисмарку. Петиционеры уверены, что если соберется миллион подписей, то Бисмарк возьмется за дело. Для выяснения этого мы и внесли запрос, ибо желаем, чтобы было подавлено реакционное движение, поворачивающее нашу страну“. После громовых речей оппозиции, все ждали объяснения Штеккера, одного из главных вдохновителей петиции. Он выступил с длинной речью, в которой срывая маску смиренного пастора проступали черты пavorотливого политика. Штеккер уверял, что единственное его желание—исidorить социальный мир, нарушенный евреями. „Еврейский вопрос для меня не вопрос религии или расы, а вопрос социально-правственный. Он заключается в том, что полмиллиона наших сограждан-евреев принадлежат к другому племени, другой религии, имеют другой строй понятий, чувств и стремлений, отличающих их от нас, и в том, что они начинают занимать в нашей нации положение, не соответствующее их численности. Мы живем в государстве, где 80 процентов населения—христиане, и мы вправе требовать, чтобы на это го-

сударство смотрели как на христианское общежитие, управляемое христианской властью и христианским законодательством". Не замечая коренного противоречия между последними словами и вступительным заявлением, что еврейский вопрос не религиозный и не расовый, Штеккер в дальнейшем заигрался в грубейших противоречиях, изобличавших неправдивость оратора. Когда ему крикнули слева: „подписали ли вы петицию?“, он сначала ответил: нет, но когда ему указали, что его подпись имеется там, он признался, что впоследствии также подписался под петицией. Прения в ландтаге кончились без принятия определенной резолюции. Из самого обмена мнений достаточно выяснилось отношение разных партий к еврейскому вопросу и характер „нейтралитета“ правительства в этом деле. В виду официального ответа министерства, оставалось только ждать результата петиции после подачи ее канцлеру.

Результат оказался таким, что положение формально не изменилось. В марте 1881 г. антисемитская петиция, под которою имелось около 300.000 подписей, была подана Бисмарку, но ответа на нее не последовало. Эта тактика молчания была, вероятно, заранее условлена между канцлером и организаторами петиции. И в самом деле, что мог ответить им Бисмарк? Что их требования давно уже проводятся на практике „в порядке управления“ и впредь будут проводиться? Но эту правду неудобно было сказать, ибо это послужило бы поводом к неприятным парламентским запросам по поводу нарушения конституции. Правительству удобнее было поменьше говорить и побольше делать. Авгуры антисемитизма в обществе и правительстве отлично поняли друг друга. Труд был разделен: власть делала в административном порядке все возможное для утешения евреев, а вожди антисемитов продолжали свою преступную травлю при гарантии невмешательства со стороны полиции. Официозы Бисмарка (газета „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ и журнал „Grenzboten“) не скрывали своих симпатий к антисемитизму. После запроса в ландтаге, в газете канцлера говорилось, что в антисемитизме несомненно есть нечто хорошее, если против него выступают прогрессисты.

Между тем словесная травля привела к обычному эпилогу. Депутат Рихтер в вышеупомянутой речи пророчески говорил: „Остерегайтесь вызвать дикие страсти в разнузданной массе

народа. Не будите зверя в человеке: он потом ни перед чем не остановится!». Зажигательные речи антисемитов в собраниях, крикливые клеветнические статьи в газетах, агитация во время выборов в рейхстаг—вызвали в низах народа потребность перейти от слов к делу. Погромное движение началось в глухих городах Бранденбурга и Померании, я колыбели пруссачества. В городе Нейштетине, где находилась небольшая ерейская община, сгорела дотла вновь отстроенная синагога (18 февр 1881 г.). Выяснилось, что за несколько дней перед тем в Нейштетин приезжал ярый антисемитский агитатор Генрици, уволенный за скандалы от учительской должности в Берлине, и произнес там речи, подстрекавшие к насилиям против евреев; возникло поэтому подозрение, что синагогу поджег кто-нибудь из толпы, возбужденной проповедью агитатора (впоследствии подтвердилось, что это было делом местного кузнеца, пьяницы и свирепого антисемита). Спустя несколько месяцев в том же Нейштетине произошел открытый погром. Поводом послужило уличное столкновение между евреем, редактором местной газеты,—и адвокатом-антисемитом, задетым разоблачениями его темных дел в газете. Поколотив редактора и получив от него такой же ответ, адвокат позвал на помощь, уличную толпу. Сбежавшаяся толпа христан в несколько сот человек стала бить стекла в ерейских домах и магазинах, разбивать мебель, а местами грабить имущество (19 июля). Была разгромлена и редакция неавиастной „еврейской“, т.-е. либеральной, газеты. Когда на другой день беспорядки возобновились, явился усиленный наряд полиции и войска и прекратил их. Вскоре такие же погромы, тайно подготовленные разветвленной организацией, повторились и в других местах поморской Пруссии (Гаммерштейн, Конниц, Вублиц, Ястров). Власти наконец спохватились и приняли энергичные меры для подавления беспорядков. Из Берлина был дан приказ арестовать и предать суду зачинщиков и подстрекателей, не разрешать антисемитских сходок и предупреждать погромы. Погромная эпидемия была таким образом локализована: она заглохла в гнезде своем—прусской провинции с наиболее отсталым населением, на которое, может быть, имели влияние слухи о погромах в соседней России. События в России могли показать Восточную и германским консерваторам, до каких пределов варварства может дойти анти-еврейское движение масс, во-время не оставленное,

а сравниться с своей восточной соседкой культурная Германия не хотела.

Все это происходило в разгар избирательной кампании. Во время выборов в рейхстаг (лето и осень 1881 г.) шла отчаянная борьба между консерваторами и либералами. Сначала антисемиты соединились с консерваторами под общим лозунгом: „Долой либералов и прогрессистов! Не избирайте еврея!“ Но скандальное поведение антисемитских кандидатов, вроде Генрици, на избирательных собраниях, их демагогические приемы и заигрывание с пролетариатом оттолкнули от них консерваторов, а погромы в Пруссии испугали феодалов и юнкеров, опасавшихся, что волна буйства перекинется из города в имения богатых дворян. Вследствие этого и спора из-за кандидатур, избирательный блок между консерваторами и антисемитами расстроился. Обе партии потерпели на выборах поражение. Консерваторы потеряли в рейхстаге много мест, доставшихся либералам и прогрессистам, среди которых было восемь еврейских депутатов (Ласкер, Вахбергер, редактор „Frankfurter Zeitung“ Зоннеман, экономист Макс Гирш, публицист Оппенгеймер, фабрикант Лева). Из антисемитских кандидатов прошел в рейхстаг только Штевкер, поддержанный протестантским духовенством. Висмарк был крайне удручен исходом выборов и убедился, что антисемитская оппозиция еще слишком слаба для борьбы с либералами и социалистами. Антисемиты были предоставлены самим себе. Отныне все их усилия направлены к тому, чтобы укрепиться вне парламента, пустить корни в обществе и создать международную организацию борьбы с еврейством. В немецком обществе было еще достаточно природной юдофобии для того, чтобы отравлять евреям жизнь и без официальных приказов сверху. Администраторы и судьи с антисемитским правосознанием умели отводить законную кару от подстрекателей и погромщиков. Власти толковали закон так, что наказуемо только публичное подстрекательство против каждого еврея в отдельности, а не против всего еврейства, которое не составляет юридического лица. Самые грубые оскорбления еврейской религии не карались, потому что это считалось „свободной критикой“, между тем как насмешка над мшикою „одеждою Господней“ в католической церкви Трира была признана кощунством и повлекла за собой наказание по суду. Берлинский суд оправдал

содержателя гостиницы, выставившего в окна карикатуры с оскорбительными надписями против евреев, на том основании, что подсудимый хотел этим только рекламировать свою торговлю. При таких настроениях, общественный антисемитизм мог преуспевать и без правительственной санкции. Вильгельму I и Бисмарку не было надобности, подобно Александру III и русским министрам, марать руки юдофобской политикой, ибо с этим хорошо справлялось само общество.

Что же делало германское еврейство для своей самозащиты в первые годы разгула антисемитизма? Политически ассимилированное, лишённое национальной организации, оно имело только плохой суррогат такой организации в своих „религиозных общинах“ и центральном их союзе (Deutsch-israelitischen Gemeindebund). Каждая община в отдельности в политику вмешиваться не могла, так как являлась только церковным приходом, но союз общин имел в своем уставе пункт, дававший ему возможность реагировать на некоторые политические события. Союз был обязан „следить за всеми делами, касающимися правового и социального положения последователей иудейской религии, и защищать их от нападений“. На этом основании комитет союза (находившийся тогда в Лейпциге и вскоре перемещённый в Берлин) попытался воздействовать на правительство с целью обуздания антисемитской агитации. Еще в 1879 г., когда началась агитация Марра, комитет обратился в саксонское министерство юстиции с просьбой принять меры против распространения антисемитских памфлетов, призывающих к насилию. В ходатайстве указывалось на возможность применить к агитаторам имперский закон против „обще-опасных стремлений социал-демократов“, так как Марр и его сподвижники натравливают массу на евреев, как капиталистов, и движение может направиться против класса имущих вообще. Ходатайство союза сеталось без последствий, так как из всех правительств Германии саксонское было издавна наиболее юдофобским. Ни к чему не привело одновременное обращение союза и к князю Бисмарку. Канцлера просили не об официальном воздействии, а только о том, чтобы он „высоким моральным авторитетом своего слова указал путь права и гуманности смятенному и ложно направленному общественному мнению“. Бисмарк не удостоил просителей даже прямым ответом, а только поручил начальнику своей канцелярии сообщить, что их

„письмо касательно агитации против евреев получено“. С явным презрением отнеслось прусское правительство к попыткам берлинских евреев обратить его внимание на антисемитскую опасность. Три раза (1879—80 г.г.) обращался совет еврейской общины в Берлине к министру внутренних дел с письменным заявлением о необходимости принять меры против „гнусной агитации, нарушающей общественное спокойствие“, имея в виду безобразия антисемитов в столице; но министр Эйленбург не отвечал. Тогда председатель совета Магнус отправился к министру для личных объяснений, но получил в канцелярии грубый ответ, что министр не может входить с каждым посетителем в объяснения. На новое письменное заявление общины министр, наконец, ответил, что берлинская община не уполномочена подавать жалобы от имени всех евреев Пруссии, а государственная власть не может препятствовать публичной „критике“ существующих религиозных обществ, поскольку в ней нет нарушения закона, каковое в выступлениях „Христианско-социалистической партии“ не усматривается (июль 1880).

После таких циничных ответов на круга тайных покровителей Штеккера, берлинские деятели должны были бы понять, что не хождением по канцеляриям, а политическим протестом и самопомощью еврейство может добиться уважения к своим правам,—но на это не хватило гражданского мужества. Представители германского еврейства решили воздержаться от всякой контр-агитации против антисемитизма и соблюдать спокойствие, чтобы еще больше не рассердить врагов. В конце 1880 г. комитет союза общин разослал циркуляр: „Как должен еврей держаться по отношению к антисемитскому движению?“ То было пастырское увещание, которое должно было убедить всех, что в еврействе больше евангельского смирения, чем в ратоборцах „христианского государства“. „Как ни больно—говорилось там—всякому мыслящему и чувствующему из наших единоверцев видеть, как распространяется вновь искусственно возбужденная религиозная и расовая ненависть,—пусть однако не ожесточится сердце его против христианских сограждан, пусть не слабеет его рвение в исполнении своих гражданских обязанностей. Это время испытания, которое учат нас ценить истинных друзей и заступников, должно также приучить нас оглянуться на самих себя“. Дальше говорится в дидактическом тоне о любви к труду, необходимости

соблюдать честность в торговле во избежание *shilul hashem*, о том, что не следует быть слишком чувствительным к обидам, что евреи должны быть верными немцами и вместе с тем преданными сынами синагоги. В этом послании было много трогательного смирения, но не было того, что требовалось для политического момента: сознания, что проповедь непротивления злу вредна, когда речь идет о защите коллектива. До необходимости политической самозащиты немецкое еврейство додумалось только позже, когда увидело, что смиреннее не унять ярости антисемитов. Пока единственным орудием борьбы оставалась литературная полемика, которая сводилась к апологии. Против идеологов антисемитизма, вроде Тройчке, выступали с доказательствами истинно-немецкого национализма евреи (вышеупомянутая речь Лацаруса) и величия этики иудаизма. Дальше еврейская самооборона не шла. Не возродилось еще сознание, которое дало бы смелость евреям снять с себя немецкую маску, подвергнуться еще большему риску навадения, но с верою в конечное торжество права над силою,—верою, действительно присущей еврейской этике. Тогда еще царил над умами условный ложь века, и нужна была сокрушительная молния истории, чтобы за этой завесой блеснула скрытая правда тридцати веков.

§ 3. Конгрессы антисемитов и усиление партии (1882—90 гг.).

В сентябре 1882 года в Дрездене состоялся „международный“ конгресс антисемитов, в котором участвовали только делегаты двух государств—Германии и Австро-Венгрии, в числе около 300 человек. Явились все вожди германского антисемитизма, а из Австрии прибыли главари венгерских антисемитов, которые перед тем создали в своей стране юдофобский террор в связи с тисса-аслареким ритуальным процессом (см. дальше). В зале заседаний конгресса, сбоку от президентского стола, висел портрет жертвы мнимого ритуального убийства, и под сенью кровавого призрака средневековья совещались воскресшие Каппистраны о новых способах истребления еврейства.. Заседания конгресса чередовались с общими обедами делегатов, где провозглашались тосты за лидеров движения и, между прочим, за „духовного отца антисемитизма“ князя Бисмарка. Приэтом пелась песня с рефреном: „Bald, Germanen, sei es wieder deutsch im deutschen Va-

terland" (Скоро, немцы, все пойдет на немецкий лад в немецком отечестве). Штеккер прочел доклад, в котором развил следующие тезисы: 1) необходимо образовать международный союз для противодействия усиленно еврейства; 2) еврейский вопрос не исключительно расовый и религиозный, а культурно-исторический, экономический и моральный; 3) влияние евреев держится на нечестных способах приобретения и употребления капитала и на враждебности их к христианскому общественному строю; 4) считая себя особою национальностью и по своим обычаям составляя особую касту, евреи не могут стать органической частью христианского общества, а реформированные среди них еще более опасны, чем староверы; 5) эмансипация евреев противоречит существованию христианского государства и есть роковая ошибка; 6) евреи являются одновременно двигателями капитализма и революционного социализма и в обоих отношениях приближают государство к гибели; 7) против роста еврейской торговли нужно бороться законодательным путем, с целью сосредоточения торговли в христианских руках; 8) полная же победа над еврейством будет достигнута путем проведения христианского и национально-государственного духа во всех сферах жизни.

Эту программу Штеккера радикальный антисемит Генрици находил слишком умеренной. Он заявил, что еврейский вопрос может быть разрешен только путем изгнания евреев из страны на основании особого законодательного акта. „Пусть уйдут от нас, а куда—нам дела нет“. В предложенной им резолюции Генрици имел смелость требовать такого бесчеловечного акта „на основании государственного права“. Миссионер Делеруа (De le Ro) предлагал направить евреев в Египет, над которым тогда устанавливался английский протекторат. Штеккер возражал против таких крайностей: нужно решать еврейский вопрос по-христиански, постепенно, не спеша сразу достигнуть конечной цели (т.-е. исчезновения еврейства). „Нам—говорил он—не следует также упускать из виду, что антисемитская партия еще слаба, и если бы сейчас пустили в стране на голосование вопрос, кого изгнать: семитов или антисемитов, результат был бы не в пользу антисемитов“. После прений, тезисы Штеккера были приняты некоторыми поправками.

Другим героем конгресса был лидер венгерских антисемитов, парламентский депутат Истони. Он прочел проект мани-

феста, обращенного «к правительствам и народам христианских государств, подвергающихся опасности от еврейства». В каждой стране борьба с этой опасностью должна вестись в парламентах, городских управлениях, в печати и собраниях, а главным образом путем организации анти-еврейских оборонительных союзов. В области международной необходимо прежде всего парализовать тайную деятельность еврейского интернационала в Париже, именуемого «Всемирным Еврейским Союзом», и противопоставить ему всемирный христианский союз. Единогласно принятый конгрессом манифест решено было напечатать в виде объявления во «всемирно-еврейской газете» Times, которая тогда обличала погромную политику в России и была ненавистна антисемитам.

Организовавшиеся в политическую партию, антисемиты заботились больше всего об усилении своего представительства в законодательных учреждениях. Тут они на первых порах имели неодинаковый успех на выборах в рейхстаг и в прусский ландтаг, производившихся по двум различным системам: всеобщего и цензо-классового избирательного прав. Выборы 1884 года в рейхстаг дали снова победу либералам и демократам, между которыми было пять депутатов-евреев; антисемиты провели только двух депутатов, из коих один был, конечно, Штеккер. Выборы же следующего года в ландтаг дали победу консерваторам, антисемитам и близким к ним национал-либералам, давно отделившимся от либерально-прогрессивной партии; в ландтаг вошел только один еврей, кандидат прогрессистов. Прогрессисты часто не осмеливались выставлять от своей партии еврейских кандидатов из опасения провала и потери партийного мандата. Только социал-демократы с большей уверенностью в успехе выставляли кандидатов-евреев, проходивших по спискам рабочей партии (Зингер и др.). Еврей-депутаты, впрочем, ни в рейхстаге, ни в ландтаге не выступали в защиту своих соплеменников и прятались за спиной адвокатов-христиан; они придерживались прежней тактики Ласкера, который отказывался «быть защитником в собственном деле»¹⁾. Этому странному завету следовал по смерти Ласкера (1884) его друг Вамбергер, влиятельный представитель левого крыла либеральной партии, примкнувший к образованнейшей тогда новой партии «свободомыслящих».

¹⁾ Нов. ист. евр. нар., § 87 (изд. 1911 г.)

Пытливая немецкая мысль, стремящаяся возродить все в систему, снова попыталась подставить фундамент теории модный идеал аятисемитизма. Автор „Философии бессознательного“ Эдуард Гартман издал в 1885 г. трактат „Еврейство в настоящем и будущем“, который по своему научному тону стоит гораздо выше страстного памфлета маниака Дюринга, но все же не поднимается над уровнем социальных заблуждений той эпохи. Философ, призванный распознать духовную болезнь века, до известной степени сам одержим ею. Гартман считает национальную солидарность всемирного еврейства явлением естественным, но признает ее вредною для народов, среди которых евреи живут; поэтому он не стесняется предлагать евреям отрешиться от своей „национальной ограниченности“, как они откажутся от устарелых обычаев. Чтобы оправдать это жестокое требование подавления „естественного чувства“ в коллективном индивиде, Гартман указывает, что иудаизм дает своим идеям обетование „власти над миром“ (Weltherrschaft), делающее их неудобными для других народов. Он еще делает условное различие между национальным и „племенным чувством“ (Stammesgefühl) и требует, чтобы евреи пожертвовали своим племенным чувством ради немецкого национально-государственного. „Национальное государство, — говорит он, — дарующее полную равноправность этнологически и религиозно чуждой ему составной части, может так поступать лишь в предположении, что эта благодарная группа принесет ему все свое сердце. Для этого недостаточно ни чувства родины, привязывающего человека к почве и ландшафту, ни отвлеченного патриотизма, желающего своему отечеству большего процветания, чем другим странам, и готового в случае войны жертвовать добром и кровью для обороны его; нет, безусловно нужно национальное чувство, с любовью и энтузиазмом лелеющее культурные идеалы своей нации, как величайшие духовные блага. Еврейство однако еще не отдало всего своего сердца, ибо сохранившееся в нем чувство племенной солидарности конкурирует с национальным (государственным) чувством. Еврейство представляет собой интернациональное масонство (следует обычная ссылка на парижский Всемирный Еврейский Союз). Если защитники еврейства хотят быть полезными своим соплеменникам, то они должны проповедывать полное растворение их среди народов и замену племенного чувства „госу-

дарственно-национальным⁴. Таким образом, и в выводах Гартмана звучит тот же грубый возглас древнего варвара: горе побежденным! Национальный эгоизм державного народа вправе требовать подавления естественного „племенного чувства“ (т. е. народной индивидуальности) в численно меньшей группе. Философ также не преминул напомнить евреям, что им дали гражданское равноправие под условием отказа их от своей национальности и, следовательно, сделка может быть признана недействительной при нарушении условий.

В какой мере разделялись воззрения Гартмана другими германскими мыслителями той эпохи, видно из произведенной тогда литературной анкеты. Еврейский публицист из Австрии Н. Зингер издал в 1883 г. книжку „Должны ли евреи сделаться христианами?“ и разослал ее выдающимся людям разных стран с просьбой высказать свое мнение об антисемитизме. Большая часть полученных ответов, опубликованных в особой книге (1885), осуждала антисемитизм. Натураллисты Молебот, Бюхнер, Карл Фохт и Дюбуа-Реймон видели в антисемитском движении результат обостренной борьбы за существование, экономической конкуренции и грубого эгоизма. Фохт повторил мысль, ранее высказанную им в печати: „Центр тяжести еврейского вопроса лежит не в религии, а в инстинктивной ненависти неспособных людей к способным, бездельных к бодрым и деятельным⁵„ а также в искусственно раздутым национальным антагонизме. Но во многих отзывах, даже благоприятных еврейству, делаются оговорки, близжащие их к воззрениям Гартмана. Это формулировано ясно в ответе популярного историка Иоанна Шерра. Отвергая в качестве свободного мыслителя христианское понимание еврейского вопроса, Шерр говорит: „Если евреи будут считать себя отдельной нацией, то немцы вправе относиться к ним враждебно и будут стремиться выделить этот чуждый элемент из своей среды. Конечно, евреи имеют право быть отдельной нацией, но тогда другие нации могут им сказать: прищипте себе национальную территорию—в Палестине или где угодно. Принадлежать одновременно к еврейской и немецкой нации по совести и убеждению невозможно⁶“. Все эти люди как будто не замечали, что большинство германских евреев давно уже исполнило обязательство, данное при эмансипации, и ревностно ассимилировалось, и тем не менее именно в разгар снемечення их грубо оттолкнули

Натуралисты оказались проникательнее социологов; антисемитизм был больше продуктом низменных инстинктов, чем идей и высоких эмоций. То был поход национального эгоизма сильных против национального индивидуализма слабых, поход силы против права.

Был момент, когда казалось, что антисемитизм лишится той тайной поддержки свыше, которая ему оказывалась в течение нескольких лет. Смерть императора Вильгельма I освободила трон Гогенцоллернов для единственного либерального представителя этой династии—Фридриха III; но царствование этого тяжело больного человека продолжалось только три месяца (март—июнь 1888 г.). Фридрих уже начал чистить прусское министерство от реакционных элементов, намеревался удалить также от двора пастора Штеккера. Евреи имели основание надеяться, что кровпринц, назвавший антисемитизм „позором века“, будет ему противодействовать, став императором. История Германии вообще получила бы другой вид, если бы этот мирный конституционный монарх жил дольше; но судьбе угодно было заменить его молодым Вильгельмом II, олицетворением всех пороков новой Германии. Идолопоклонник государственности и милитаризма, истинно-германский монарх в прусско-юнкерском духе, молодой император возбуждал в сердцах антисемитов радужные надежды. На первых порах эти надежды не оправдались: по принятому этикету, новый монарх в ответ на поздравления и приветствия уверял, что для него равны все вероисповедания и т. п. Такие заявления могли на время устранить опасение законодательной отмены гражданского равноправия; но и Вильгельм II ничего не сделал для того, чтобы устроить административный произвол, фактически сокращавший равноправие евреев. Все реакционные элементы в правительстве остались на местах или были заменены особями той же породы, а пропаганда самого крайнего антисемитизма не встречала тех полицейских и цензурных препятствий, которыми обуздывалось всякое свободное слово слева. В 1889 г. состоялся съезд антисемитов в Бохуме, где принимали участие более радикальные элементы партии, не довольствовавшиеся умеренною тактикою Штеккера. Здесь задавали тон представители „чистого антисемитизма“: Либерман фон-Зонненберг и новый кумир партии Отто Беквель, депутат рейхстага, основавший в Гессене „Антисемитскую народную партию“ (Antisemitische Volkspartei). В своих

речах и брошюрах Беккель осуждал правых антисемитов, оправившихся на аграриев и шикеров, и требовал, чтобы антисемиты выступали как самостоятельная партия, представляющая интересы крестьян и мелкой буржуазии (за это Беккель в шутку называли „крестьянским королем“). Съезд в Бохуме решил, что антисемитизм должен стремиться одновременно к усилению германизма и к социальным реформам, а потому дал партии новое название „Немецко-социальная партия“ („Deutsch-Soziale Partei“). От переименования сущность партийной программы изменилась только в смысле большой радикальности требований: съезд признал нужным добиваться, чтобы евреев лишили права быть избираемыми в парламент и даже городские думы, чтобы их не допускали ни на государственную, ни на муниципальную службу; профессии судей, адвокатов, врачей, техников евреи могут практиковать только среди своих соплеменников; еврейские купцы не могут быть членами торговых палат; евреи, как иностранцы, освобождаются от натуральной воинской повинности и взамен уплачивают определенную поголовную подать. Требовалось еще, чтобы правительство подвергло Талмуд научной экспертизе, с целью обнаружить „опасные для государства“ положения этой книги. Было признано необходимым немедленно изгнать из Германии всех евреев, еще не получивших натурализации, и не допускать иммиграции из России. Это требование предъявлялось после того, как по жестокому распоряжению прусского правительства были выселены из Пруссии сотни еврейских семейств, давно переселившихся туда, а новые эмигранты безжалостно отгонялись пограничными жандармами обратно к российской границе. Эти требования „радикальных“ антисемитов очень нравились заинтересованным классам городского и сельского населения, желавшим избавиться от конкуренции. Радикалы завоевали все симпатии, и штекеровцы отступили на задний план. Сам Штеккер в это время уже утратил свое влияние при дворе, так как вследствие разных интриг был уволен от должности придворного проповедника. В 1890 г. победили на выборах в рейхстаг крайние антисемиты; в парламент вошли пять антисемитских депутатов, в том числе Либерман и Беккель.

Против злых духов антисемитизма немецкое еврейство боролось священными заклинаниями. В 1884 г. съезд раввинов в Берлине опубликовал декларацию о том, что опорощенное антисеми-

тами нравственное учение иудаизма отличается идеальной чистотой. „Именем единого Бога“ 120 раввинов торжественно объявляли, что иудаизм основан на заветах любви к ближнему, даже чужому и неверцу, и на полной веротерпимости, как это видно из библейских текстов, хорошо известных и антисемитам; если же в позднейшей религиозной письменности встречаются наречения, противные этим основным заповедям, то они являются только мнениями отдельных лиц, лишенными обязательной силы. Для той же цели союз немецко-еврейских общин опубликовал в 1889 г. „Основные положения еврейского нравственного учения“, которые, по словам одного знающего еврейского историка, „произвели повсюду прекрасное впечатление“, вероятно на самих евреях, ублажавших себя мыслью, что можно чорта выкурить ладаном.

При полном смирении в области национально-политической, еврейские общины проявляли большую чувствительность там, где затрагивался религиозный быт. В 1866 г. антисемиты изобрели новый способ пакостить евреям: от имени различных „обществ для покровительства животным“ поступила в рейхстаг петиция, требовавшая запрещения еврейского способа убоя скота — „шехиты“, по которому животное зарезывается без общепринятого предварительного оглушения, что будто бы увеличивает его страдания. В виду крайней скрупулезности обряда шехиты, основанного на древних анатомических соображениях и не допускающих никакого отступления, удовлетворение петиции было бы равносильно запрещению ортодоксальным евреям есть мясо. Еврейские общины стали посылать рейхстагу многочисленные контр-петиции; были представлены отзывы 150 христианских анатомов и ветеринаров о том, что „шехита“ при умелом исполнении не более болезненна для животного, чем другие способы убоя, и что мясо при этом способе лучше сохраняется. В 1887 г. вопрос обсуждался в рейхстаге в связи с проектом изменения закона, карающего за нарушение общих правил убоя скота. В защиту евреев выступил известный лидер католического центра Виндгорст, который заявил: „Ради многого покровительства животным нельзя допустить насилия над религиозной совестью людей“. Вопрос был решен в духе покровительства людям. В общем законе была сделана оговорка, что он обязателен „при условии возможного сохранения религиозных обычаев“. Это решение не

было однако обязательно для всех союзных государств Германии. В Саксонии антисемиты не успокоились до тех пор, пока не добились от своего правительства запрещения „шехиты“ (1892), вследствие чего ортодоксальные евреи этой страны должны были бы сделаться невольными вегетарианцами; но они обходили закон тем, что привозили „кошерное“ мясо из ближних мест, расположенных по ту сторону саксонской границы.

Не обошлось тогда и без попытки воскресить старую, давно забытую в Германии, легенду о ритуальных убийствах. В той же поморской Пруссии, где в начале 80-х годов происходили погромы, в деревне Скурце был найден в реке, под мостом, труп 14-летнего христианского мальчика, сына портного Цибуля, правильно разрезанный по суставам и обескровленный (1884). Местные юдофобы с католиком-мясником Берентом во главе, сразу обвинили евреев в ритуальном убийстве, ссылаясь на расчленение и обескровление тела. Был нанят жесвидетель-батрак, показавший, что в день исчезновения мальчика видел возле моста еврея Иозефсона, торговца лошадьми. Иозефсон был арестован, а с ним еще два еврея: 73-х летний купец Фосс с сыном, так как в погребе их дома был найден горшок с кровью. Оказалось однако, что кровь эта бычачья, как выяснил химический анализ произведенный в Берлине. Было ясно, что тут кроется преступная махинация со стороны обвинителей. По распоряжению министров юстиции и внутренних дел, в Скурце прибыл особый уголовный комиссар для расследования дела. Комиссару удалось скоро распутать сеть лжи, в которую попались невинные. Обнаружилось, что Берент предлагал разным лицам деньги с тем, чтобы они свидетельствовали против евреев; батрак, указавший на Иозефсона, сознался при вторичном допросе, что видел у моста в день катастрофы не Иозефсона, а Берента. После этих явных улик, Берента предали суду. Дело разбиралось в Данциге судом присяжных, состоявшим из шести католиков и шести протестантов. На суде выяснилось, что Берент—ярый антисемит, старавшийся всячески выжить евреев из деревни. Его участие в убийстве было очевидно, но в последнюю минуту свидетель-батрак опять изменил свое показание, заявив, что не помнит, видел ли он Берента у моста. Голоса присяжных заседателей разделились: шестеро протестантов признали Берента виновным, а шестеро католиков—невиновным. Это было вполне понятно:

сам недеждамый был католик, и католики вообще больше верят в средневековую легенду, чем протестанты. Таким образом Берент „по праву о равенстве голосов в уголовных делах“, был объявлен по суду оправданным (1885). Как только этого заведомого преступника выпустили на свободу, он последил уехать в Америку.

§ 4. Антисемиты в парламенте.—Ритуальные процессы и Союзы Обороны (1891—1900 гг.).

Общественная реакция росла в Германии, и последнее десятилетие XIX века было моментом ее полного расцвета. Удаление Бисмарка с поста имперского канцлера ничего не изменило в его режиме „железа и крови“, возведенном в культ Вильгельмом II. Император признавал только „немецкого Бога, немецкую армию и свою миссию монарха Божией милостью“, которую он неоднократно отмечал в официальных речах; он набирал министров из среды юнкерства, презрительно относился к либеральному рейхстагу и мирился только с консервативным прусским ландтагом. Немецкое общество, добравшееся до вершин умственной и технической культуры, не сумело подняться над уровнем полуконституционного полицейского государства, сохранившего многие черты монархической и военной деспотии. При таких обстоятельствах имперский парламент, несмотря на всеобщее избирательное право, не мог быть учрежден демократическим. Национал-либералы часто сливались с консерваторами и вместе составляли в рейхстаге сильный тормаз для всякого рода реформ; между этим феодально-буржуазным представительством и социал-демократами, представителями рабочего класса, стояла интеллигентская партия прогрессистов и свободомыслящих, единственная опора евреев, которая могла успешно выполнять свою оппозиционную задачу только при случайной поддержке „католического центра“. Антисемиты лавировали между правым и левым сектором рейхстага, прибегая к самым бессовестным приемам агитации с парламентской трибуны. В парламентской истории того времени они заполняют отдел скандальной хроники; ни одна фракция рейхстага не выдвигала столько героев уголовных процессов, как фракция антисемитов. В 1890 г. она состояла из 5 членов, а в 1893 г. уже поднялась до 16,

так как на последних выборах антисемиты развили огромную агитацию в стране и за их кандидатов голосовало около четверти миллиона избирателей. Шум улицы ворвался в парламент вместе с этими героями улицы. Типичным представителем тогдашнего скандального антисемитизма был депутат Альварт, „ректор“ пародных школ в Берлине. Свою антисемитскую карьеру он начал изданием книжки „Отчаянная борьба арийских народов с евреями“ (1890). Открытый призыв к „арийскому“ кулаку, к насилию и захватам заставил прусскую полицию конфисковать книжку. В то же время Альварт за какое-то темное дело (присвоение школьных денег) был уволен от должности ректора, по распоряжению берлинского училищного совета. За это он выругал членов совета в брошюре „Жидовская тактика“ и по решению суда попал на пару месяцев в тюрьму. Но и преследования не удержали Альварта от писания пасквилей. Он публикует пасквиль против берлинского банкира Влейхредера, оказавшего большие финансовые услуги германскому правительству, и попутно задевает имперского каяцлера Каприви; затем издает брошюру „Еврейские ружья“, в которой обвиняет еврей-депутата, оружейного фабриканта Лева, в изготовлении плохих ружей для прусского военного ведомства, по уговору со „Всемирным Еврейским Союзом“ в Париже, с целью вызвать поряжение Германии в предстоящей войне с Францией. Официальное расследование выяснило ложность этого обвинения, и Альварт был приговорен судом к пятимесячному тюремному заключению (конец 1892 г.). В разгар этих подвигов он был избран антисемитами в депутаты рейхстага и постоянный кандидат тюрьмы получил возможность продолжать свою клеветническую деятельность с парламентской трибуны, огражденный депутатской неприкосновенностью. Низкая демагогия проложила Альварту путь в законодательную палату: на выборах он прикидывался другом трудовых масс и требовал конфискации имущества богачей в пользу бедных. Эту тактику он продолжал в парламенте, связывая капитализм с еврейством. Своей демагогией Альварт оттолкнул от себя консерваторов, а скандальными выходками возмущал даже товарищей по антисемитской фракции в рейхстаге, так что впоследствии он очутился вне всяких фракций и занял место среди „диких“. Однако среди людей улицы и кабака он еще пользовался большим успехом.

Общественный и уличный антисемитизм свирепствовал больше прежнего. Уже вступила из школы в жизнь та молодежь, которая вышла из антисемитских академических кружков 80-х годов. Обеты юности, данные буршами за кружкой вина, свято исполнялись зрелыми мужчинами. А тем временем готовились новые кадры учащейся молодежи, пропитанной либо идеалами вильгельмовского германизма, либо виднеанским (может быть, плохо понятым) культом силы, „воли к власти“, „белокурого зверя“. Эта студенческая молодежь презирала идеалистов прежнего времени, демонстрировала против празднования 70-летнего юбилея гуманиста Вирхова, требовала изгнания из высшей школы иностранных еврейских студентов, которых царский деспотизм загнал из России в германские храмы науки. Немецкие студенты еврейского происхождения, порою даже выресты, не принимались в „национальные“ студенческие кружки в гимназические фереины. Став чиновниками, судьями или коммунальными деятелями, эти люди продолжали политику вытеснения евреев из всех сфер гражданской жизни. Вопреки закону, евреи во многих местах не включались в списки присяжных заседателей в суде присяжных или шеффенов. Выслужившиеся еврей-солдаты редко провозглашались в офицеры, а прусское юнкерство совсем не допускало еврея в свое благородное сословие. Кушцы и лавочники, разумеется, особенно старались. Плакаты с надписями: „не покупайте у евреев!“ раздавались прохожим на улицах накануне больших праздников. Владельцы гостиниц в курортах часто не пускали еврейских гостей для того, чтобы их отели слыли „judenrein“, очищенными от евреев, и пользовались доброю славой у истинных немцев. Литературная пропаганда также усилилась: „Антисемитский катехизис“ некоего Фрича распространялся в десятках тысяч экземпляров, отравляя души догмами религии ненависти.

На этой почве, пропитанной миазмами средневековья, вырос новый ритуальный процесс. В городке Ксантен, в области Нижнего Рейна, был обнаружен труп пропавшего ребенка, пятилетнего сына столяра-католика (июнь 1891). В виду загадочности убийства, пошли слухи, что оно совершено с религиозной целью местным еврейским „шохатом“ или мясоторговцем Бунгофом, несмотря на то, что он пользовался в городе репутацией честного человека и дружил с соседями-христианами. Врачебный

осмотр и первоначальное следствие не давали никаких улик против Бунгофа, но суеверная и частью злобная молва до того волновала население Ксантена и окрестных мест, что сама ксантенская еврейская община ходатайствовала в Берлине о присылке особого комиссара для расследования дела. Сначала Бунгоф и члены его семьи были арестованы, но через два месяца их пришлось освободить, так как чрезвычайное следствие не могло установить никаких признаков причастности их к преступлению. Тогда в антисемитской прессе и партийных собраниях поднялась сильнейшая агитация. Выпосились резолюции, требовавшие от министра юстиции возобновления следствия. Против этой агитации выступил с протестом в рейхстаге давний защитник евреев, депутат-прогрессист Риккерт (февр. 1892). Он выразил свое возмущение по поводу давления, оказываемого антисемитами на судопроизводство, рассказал об их попытках устроить погром в Ксантене и требовал, чтобы были приняты меры для превращения преступной травли. Риккерту ответил „отец антисемитизма“ Штеккер в длинной речи, но обыкновенно полной коварных намеков. Он объявил, что никогда публично не обвинял евреев в ритуальных убийствах и даже отговаривал друзей от этого. „Я не могу себе представить, чтобы еврейский культ требовал убийства людей, употребления крови для каких бы то ни было целей. Но тут спор идет больше о словах. Ведь никто из знающих историю не станет отрицать, что в течение веков христиане, в особенности дети, погибали от рук евреев веледствие суеверия или фанатизма“. Любопытно извратив таким образом историческую истину, которая установила *факт* гибели евреев от рук христиан и *навет* обратного свойства,—Штеккер охотно допускает, что евреи употребляют христианскую кровь не по велению закона, а из суеверия; он согласен изменить термин „ритуальное убийство“, лишь бы сохранить его сущность. Свою речь он закончил вызовом по адресу Риккерта, как члена „Союза для борьбы с антисемитизмом“: „Я знаю свой народ и убежден, что в нашем немецком народе три четверти будут на вашей стороне, а не на вашей“. Министр юстиции Шеллинг заявил, что суд честно исполнит свой долг и не поддается давлению с чьей бы то ни было стороны. В действительности однако правительство уступило требованию антисемитов, и в те же дни Бунгоф был вторично арестован. Дело разбиралось судом при-

саяных в городе Клеве, в течение 11 дней (4—14 июля 1892). Свидетельские показания, научная экспертиза и судебные прения были благоприятны подсудимому. Один из авторитетнейших экспертов, ориенталист Нельдеке, категорически заявил, что в талмудической и раввинской письменности нет указаний на ритуал крови; два государственных прокурора, участвовавших в процессе, превратились в горячих защитников подсудимого, и один из них воскликнул: „Невозможно с большею математическою точностью доказать невинность подсудимого, чем это сделано в данном случае“. Бушгоф был оправдан судом openly. Приговор, обрадовавший всех друзей правды, огорчил антисемитов, которых косвенно залеймил, как клеветников. Агитация в темных низах народа возобновилась. Если виновный не найден, значит евреи еще не очистились от подозрения,—так рассуждала толпа, не догадываясь искать тайну убийства среди тех, которые свое преступление пытались взвалить на евреев, как это было в вышеупомянутом деле Берента в Скурице. Брожение в массах местами грозило вылиться в эксцессы. Настроение в Ксантене было такое тревожное, что оправданный Бушгоф и несколько еврейских семейств были вынуждены покинуть город. Еще долго не могло успокоиться народное возбуждение, вызванное новыми „крестоносцами“ в области Рейна, в тех самых местах, где за восемь веков перед тем лились потоки еврейской крови от рук первых крестоносцев средневекья.

„Позор века“, являвшийся главным образом позором Германии, боевой антисемитизм вывел, наконец, из пассивного состояния лучших людей немецкого народа. После десятилетней пропаганды расовой ненависти, давшей уже обильные плоды, они поняли, что это движение в такой же мере губительно для германской культуры, как и для еврейства. Возникла мысль о создании против-антисемитской лиги, которая вела бы систематическую борьбу с сеятелями ненависти и раздоров между гражданами. В конце 1890 г. был учрежден „Союз для борьбы с антисемитизмом“, во главе которого стояли известный юрист Рудольф Гнейст, депутат Гейрих Риккерт — вождь рейхстагской оппозиции—и другие видные политики и ученые (Гнейст состоял президентом союза до 1895 года, а затем его сменил Риккерт). В начале 1891 года союз опубликовал воззвание от имени 535 выдающихся людей Германии, приглашавшее граждан вступить

в ряды борцов против идофобской реакции. В течение года в союз вступило около 12.000 членов, а в 1893 г. число их превысило 13.000. В первые годы союз развил широкую пропаганду, устраивал во многих городах публичные собрания, где выступали известные ораторы, издавал брошюры и листки, а также еженедельные „сообщения“ („Mitteilungen“), содержавшие подробную хронику антисемитского движения и борьбы с ним. Большой успех имела изданная союзом полемическая книга „Антисемитское зеркало“ („Antisemitenspiegel“, 1891—92), направленная против „Антисемитского катехизиса“; однако, в то время как „Катехизис“ распространился в сотни тысяч экземпляров, показывавшее его уродство „Зеркало“ едва разошлось в количестве десяти тысяч. Во время ксавтенского процесса союзом была издана книга берлинского профессора теологии и еврейского языка Германа Штрака о происхождении и развитии „кровавого суеверия“ среди народов и об истории ритуального навета на евреев.

„Союз борьбы“ был общенемецкой организацией для противодействия антисемитизму; в состав его членов входили также евреи, но не играли там активной роли, предпочитая для данной цели немецких деятелей. Вскоре однако для многих выяснилась ошибочность и унижительность тактики отказа от самозащиты и ожидания помощи извне. Послышались новые слова: „Никогда немецкие евреи не забудут, что такие люди, как Глейст, Момзен, Риккерт и другие, так смело и мужественно вступились за них в годичу бедствий. Но освобождают ли подвиги этих благородных мужей, нас, германских граждан иудейского вероисповедования, от обязанности самим бороться за наши угрожаемые права, вместо того, чтобы в качестве клиентов осторожно прятаться на заднем плане и позволять другим сражаться за нас? Если это недостойное поведение полумиллиона опеваемых граждан будет продолжаться, то у самых благородных защитников наших может поколебаться вера в святое дело эмансипации“. Стало пробуждаться чувство гражданского достоинства в германском еврее, но еще не пробудилось национальное самосознание. В тех ассимилированных кругах, где возникла идея организованной самозащиты, было решено придать ей исключительно политический характер без малейшей национальной окраски. В исходящей из этих кругов брошюре: „Евреи — опекаемые или

полноправные граждане^{*)} были выставлены следующие тезисы: „Мы—не немецкие евреи, а германские граждане иудейского исповедания. Мы твердо стоим на почве немецкой национальности. С евреями других стран мы имеем столько же общего, сколько имеют немецкие католики и протестанты с католиками и протестантами других стран“. Такая идеология легла в основание учрежденного в 1893 г. в Берлине „Центрального союза германских граждан иудейского вероисповедания“. Председателями союза в первые годы были люди мало известные (приват-доцент Мартип Мендельсон, юрист Макс Горвиц), но тем более типичные для ассимилированной середины немецкого еврейства. Деятельность союза выражалась не столько в теоретической, сколько в деловой юридической защите притесняемых евреев. По части литературной агитации союз ограничился апологетическими статьями в своих небольших ежемесячных книжках „In deutschem Reich“ (с 1895 г.). Главная же его работа сосредоточивалась в „Комиссии правовой защиты“, которую заведывал адвокат Евгений Фукс. Комиссия следила за всеми выходами антисемитов в печати и народных собраниях и, где только замечала признаки клеветы против определенных групп евреев, дававшие повод к судебному преследованию, тянула клеветников в суд. Она организовала защиту в тех судебных процессах, которые возбуждались из юдофобских мотивов. Она подавала жалобы на незаконные действия гражданских и военных властей по отношению к евреям. В отчете о первом трехлетии деятельности центрального союза дан следующий общий итог работы, характеризующий тогдашнее социальное положение евреев: „Союз вступился за еврейских солдат, когда они подверглись при проверке оскорблению со стороны майора-командира. Он вступился за еврейских врачей, когда один провинциальный госпиталь, объявляя о том, что ищет врача, прибавил о необходимости для кандидатов представить свидетельство о крещении. Союз отстаивал в некоторых округах Верхней Пруссии чуть ли не утраченное евреями право участвовать в суде в качестве присяжных заседателей и жюристов. Он выступил защит-

*) Автором ее был немецкий еврей Рафаэл Левенфельд, знаток русской литературы, подружившийся в России с Л. Толстым, переводивши на немецкий язык его сочинения и написавший обширную биографию русского мыслителя.

ником еврейских учителей, когда их право на западные должности в общественных школах нарушалось. Он настоял на том, чтобы была прекращена практиковавшаяся в некоторых школах раздача ученикам в виде награды книг антисемитского содержания. Он добился официального разъяснения, которое помешало попытке антисемитов превратить риксдорфское убийство, совершенное с целью грабежа, в убийство ритуальное. По поводу процесса одного редактора-антисемита, союз добился постановления имперского суда о том, что невыгодное для евреев решение берлинского суда основано на двойной судебной ошибке. Он принес, куда следует, жалобу по поводу оскорбительных для евреев стенных объявлений. Он с успехом выступил против представителей одной общины, подвергшей сомнению избирательные права евреев*, и т. д.

Вообще, центральный союз немецких граждан иудейского вероисповедания делал многое и много хорошего, что необходимо было для защиты гражданских интересов и человеческого достоинства еврея; он не делал только одного: не защищал национального достоинства еврея, и не мог это делать, ибо решительно отвергал существование еврейской национальности. „Союз—повторяется в том же отчете—старался укрепить в германских евреях убеждение, что последователи иудейства имеют между собою связи только религиозные и исторические, но отнюдь не национальные“. Новое национальное движение в еврействе—сионизм—объясняется здесь только как результат ослабления в евреях „естественного“ национального чувства, немецкого, вследствие антисемитской травли. „Но—прибавляет отчет—такие горькие чувства противоречат принципам центрального союза. Рождение, воспитание, язык и чувства сделали нас немцами, и никакое временное течение не в состоянии сделать нас чуждыми нашему дорогому отечеству“.

Борьбу с антисемитизмом вела и германская партия социал-демократов, усиливавшаяся с каждым годом и имевшая значительное число депутатов в рейхстаге. Одной из целей антисемитизма было, как известно, отвлечение рабочих и мелкой буржуазии от революционного социализма. Для этой цели Штеккер, Беккель и Альварт пускали в ход различные демагогические средства, притворяясь друзьями пролетариата. Эту маску старалась сорвать с антисемитов социал-демократическая партия. Вожди

ее Август Бебель в своих речах и особой брошюре („Антисемитизм и социал-демократия“, 1894) доказывал, что „антисемитизм есть социализм глупцов“: реакционеры и шовинисты натравливают немецкую трудовую массу на кучку еврейских капиталистов, чтобы отвлечь пролетариат от борьбы с капитализмом вообще, но такой обман не будет длительным: рабочий, возмущенный против еврейского фабриканта, скоро восстанет и против немецкого его товарища, и в этом смысле антисемиты оказывают услугу социал-демократам.

Международный социалистический конгресс в Брюсселе (1891) вынес порицание „как антисемитским, так и филосемитским тенденциям“, признав, что „для рабочего класса не существует соперничества и борьбы рас или национальностей“. Столь же безразлично было отношение к еврейству со стороны еврейских членов социал-демократической партии. Один из влиятельных лидеров ее, ассимилированный еврей Павел Зингер, депутат рейхстага, ни словом не обмолвился там о еврейском вопросе, хотя антисемиты часто напоминали ему об участии его в делах берлинской торговой фирмы „Братья Зингер“. Трудно сказать, что больше огорчало Зингера в этих нападках: напоминание о бывшем капиталисте или номинальном еврее. Разница была лишь в том, что ранее накопленным денежным капиталом Зингер пользовался для нужд социалистической партии, а духовный капитал своих предков он выбросил, как ненужную ветшь.

Несмотря на все обличения, „социализм глупцов“ продолжал развиваться в тесном союзе с откровенным антисемитизмом реакционеров-шовинистов из высших и средних классов. К самому концу XIX века на сцену выступил яркий представитель этих реакционных кругов, попытавшийся воскресить буйный расовый антисемитизм Дюринга в худшей форме. Онемеченный англичанин Густон Чемберлен издал в 1898 г. книгу под громким заглавием „Основные положения XIX века“ („Die Grundlagen des XIX Jahrhunderts“), в которой свел всю историю культуры к борьбе двух противоположных рас—добродетельных арийцев и пороковых семитов. Высшим и благороднейшим типом арийской расы являются германцы, а худшими представителями семитизма—евреи; следовательно между этими двумя народами должна быть непримиримая вражда. Семиты в лице евреев разложили древний мир, а вышедший „иудейский человек“ портит

„европейского человека“. Разобщи́ть эти две враждебные стихии, вытолкнуть еврея, как инородное тело, из европейского общества — необходимо для торжества германского духа. Построенная на мнимо-антропологических началах, по полная смешных противоречий и произвольных умозаключений, книга Чемберлена имела однако успех в той публике, которая привыкла питаться научными суррогатами. Эта невежественная теория оказалась еще ниже своего образца — „доктрины ненависти“ Дюринга, сочиненной даровитым писателем в припадке злобы, но именно поэтому она имела шумный успех: ее приветствовали пангерманисты, милитаристы и реакционеры всех рангов, и в 1899 г., когда книга выдержала несколько изданий, о ней говорили во всех салонах, начиная с императорского дворца.

Тесная связь чемберленовской теории рас с прусско-юнкерской реакцией была очевидна и характеризовала уводок немецкого общества на закате века, видевшего на заре нине проявления немецкого духа. Нравственно одичавшая при расцвете умственной культуры, Германия вступила в XX век с клеймом позора на челе — с средневековым ритуальным процессом и попыткой погрома. Перед Пасхой 1900 г. в прусском городке Конице был найден труп немецкого гимназиста Винтера, разрезанный на куски, которые были разбросаны в разных местах. Сначала подозрение пало на мясника-немца Гофмана, с дочерью которого распутный юноша имел сношения, но вскоре после ареста подозреваемого дело повернулось так, что в тюрьму попал и еврейский мясник Израэльский, по обвинению в ритуальном убийстве. Этот поворот в следствии был вызван агитацией антисемитов в самом Конице и в Берлине. Берлинская антисемитская газета „Staatsbürgerzeitung“ кричала в каждом номере, что в Конице совершилось ритуальное убийство — дело рук еврейских сектантов, употребляющих христианскую кровь для своих религиозных тайнств. Однако гнусная клевета не подтвердилась следствием, и через несколько месяцев евреи были освобождены, как был освобожден за недостатком улик и Гофман. Не успев повлиять на ход судебного следствия, агитаторы-антисемиты имели успех в другом направлении: в подстрекательстве толпы к самосуду над евреями. В Конице и соседних городах и селениях поморской Пруссии буйная толпа бросала камни в окна еврейских кварталов и оскорбляла встречных евреев на улицах;

были и попытки серьезных погромов, прекращенные вмешательством войск. В связи с коницким делом возник ряд судебных процессов: за ложные показания во время следствия были приговорены к принудительным работам некоторые свидетели-антисемиты, по ради соблюдения равновесия в правосудии был осужден и неповинный еврей Левин, пойманный на слове, будто он вовсе не знал убитого. С другой стороны, суд раскрыл много тайн в той преступной организации, которая орудовала в коницком деле. Выяснилось, что шайба журналистов из местных и берлинских антисемитских газет охотилась людей доносами и шантажем; некоторые предлагали за деньги свои услуги и евреям, и их врагам. Позже, когда страсти улеглись, берлинский суд приговорил к тюремному заключению редактора газеты „Staatsbürgerzeitung“ Веттихера и сотрудника этой газеты за клевету на судебных деятелей, честно исполнивших свой долг в коницком деле. Прокурор охарактеризовал деятельность подсудимых следующими словами: „Их цель заключалась не в раскрытии истины, а в том, чтобы разжечь ненависть к евреям в христианском населении. Агитация газеты наделала много зла: многие семейства разорены ею в конец“. Так под влиянием антисемитизма выродилось печатное слово в стране сравнительно честной прессы, которая противопоставлялась продажной прессе парижских бульваров.

§ 5. Статистика. Внутренняя жизнь.

Статистика показывает в цифрах результаты, к которым привела динамика еврейской жизни в первые десятилетия эмансипации. В 1871 г. число евреев в Германии было 512 тысяч (в круглых цифрах), в 1880 г.—561 тысяча, в 1890 г.—567 тысяч (из них на долю Пруссии приходилось около двух третей). Пропорциональное отношение евреев к общему населению составляло несколько больше одного процента (1,2%—1,1%). В 1895 г. была произведена перепись населения по профессиям, давшая ясную картину социально-экономического положения евреев в империи. Работоспособная половина еврейского населения распределялась по своим занятиям следующим образом: торговля—133.451 человек (около 55% всех работоспособных), промышленность—45.993 (19%), доход с капитала—39.870 (16%), общественная служба и

свободные профессии—14.641 (6%), домашнее услужение—6.371 (2,61%), земледелие и сельское хозяйство—3.371 (1,38%). Таким образом большая половина работоспособных людей занималась торговлей; приблизительно пятая часть их была занята в промышленности фабричной и ремесленно-кустарной; одна шестая часть жила на доходы с капитала (преимущественно вдовы), одна седьмая часть занималась свободными профессиями или состояла на государственной и общественной службе, а несколько тысяч человек состояло в домашнем услужении. Меньше всего евреи занимались сельским хозяйством, так как они были давно оторваны от земледелия, а к землевладению их очень редко допускали аграрии и юнкера, потомки феодалов и монополисты крупного сельского хозяйства. В сущности новое еврейство в Германии сохранило свой старый экономический строй, так как и теперь три четверти его заняты были в торговле в промышленности. Новым было только появление значительного числа лиц свободных профессий и чиновников—результат эмансипации. Число лиц последней категории было бы гораздо больше, если бы правительство и немецкое общество не ставили повсюду препятствий евреям, стремившимся к государственной службе.

Евреи жили преимущественно в больших городах, центрах политической жизни и умственной культуры, и свойственный им интеллигентизм тянул их к соответствующим занятиям. Немецкая школа посещалась евреями в числе, значительно превышавшем национальное отношение их к прочему населению. Это объяснялось прежде всего отсутствием общеобразовательных национальных школ, которых не могли заменить особые „религиозные школы“ в еврейских общинах, составлявшие придаток к синагоге. Масса еврейской молодежи получала свое образование в немецкой школе всех ступеней, и тут замечалось следующее явление: в то время как из ста учащихся христиан в Пруссии 94 довольствовались низшим образованием и только 6 посещали среднюю школу (гимназии и реальные училища), из ста учащихся евреев почти половина посещала средние школы, т.-е. в восемь раз больше, чем христиане. В прусских университетах евреи составляли в 1895 г. десятую часть всех студентов, между тем как в стране они составляли лишь несколько более одной сотой части населения,—следовательно, и здесь они учились в десять раз больше христиан. Немецкая школа была главным

фактором ассимиляции евреев, в ней вытравливались последние остатки национальных традиций и заменялись немецкими идеалами. И насколько от образцовой немецкой школы выигрывал интеллект, настолько же теряло еврейское национальное самосознание.

Вторую ступенью ассимиляции были браки между евреями и христианами. Число таких браков сильно увеличилось в рассматриваемую эпоху. До 1880 года смешанные браки в Пруссии составляли десятую часть всех еврейских браков, а в следующем году они растут и в 1896 году составляют уже пятую часть всех еврейских браков, т. е. на каждые 5 браков приходится 4 чисто-еврейских и 1 еврейско-христианский. Сначала преобладали случаи женитьбы христиан на еврейках, а к концу периода участились случаи женитьбы евреев на христианках. В тех и других случаях дети обыкновенно причислялись к христианам, и таким образом большая часть потомства попадала для еврейства. Крайняя ступень ассимиляции — крещение — также дает в это время численное повышение: в Пруссии число крещений увеличилось за период 1880—1896 в 4 раза (76 крещений в 1879 г. и 312 в 1896 г.). Совершенно не поддавались учету многочисленные случаи крещения малолетних детей по воле родителей, которые сами оставались в еврействе, а детям обеспечивали хорошую карьеру приобщением к господствующей церкви. Эпидемия крещений в конце XIX века превзошла по своим размерам берлинскую эпидемию начала века¹⁾. Там еще была некоторая доля наивного идеализма или романтизма; в новом же ренегатстве преобладали трусость и материальный расчет. Религиозная ассимиляция стала орудием осуществления гражданского равноправия, как светская ассимиляция служила раньше орудием его достижения. Только в редких случаях евреи принимали христианство по убеждению, вследствие мистического настроения или крайней идейной последовательности в духе Моисея: если уже ассимилироваться и приобщаться к немецкой культуре, то надо идти до конца, ибо из этой культуры польза выделять ее христианский элемент. Впрочем, абсолютное число крещений была незначительно: в среднем около 500 крещений в год на всю Германию, что при слишком полумиллионном еврейском населении составляло небольшую

¹⁾ См. Нов. вст. евр. нар. § 31.

дробь. Только в связи со смешанными браками и с повальной ассимиляцией, как подготовкою к отпадению потомства, это явление приобретало значение грозного симптома.

А между тем и естественный рост еврейского населения в Германии уменьшался из года в год. Поразительное явление замечалось в быту немецких евреев новой формации: рождаемость сильно понижалась в сравнении с прежнею и значительно уступала рождаемости христиан. В предыдущую эпоху на тысячу евреев приходилось ежегодно в среднем 37 рождений, а с 1879 года эта цифра понижается и падает к 1897 г. до 22, между тем как христианские рождения сохраняют нормальную высоту (38 на тысячу). Это явление вызывалось не понижением уровня материального благосостояния евреев (абсолютно оно поднялось), а быстрым ростом потребностей при более сложной культуре: многие отказывались от брака или сокращали деторождение, ради большего личного удобства. Уменьшение размножения и прямая убыль от смешанных браков и крещения привели к тому, что прирост еврейского населения Германии сильно понизился в сравнении с христианским. В 1880 г. процентное отношение еврейского населения к общему в Пруссии было 1,33%, а в 1900 г.— 1,14%. Эмиграция в этом явлении не играла никакой роли, ибо она была ничтожна, и во всяком случае не превышала размеров общегерманской эмиграции.

Национальных ценностей молодое поколение, прошедшее немецкую школу, почти не знало. Борьба за религиозную реформу утратила свой смысл для людей, незнакомых с иудаизмом и равнодушных к религии вообще. В общинах сохранилось еще прежнее деление на группы ортодоксов и „либералов“, как называли себя прихожане реформированных синагог. Эти группы соперничали в общественных делах, и в больших городах существовали фактически две отдельные общины; по отношению их к национальному вопросу было в общем одинаково. И ортодоксы, и либералы признавали себя немцами иудейского вероисповедания, но так как ортодоксы оставляли в этом исповедании большой балласт обрядов, чем либералы, то они этим отчасти затрудняли ассимиляцию в ее крайних формах, нарушавших грани религии. Печатавшимся органом либералов был старый еженедельник „Allgemeine Zeitung des Judentums“, который после смерти своего основателя Людвига Филиппсона (1889) редактировался историком литературы Г. Карлеле-

сом. Органом умеренных ортодоксов был еженедельник „Jüdische Presse“, выходивший в Берлине под редакцией раввина Гильдестеймера. Группа же крайних ортодоксов, стремившаяся сочетать обрядовый фанатизм „Шулхан-Аруха“ с лоском немецкой культуры, вела свою пропаганду в журнале „Israelit“, издававшемся в Майнце М. Леманном.

Много крупных умственных сил и талантов ушло в обще-немецкую науку и литературу. Доживали свой век представители еврейского научного ренессанса. Историкограф Грец на седьмом десятке лет продолжал совершенствовать свой энциклопедический труд, дополняя его на основании новых исследований. В тишину его кабинета в Бреславле ворвались первые победные клики антисемитизма: прусский историк Трейчке, как рассказано выше, построил свой обвинительный акт против еврейства на цитатах из „Истории евреев“ Греца, в которых применялся еврейский, а не королевско-прусский критерий при оценке событий. Грец слабо откликнулся на это „обвинение“ в еврейском национализме, которое усилило недовольство против историка в кругах ассимиляторов. В самые последние годы своей жизни Грец углубился в критическое исследование библейского текста и умер посреди этой работы (1891).

В области библейской науки христианские исследователи сделали в эту эпоху гораздо больше, чем еврейские. Школа „библейской критики“ в протестантской теологии, представителями которой в XIX веке были Де-Ветте, Эвальд, Рейсс и Граф, достигла своего совершенства в стройной научной системе Вельгауза, автора „Введения в историю Израиля“ (1878) и „Израильско-иудейская история“ (1894). Здесь фрагментарная теория составления Библии была разработана с таким мастерством логического анализа, что Вельгаузен стал для одних Дарвином библейской науки, а для других — опасным разрушителем традиций. Эта доктрина действительно заключала в себе здоровое ядро, как попытка представить естественную эволюцию иудаизма от примитивных форм до универсального этического монотеизма пророков. Недостаток ее заключался лишь в смелой претензии установить детали этого эволюционного процесса, в том, что гипотезы, основанные на остроумном анализе библейских текстов, выдавались за факты, из которых делались решительные выводы. Философско-историческая ошибка, свойственная даже свободо-

мыслящим христианским теологам, ярко проявилась в в труде Вельгаузена: он относится положительно к религиозной эволюции иудаизма в ее универсальных элементах и отрицательно в ее национальных проявлениях. Период формирования иудейской нации среди эллино-римского мира представлен Вельгаузеном (как и Ренаном), как период упадка, вырождения религиозного сознания, которое, наконец, возродилось в христианстве. Этот евангелический анти-иудаизм составлял характерную параллель тогдашнему социальному антисемитизму. Более объективно была разработана история Иудеи в эпоху возникновения христианства в обширном труде геттингенского профессора Шюрера „История еврейского народа в век Иисуса Христа“, три тома (1890—1902). Автор подробно исследовал весь материал, относящийся к политической истории той эпохи, но, как христианский теолог, он все-таки не оценил роли великой национальной борьбы Иудеи, как главного стимула к возникновению христианства, которое представляло собою реакцию религиозного индивидуализма против национализма, против героических усилий иудейского народа отстаивать свое самостоятельное существование в греко-римском мире.

После Грецца, место творцов заняли усердные работники—собиратели материалов и авторы отдельных исторических очерков. Особая „Историческая Комиссия“ издавала „Регесты“ и „Источники“ для истории евреев в Германии средних веков, а также трехмечевники по истории германских евреев вообще, под редакцией Людвига Гейгера, сына известного реформатора (1887—92). Выходил еще бреславльский научный „Monatsschrift“, связанный с именами Франкля в Грецца и издававшийся после некоторого перерыва их учениками. Все, что печаталось в этих изданиях, было только строительным материалом, который ждал зодчего. Пока работали компиляторы, Густав Карпелес издал компилятивную историю еврейской литературы, в которой точно копировал Цунца и Грецца. Одновременно были опубликованы две обширные монографии по истории евреев в городе Раме А. Берлинера, Фегельштейна и Ригера (1893—95). Рассадниками еврейской науки были три высшие школы: старейшая Теологическая семинария в Бреславле, слава которой потусквела после Грецца и Франкля, Высшая школа еврейской науки, основанная А. Гейгером в Берлине в 1872 г. и считавшаяся научной цитаделью ре-

формистов-либералов; наконец, созданный ортодоксами в противовес ей Раввинский Институт Гильдесгеймера. Эти школы давали общинам обоех лагерей раввинов и проповедников, а научной литературе—скромных работников. Популяризация еврейского знания много содействовали основанные Карпелесом „Союзы для научения еврейской истории и литературы“. С 1892 года такие „ферейны“ возникают во многих городах и вносят оживление в общины устройством лекций, курсов, библиотек и читален.

Рядом с Германией, по ту сторону Немана и Вислы, находился большой резервуар еврейских духовных сил. Из царской России неслись вопли гонимых и разгромленных, но оттуда шли и новые идеи, призывы к национальному возрождению, которые к концу века нашли отклик и на Западе. Развитие нового национального движения, сначала в элементарной форме — сионизма, относится ко второй половине описываемой эпохи, отдельным пунктом которой является 1897 год, год первого конгресса сионистов в Базеле.

ГЛАВА II.

Антисемитизм в Австро-Венгрии (1881—1900 гг.).

§ 6. Немецкая Австрия. Агитация в Вене и процесс Ролинга.

Причины антисемитского движения были не вполне одинаковы в Германии и в Австрии, как неодинаковы были государственный строй и национальный состав этих двух империй. В Австрии прежде всего отсутствовал психологический мотив реакции: не было утраты всеобщим счастьем, как в Германии, а потому не было такого культа милитаризма и болезненной гипертрофии государственности. Побежденная во внешних и внутренних войнах, Австрия к военным лаврам не стремилась: вся забота дуалистической монархии сводилась к тому, чтобы удержать в государственном союзе центробежные силы различных национальностей, входивших в его состав. Единый государственный национализм был здесь невозможен. В то время как Германия имела дело только с двумя незначительными инородными группами в своем составе, познанскими поляками и евреями, и поэтому могла возвести германизацию их в государственную привилегию, нестрадая Австро-Венгрия не имела единой господствующей государственной нации, а имела их несколько в разных частях государства. В немецкой Австрии (Нижней и Верхней) такою державною нацией считали себя немцы, в Богемии и Моравии чехи оспаривали этот титул у немцев, в Галиции господствовали поляки, а в самостоятельной Венгрии — мадьяры. Каждая из этих больших наций стремилась в своей области подлгнуть, ассимилировать с собою находящиеся в ее среде меньшие национальные группы. В немецкой Австрии их германизировали, в славянской славянизировали, в Венгрии мадьяризировали. Хуже всего в этой расправе народов было положение евреев: всякое признанное национальное меньшинство

имело врага только в лице национального большинства данной области; евреи же, которым официально отказывали даже в титуле „нация“, имели врагов в лице всех борющихся народностей, из которых каждая требовала, чтобы евреи шли с нею в борьбе против других.

Число евреев в Австро-Венгрии было весьма значительно: в 1880 г. их числилось в Австрии цислейтанской свыше одного миллиона (в 1890 году—1.143.305), а в Венгрии 638.000, что составляло в обеих половинах монархии свыше 4% общего населения. В некоторых же провинциях, как, например, в Галиции и Буковине, евреи составляли около 12% всего населения, а во многих городах—большую половину его. При таком соотношении сил особенно остро чувствовалось соперничество между евреями и окружающими народами в известных отраслях хозяйственной жизни¹⁾. Сам по себе национальный антагонизм, имевший в Австрии политический, а не только культурный характер, ставил евреев в такое положение, что они почти везде находились меж двух огней. Чехи, поляки и венгерцы в своих областях не могли спокойно смотреть, как евреи в их среде ассимилируются с немцами и тем усиливают общего врага, а немцы возмущались колонизацией и мадьяризацией известных групп еврейства. Между борющимися нациями евреи подвергались давлению с разных сторон. Никто не признавал их особую нацию, так как ни в одной провинции они не составляли большинства населения, хотя другой внешний признак национальности, язык, был налицо в самобытных еврейских массах Галиции, Буковины и отчасти Венгрии. Если бы роковое заблуждение века не заставило вождей еврейства отречься от своего права на титул нации, то евреям приходилось бы повсюду бороться за свое, а не чужое национальное самоопределение, рядом с другими национальными

¹⁾ По профессиям евреи в Австрию (без Венгрии) распределялись в начале XIX века следующим образом: торговлей занималась меньшая половина еврейского населения (по переписи 1900 года из 1.224.000—553.000), промышленностью (ремесло и фабричное производство) около одной трети (351.000), свободными профессиями и государственной службой—около одной шестой части (198.000), сельским хозяйством—свыше одной десятой (139.000). Это распределение было не так одностороннее, как в Германии, по все-таки оно резко отличалось от общего распределения занятий, в смысле преобладания христиан в сельском хозяйстве и евреев в торговле. Приблизительно такое же соотношение было и в Венгрии.

группами, а не пассивно толкаться между ними и получать толчки со всех сторон. Междунациональное положение евреев было главным источником их страданий в вострой „лоскутной империи“. К этому надо еще прибавить культурные и социальные контрасты в самом еврействе Австрии, гораздо более резкие, чем в Германии: опомеченный испанский еврей не имел ничего общего с самобытным и часто первобытным галицким хасидом, а мадьяризованные реформисты Венгрии имели против себя массу ортодоксов-фанатиков. Бросались в глаза полусы богатства и бедности в еврейской среде: венские банкиры-негодяи и галицийская беднота, которая нередко появлялась в своих лохмотьях на улицах нарядной столицы. Все эти национальные и социально-экономические противоречия создали почву для антисемитизма, который в каждой из частей Австро-Венгрии имел свои особенности и во многом отличался от своего германского прототипа.

К германскому образцу приближался только антисемитизм немецкой Австрии, в особенности Вены. В столице более всего давал себя чувствовать главный мотив антисемитизма—зависть к социально-экономическому успеху евреев после эмансипации. Со времени конституции (1867 г.), окончательно утвердившей равноправие граждан, евреи в больших городах широко развернули свои ранее скованные бесправием силы и за короткое время значительно поднялись по ступеням социальной лестницы. Многие выдвинулись в роли чиновников, судей, учителей, профессоров, во всех свободных профессиях и даже в армии, где доступ к офицерским чинам не был так затруднен для евреев, как в юнкерской Пруссии. Участие евреев в большой ежедневной прессе было не менее заметно в Вене, чем в Берлине. Конечно, освобожденная энергия проявлялась больше всего в главной профессии еврейских масс, торговле. Коммерсанты, устремившиеся из провинции в ранее закрытую для евреев Вену, наполнили столицу торговым шумом, развили горячку акционерных предприятий и всех видов гондерства, по образцу Берлина. Разразившийся одновременно в обеих столицах финансовый крах (1873) был поставлен в вину евреям. То было одно из проявлений социальной реакции, вызванной быстрым успехом эмансипированных в столице Австрии. Наплыв в Вену евреев из галицийской „полу-Азии“ и других глухих углов раздражал венцев, пом-

нявших еще привилегию столицы — «право недопущения евреев»¹⁾. Многие вздыхали об этих счастливых временах, когда купцы, промышленники и лица свободных профессий не боялись еврейской конкуренции, понижающей заработок, удешевляющей цены товаров.

Об «еврейской опасности» заговорили прежде всего в лигере исконной юдофобии, среди клерикалов, сохранивших и при новом режиме некоторое влияние в католической Австрии. Еще в 1871 году появился в Праге новый Эйзенменгер, профессор местного университета, Август Ролинг, «разоблачивший иудейство» в своей книге «Еврей по Талмуду» («Der Talmudjude»). Старый, давно забытый силлогизм был повторен в этой книге: все обидные выражения Талмуда об идолопоклонниках относятся к христианам, которых евреи по заветам своей религии должны будто бы презирать, а потому евреи не могут быть терпимы в христианском государстве. Извлеченное из склада исторической ветоши ржавое оружие юдофобов возбудило, однако, более чем антикварный интерес. Возгорелась полемика. Ролинга обвиняли в плагиате из «Разоблаченного иудейства» Эйзенменгера, который в свою очередь заимствовал из сомнительных источников средневековья; его уличали в искажении талмудических цитат и просто в непонимании древних текстов. Poleмика вызвала еще больший интерес к памфлету Ролинга, и книга перенечатывалась из года в год, распространяясь в массе на немецком и чешском языках при помощи агентов клерикализма. Торжествующий Ролинг имел дерзость объявить, что он готов уплатить тысячу талеров тому, кто докажет ошибочность хотя бы одной цитаты в его книге. Но он не исполнил своего обязательства и после того, как авторитетные христианские богословы доказали ложность многих его цитат. Престарелый протестантский теолог, известный гебраист, Фрэнц Делич из Лейпцига, в своем разборе книги Ролинга (1880) пришел к заключению, что она полна «ложью и клеветой, неверными переводами, искаженными текстами», ложными толкованиями, и что автор ничего не понимает в талмудической письменности. Ролинг молчал. Фальсификатора поддерживала влиятельная группа клерикалов в Вене — высшие представители католического духовенства и черная пресса. Яркий

¹⁾ Число евреев в Вене удвоилось за десятилетие 1869—79. В 1890 г. оно составляло 73.000, а в 1899 дошло до 118.000.

враг протестантов и евреев, Ролинг был орудием этой группы обскурантов, которая хотела вознаградить себя в Австрии за анти-католический „культурамиф“, происходивший недавно в Германии не без участия еврейских общественных деятелей.

Появление антисемитских организаций в Германии в начале 80-х годов открыло австрийских юдофобов. Вена принялась ревностно подражать Берлину. Привезенный из Германии модный товар впервые вынес на политический рынок немецкий шовинист, рыцарь Георг фон-Шенерер, член австрийского парламента и вождь партии пангерманистов. Подобно Штеккеру, он сначала пытался провести антисемитизм в сознание трудовых масс под покровом „христианского социализма“, но ему не удалось обмануть венских рабочих, и он выкинул свой настоящий флаг ярого немецкого шовиниста. В агитационных речах и статьях Шенерер развивал мысль, что еврейство в Австрии ослабляет немецкий элемент в угоду другим нациям, а потому должно быть причислено к врагам отчества вместе со славянами и прочими инородцами. Антисемитские филиппики Шенерера не имели успеха в парламенте, где заседали представители всех национальностей Австрии и где пангерманизм считался неосуществимой мечтой. Большой успех выпал на долю антисемитов-педагогов, агитировавших на экономической почве среди мелкого христианского мещанства Вены—торговцев, ремесленников, держателей гостиниц и ресторанов. Основывались антисемитские союзы под названиями „Союз христианских ремесленников“ и „Партия реформы“, цель которых была на самом деле контр-реформа: отмена или сокращение гражданских прав евреев. На уличную агитацию откликнулись все лично заинтересованные или вообще буйные элементы венского населения. В веселой Вене стали повторяться берлинские скандалы. В населенных евреями кварталах антисемиты оскорбляли прохожих, немецкие студенты-испанисты задевали толарицей-евреев в стенах высших учебных заведений. В трактирах и пивных заведениях, где обыкновенно устраивали свои собрания антисемиты, шли словесные погромы евреев, причем ораторы ссылались на „ученого“ Ролинга и разжигали фантазию толпы поддельными цитатами из еврейских религиозных книг.

Весной 1882 г. один из таких агитаторов, некто Франц Голубек, произнес речь в собрании „Союза христианских ре-

мещеников“, где председательствовал Шеенер. „Еврей—говорил он—не наш согражданин, он стал нашим господином и притеснителем. Вы знаете, что сказано о вас в Талмуде. Там сказано, что мы все (христиане)—свиньи, псы и ослы“. Когда Голубека привлекли к судебной ответственности за направившие одной части населения на другую, защитник его представил оправдание подсудимого соответствующую талмудическую цитату из книги Ролинга. Сам Голубек заявил на суде, что нельзя считать призывом к насилию „научную“ характеристику отношений евреев к иноверцам на основании такой авторитетной книги, как труд Ролинга. Поддавшись этим доводам, суд оправдал Голубека. Приговор суда был прямым вызовом еврейству, которое публично обижалось в обязательной христианофобии. На следующий день (30 октября 1882 г.) в венских газетах появилось официальное заявление совета еврейской общины, за подписями известных ученых раввинов Гидемана и Йеллинека, о том, что фигурировавшей на суде цитаты, заимствованной из книги Ролинга, в Талмуде не имеется, и что там вообще нет ничего враждебного христианам. Задетый этим опровержением, Ролинг напечатал в газете, а затем в отдельной брошюре, свой „Ответ раввинам“, полный ругательств против венских раввинов, скрывающих те места Талмуда, которые компрометируют еврейство. „Ответ“ читался публично и волновал ее. Многие верили, что Талмуд действительно содержит „предписания“ ненавидеть христиан. Отсутствие гражданского мужества у представителей венской общины могло только укрепить такие ложные представления. Указав в своем опровержении, что в Талмуде нет ничего враждебного христианству, раввины должны были оговорить, что речь идет о предписаниях, а не о враждебных иноверию мнениях, которых конечно имеется в Талмуде не меньше, чем в Евангелии, Посланиях апостолов и теориях отцов церкви, наполненных самыми резкими и оскорбительными отзывами об иудействе. Сущность защиты должна была состоять в том, что вообще ни один народ не может отвечать за мнения, высказанные в его древней письменности, составившейся под влиянием известных исторических условий.

В это время обе половины монархии Габсбургов были изволнованы известием о мяном ритуальном убийстве в венгерском селении Тисса-Эслар и судебным процессом, в котором малолет-

ним сын обвиняемого еврея свидетельствовал против отца (далее, § 9). По этому поводу антисемиты развили в стране бешеную агитацию. Ролинг выступил с новыми разоблачениями в брошюре: „Человеческие жертвоприношения раввинизма“, доказывая основательность гнусного навета. Эта искра, брошенная в горячий материал, могла вызвать страшный взрыв. Молчать долгие или ограничиваться газетными опровержениями было невозможно; нужно было на суде уличить клеветника-подстрекателя. За это дело взялся один из немногих смелых людей того робкого поколения, депутат рейхсрата и раввин общины в Флорисдорфе (близ Вены), д-р Иосиф Блох. В конце 1882 и начале 1883 г. он опубликовал в одной из венских газет ряд статей, в которых сорвал ученую маску с Ролинга: доказав полное его невежество в талмудической и раввинской письменности и привел много примеров искаженных им цитат. Блох объявил, что Ролинг никогда не читал текста Талмуда в подлиннике и не в состоянии перевести в нем ни одной страницы, причем Блох обязался уплатить штраф в 3000 флоринов, если Ролинг публично прочтет и правильно переведет взятую наугад страницу из Талмуда. Вместо прямого ответа на вызов, Ролинг продолжал лить масло в огонь и заявил печально, что готов подтвердить присягою верность своих цитат из раввинской письменности, доказывающих существование ритуальных преступлений у евреев. Тогда Блох объявил в газетах, что обвиняет Ролинга в готовности дать ложную присягу. Этим имелось в виду вынудить пражского клеветника подать судебную жалобу по поводу оскорбления его в печати и затем на суде выяснить его плутни. И действительно, Ролинг подал в венский суд жалобу на депутата Блоха. Вследствие депутатской неприкосновенности обвиняемого, потребовалось согласие рейхсрата на предание его суду, что последовало в начале 1884 года.

Желая выяснить на суде правду во всей ее полноте, Блох и его талантливый адвокат Иосиф Кони подготовляли для судебной научной экспертизы огромный материал: множество подлинных цитат из раввинской и древне-церковной письменности, всевозможные справки и разъяснения. Продолжительная борьба возникла при выборе экспертов для проверки цитат. Желая предоставить выбор экспертов компетентному учреждению, Блох просил суд поручить это германскому „Обществу востоковедов“, которое могло бы выделять таких специалистов из своей среды. Общество ука-

зало нескольких специалистов, но из них одни признали себя недостаточно сведущими, а против других, несомненно компетентных ученых (Делича и пр.) Ролинг предъявил отвод, так как они уже печатно высказали свое строгательное мнение о его книге. Из приглашенных ориенталистов согласился участвовать в экспертизе только страсбургский профессор Пельдеке. Ролинг с своей стороны настаивал на приглашении в качестве экспертов двух „специалистов“, оказавшихся потом его сотрудниками в подделке цитат: выкреста из евреев Юстуса-Бримана, которого титуловал „бывшим раввином“, и малоизвестного преподавателя еврейского языка в мюнстерской академии д-ра Эккера. Вскоре выяснилось, что личность Бримана весьма подозрительна. Выходец из Кракова, шатавшийся по Голландии и Германии, Арон Бриван не был раввином, но будучи уличен в плагиате—перепечатке под своим именем одной раввинской книги,—решил креститься и принял сначала протестантскую, а потом католическую веру. По предложению своих покровителей из кружка Ролинга и прусских католиков, он сочинил и выпустил под именем д-ра Юстуса книгу „Еврейское Зеркало, или сто новооткрытых, ныне еще действующих законов об отношениях евреев к христианам, с очень интересным введением“ (Judenspiegel, 1883). Этот-то наемный рснегат, поставлявший Ролингу подложные цитаты, и юдофоб Эккер предлагались в эксперты; во суд, собрав о них справки, отверг это предложение. К Пельдеке был присоединен еще один компетентный эксперт, дрезденский профессор Вюнше, переведший талмудическую агаду на немецкий язык. Оба эксперта дали отзывы, неблагоприятные для Ролинга, подтвердив уже установленное мнение о его мнимо-научных произведениях, как о продуктах невежества, злобы, обмана и частью самообмана. Ролинг убедился, что не мидовать ему клейма судебного приговора, если процесс будет доведен до конца. И он поспешил заявить венскому уголовному суду, что отказывается от своей жалобы на Блоха и просит прекратить дело (1883). Таким образом, до судебного приговора дело не дошло, но самоосуждение Ролинга не уступало такому приговору. В лучших кругах общества уже знали цену памфлетам Ролинга и Юстуса-Бримана, и только темные маляки юдофобии пользовались ими впоследствии, как орудием агитации в разных странах, между прочим и в России (Шмаков).

§ 7. Антисемиты в венской городской думе.

Австрийское правительство, во главе которого долго стоял граф Таалфе (1879—93), ни явно, ни тайно не поощряло антисемитского движения, а по временам даже противодействовало ему, заставляя прокуратуру привлекать к суду наиболее дерзких подстрекателей. Правительство, которому приходилось балансировать между разнородными национально-политическими течениями, не могло, конечно, вести систематическую борьбу с разными видами антисемитизма, но во всяком случае австрийская политика по еврейскому вопросу была честнее прусской. Император Франц-Иосиф, хотя и окруженный консервативными сановниками, не поддавался антисемитским влияниям: в новом движении его отталкивала не столько юдофобия, сколько низкая демагогия, разжигание страстей толпы, и он неоднократно выражал свое неудовольствие по поводу антисемитских скандалов в парламенте и венской городской думе. Однажды император демонстративно покинул театр, когда там запели анти-еврейские куплеты. Еврейским депутациям, представлявшимся ему в разных местах, император заявил о своей твердой решимости охранять их гражданские права. Поэтому Франц-Иосиф всегда пользовался популярностью в тех еврейских массах, которые в мовархе больше всего ценят «доброту сердца». Отношение императора и его правительства к антисемитизму до некоторой степени обуздывало сторонников этого движения, но не могло конечно остановить его. Агитация принесла свои плоды. Выборы в рейхсрат в 1884 г. сопровождались страстной борьбой между антисемитами и либералами. В парламент прошло несколько антисемитских депутатов, между ними и ярый юдофоб Патай, адвокат Роллинга в упомянутом процессе против Блоха. В 1891 г. антисемитам удалось провести в рейхсрат 13 своих кандидатов: во главе их стояли Шенерер, Патай, князь Лихтенштейн и Шнейдер. Те же лица большей частью состояли депутатами и в княжеско-австрийском ландтаге, т.-е. являлись вершителями судеб немецкой Австрии. В этом ландтаге с его реакционным большинством царил самый необузданный антисемитизм: юдофобские речи ораторов, вроде Шнейдера и Грегориуса, переходили все границы парламентских приличий. Из этой среды исляпических бунтов выдвинулся Карл Люгер (Lueger), ставший вскоре общепризнанным вождем немецко-австрийских и в особенности вевских

антисемитов. Депутат рейхсрата и ландтага и гласный венской городской думы, он везде привлекает внимание своими резкими нападениями на еврейство, либералов и крупную буржуазию — разнородные группы, которые он варочно смешивал в одну кучу с целью компрометировать их в глазах мелкого бюргерства, опоры антисемитизма. В этих кругах венского мещанства Люгер проводит антисемитские идеи под видом „христианского социализма“. Любимый оратор венской толпы, он приобретает особенную популярность, как деятель городского самоуправления. В начале 90-х годов антисемиты, под именем „христианских социалистов“, приобретают в венской городской думе 35 мест. Эта армия Люгера наполняет думские собрания шумом и скандалами, которые часто переносятся на улицу. Вульгарная и трактирная толпа, бесчинствует национально-немецкое студенчество, провоцируя столкновения с товарищами-евреями и их христианскими друзьями.

Полного торжества в городском управлении достигли антисемиты в 1895 году. На сентябрьских выборах этого года они соединившись с пемещными националистами, прошли в венскую думу в таком числе, что вместе с своими союзниками составили большинство гласных. Это большинство избрало Люгера бургомистром Вены. Антисемиты ликовали: их вождь стал городским головою, первым гражданином, хозяином столицы, и может сделать с евреями что угодно. Но радость их омрачилась одним обстоятельством: император отказался утвердить вождя партии скандала в его почетной должности. Раздраженная этим, фракция антисемитов в рейхсрате внесла запрос правительству о мотивах неутверждения выборов. Министр-президент, граф Вадени, дал совершенно объективный и справедливый ответ: „Правительство не могло не убедиться, что управление хозяйством столицы, имеющей население свыше одного с четвертью миллиона, испадает в непризывные руки. По убеждению правительства, нельзя присоединиться к решению большинства там, где нет гарантий, что управление городом будет вестись беспристрастно, деловито, без всякой агитаторской тенденции, на началах равноправия всех граждан. Делать опыты, возлагать на людей надежды, которые не соответствуют их прошлому, правительство считало себя не в праве. Вот почему оно советовало его величеству не дать своей санкции избранию Люгера“. Несмотря на протесты анти-

семятов и поток ругательных речей с их стороны, рейхсрат большинством голосов призвал объяснения правительства удовлетворительными (8 ноября). Через несколько дней антисемитская дума демонстративно опять избрала Люгера бургомистром, но в ответ на эту демонстрацию правительственный комиссар огласил тут же приказ наместника Нижней Австрии о роспуске венской городской думы. Скандалисты вышли на улицу, собрали толпу и устроили враждебную манифестацию у императорского дворца, крича: „Да здравствует Люгер! Долой Бадени!“.

Новые выборы гласных в венскую думу, произведенные в марте 1896 г., снова дали большинство антисемитам и их союзникам, и Люгер в третий раз был избран городским головою. Теперь обе стороны—городское управление и правительство—были вынуждены идти на компромисс, чтобы выпутаться из неловкого положения. Люгер лично представился императору, и результатом этой аудиенции было следующее дипломатическое решение: Люгер откажется пока от звания бургомистра с тем, чтобы дума избрала другого на его место из того же большинства; император утвердит нового кандидата, который в сущности будет подставным лицом Люгера, а современем и последний может быть переизбран и утвержден. Эта комедия была проделана. На место бургомистра был избран и утвержден в должности книгопродавец - антисемит Штробах, а Люгер был избран вице-бургомистром. Фактически же Люгер стал хозяином думы, а Штробах служил для него только „соломенным чучелом“, как острили венцы, намекая на фамилию фиктивного бургомистра (ее видоизменяли в Strohmann). Скоро и чучело оказалось излишним: когда в 1897 г. венцы снова избрали Люгера в бургомистры, он был уже утвержден без возражений. Новая антисемитская дума показала свои когти. Она не допускала евреев на ответственные должности по городскому управлению, не давала еврейским купцам заказов на товары для городских учреждений; с прежними служащими и контр-агентами из евреев обращались так, что они сами отказывались от своих должностей. Притесняли всячески еврейских торговцев, особенно иногородних, переселявшихся в Вену из Галиции. Евреям, учащимся в городских гимназиях, отказывали в освобождении от платы за учение в случае бедности. Была сделана попытка отделить в городских школах еврейских детей от христианских, но соору-

живию этого школьного гетто помешало правительство. Такие же репрессии проводились во всей Нижней Австрии, так как в земстве или ландтаге этой провинции орудовали те же антисемиты. Доктрина антисемитизма—вытеснение евреев из гражданской и хозяйственной жизни—осуществлялась теперь областным и городским самоуправлением с тем рвением, с каким в до-конституционное время это исполнялось полицейскими агентами правительства.

Слабым противовоздействием против антисемитизма была деятельность „Союза борьбы“ (Verein zur Abwehr des Antisemitismus), основанного в Вене в 1891 г. по образцу берлинского союза. Во главе венского союза стояли люди разных классов и партий, преимущественно христиане: барон и баронесса фон-Зутнер (известная гуманистка, писавшая против милитаризма), знаменитый медик профессор Нотнагель и не менее известный геолог и политический деятель Эдуард Зюсс, отказавшийся от звания ректора венского университета после происшедших там антисемитских студенческих скандалов. По временим союза устраивал публичные собрания для протеста против антисемитских безобразий, особенно частых в ландтаге Нижней Австрии. Нотнагель и другие ораторы громили „доктрину, вытекающую из самых низменных побуждений человеческой природы“. Старые идеалисты были однако бессильны против таких доктрин, которые привлекают к себе толпу именно силой низменных сторон человеческой природы. Представители демократических и социалистических партий слабо боролись с растущей юдофобией, и меньше всего это делали радикалы из евреев, забывшие о своем народе. Депутат демократической группы, христианин Кронаветер, иногда еще выступал с трибуны рейхсрата против антисемитизма, называя его, подобно Бебелю, „социализмом глупцов“; а вождь австрийских социал-демократов еврей Виктор Адлер даже на своем партийном конгрессе (в Брюсселе, 1891 г.) высказался против осуждения антисемитизма конгрессом по формальным причинам. Позже он неосторожно открыл один из мотивов своего поведения, сказав: антисемитизм в конце концов работает на нас“. Это означало: пусть развивается „социализм глупцов“, пролагающий путь умному социализму. — заявление циничное даже в устах ассимилированного еврея, боящегося напомнить миру о своем происхождении.

§ 8. Славянская Австрия: Галиция и Богемия.

Около двух третей еврейского населения Австрии было сосредоточено в Галиции и примыкающей к ней Буковине, где оно в 1890 г. составляло около 850.000 душ. Здесь еврей, как и в старое время, занимал в социальном отношении среднее место между крупным и мелким землевладельцем, паном и крестьянином, образуя гущу городского торгово-промышленного населения и группу мелких сельских хозяев — „поссесоров“ или арендаторов. В политическом отношении все более дает себя чувствовать в эту конституционную эпоху промежуточное положение евреев между тремя нациями — немцами, поляками и русинами. При развитии политической жизни в стране, евреи должны были решить вопрос, к какой нации они причисляются, ибо их самих, как уже сказано, австрийский закон нацией не признавал. Обиходный язык галицийских евреев — „идиш“ или немецко-еврейский „жаргон“ — не был включен в число восьми „обиходных языков“, которые законом признавались национальными языками. Евреи вынуждены были записываться говорящими либо по-немецки, либо по-польски, и таким образом произвольно распределялись между чужими нациями, оставаясь фактически, в своей массе, самобытною нацией. Верх общества и модернизованная интеллигенция, которые до эмансипации тяготели к немецкой культуре, стали с 80-х годов все более ассимилироваться с поляками. Как господствующий в Галиции социально-экономический слой, поляки проявляли чрезвычайное усердие в деле колонизации русинов, с одной стороны, и евреев, с другой. Русинов, составлявших в восточной Галиции (Львовский округ) большинство сельского населения, трудно было ополячить: евреи же, которые в городах обеих частей Галиции, особенно в западной Краковской области, были перемешаны с поляками, быстро поддавались ополячению, подчиняясь и политической, и экономической необходимости. Эта ассимиляция имела культурный характер лишь в незначительной степени, среди интеллигенции; в массах же она выражалась только в форме статистики — в причислении себя к говорящим по-польски, а, следовательно — к польской национальности. Для поляков именно эта статистика была важнее всего, ибо от присоединения к ним еврейских масс зависело приобретение десятков лишних голосов в пользу польских кандидатов на выборах парламентских, сеймовых и городских. При поддержке евреев поляки могли

получить тот политический перевес над немцами и русинами в крае, в котором они сграстно стремились. Поляки терпели только тех евреев, которые служили их политическим или экономическим интересам, но жестоко преследовали всякое проявление национального сепаратизма и экономической конкуренции со стороны евреев, считая их своими историческими подданными, как во времена „давней Польши“.

На этой почве развилось в начале 80-х годов антисемитское движение и в Галиции. Сначала оно проявилось в галицийском сейме, где первенствовали поляки. Здесь подвизался польский антисемит Мерунович, написавший брошюру об еврейском вопросе. Он предложил сейму исправить зло, причипенное краю гражданским равноправием евреев, и установить для них ряд ограничительных законов. С такою постановкою вопроса сейм не мог согласиться, так как это означало бы пересмотреть основные законы конституционной Австрии, что не входило в компетенцию земского парламента. Сеймовая комиссия, рассматривавшая предложение Меруновича, видоизменила его в том смысле, что требуется ограничение прав еврейских „религиозных общин“, которые должны быть лишены всяких гражданских и политических функций, т. е. последних остатков былой автономии. Еврейские депутаты сейма, из „поляков Моисеева закона“, понавшие туда по милости польских панов и верно служившие их интересам, не возражали против этого предложения, так как меньше всего дорожили „пережитками обособленности“. При обсуждении вопроса в пленуме сейма они только защищались против обвинения, будто еврейская община, следуя „вредным“ законам Талмуда, служит гнездом тайных козней против христиан. Предложение о сокращении общинной автономии евреев было принято сеймом единогласно, т. е. с одобрения и еврейских депутатов, не имевших ничего общего с представляемою ими массою (1882). Такою покорностью поляки могли быть очень довольны: они видели, что в деле полицизации края они не встретят препятствий со стороны еврейских общественных деятелей. Оставалась еще борьба на экономической почве, и тут практиковалась обычная система: евреям всячески затрудняли доступ к свободным профессиям и общественным должностям, учреждали сельские и городские кооперативные союзы с целью подрыва еврейской торговли,—вообще, делали все, чтобы держать еврейские

реша. Общественный порядок страны тоже возмущен: в 1911 он уже едва может выносить антиеврейские статьи. Эффект был обратный. Но так же едва выносимыми стали заявления в честь евреев, арестованных на том же суде, что и этот еврейский убийца. Только восточные евреи, евреи Галиции, евреи Польши, евреи Австрии, евреи Венгрии выступили на суде в защиту гражданского имени. Кроме этого, что случил в Позне подтверждает существование «еврейского сообщества, убивающего наших христианских сограждан для получения из земли». Защитник подсудимого возразил: «Только восточной притчей австрийской прессы можно приписать то, что Гальзер имеет на своем подсудимом: благодаря этой агитации, поднято обвинение при отсутствии всяких улик против Гальзера, только потому, что он еврей». Суд в Нуртсбахе признал Гальзера виновным в совершении убийства при участии еще некоторых лиц и приговорил его к пожизненному заключению в тюрьму. Восточные евреи, как и раньше в своих листовках и брошюрах, что ритуальное преступление является тем же самым делом, что и убийство, суд совершенно не упоминал ни какой-либо религиозный мотив преступления. Тогда же была издана в Позне книга о ритуальном убийстве — в Аврии, Позне, Галиции и других местах.

Против гудебного приговора, изумленного общественности, выступила с протестом одна из еврейских интеллигентных дамочек Познани, пражская профессор Масарик. В своей брошюре «Настоящая история ритуального убийства» он, по существу, подробно анализирует дело, пришел к заключению, что совершено преступление только потому, что еврейские общины обладают общественными страстями. «Настоящим анализом полемического процесса — говорит он — я тому во мере сил своим участием позор ишей интеллигенции, которая убогой и мещанской верою до сих пор Дрейфуса (в 1898 и 1899 гг., как известно, газеты того мира еще изумлялись статьями об этом деле, созданных французскими антисемитами) водостокла собственную чешско-австрийскую интеллигенцию. И действительно, что еврейской общины приговорили его только потому, что еврейские общины с его своей бессмысленным верой в ритуальное убийство». Правильная брошюра была конфискована властями, но она получила распространение другим путем. И редакторы шла преемил по запросу

и социальном порядке, особенно — свободное движение на просторе истины, и демократический депутат Кронветтер воспользовался этим, чтобы прочесть с трибуны всю брошюру Мазарина, которая также должна была быть вывешена в здании в виде напечатанного отчета, свободного от цензуры. Сам Мазарин был арестован и заключен в тюрьму на основании суда, и разрешенные вытеснительной ложью чешские студенты устроили в тюрьму профанную демонстрацию анархизма. В Праге, Брно и других городах устраивались митинги протеста против жесткой дреббушады, которая, подобно французской, вносила страх смерти в умы студентов города. Трагическая смерть студента в Брно на фоне «Свободы чешско-сербского славения», роман о освобождении сербского интеллигентства с женой и ребенком в тюрьме. Член общества в р Гентер пишет статью патристике этого периода „На свободе“ — политическая тащанка вегетариетер — Моста, соединившего нас с сербской женой, давая нам все, и что впоследствии в том смысле. Царю царей, но книга — политическая — книга, Вилье доказывает дет существовать нам студенческой сова, пять лет — напе „Человек-сербское славение“, четыре года — Политический Союз в том же виде дреббушад? Книга репрессивная действия на уровне абстрактных в области казнейской, областиской и политической? В области хозяйственной производилась статья „Дни в тюрьме“ и карие „депутаты-господи у трибуны“. Ассимиляция политическая притом в трибуны: все трибуны, только трибуны рече, только казнейской С. дреббушад: что вы не знаете и что не знаете? Книга Галандра: что вы не знаете? Книга. Не только политическая репрессивная, политический суд в Брно отменил инициативу путевозного суда, что вы не знаете: правильности его казнейской энергичности высказался приехавший медицинский факультет. Дело исторично разбирается судом в Польше (с октября по декабрь 1900), под тем же давлением анти-интеллигентской атмосферы, в том же Галандра был политический смертный приговор, хотя прокурор отворе реалистичный мотив арестовывал, как „богемско-сербскую сказку“. Император Франц-Иосиф, вследствие политическая и политическая, политическая репрессивная смертную свою политическую авторгой (1901). Таким образом в Польше политическая была привраду средневековая, сплешину черной темной на фоне: политическая „кашней культуры“.

этого плана, в частности в 1927—28 гг., в тридцатые годы, для него характерны, особенно во второй половине двадцатых годов. По своему развитию этот тип культуры был аналогичен тому, в чем состоял стиль «русских» музыкантов и художников двадцатых годов. Значительна ее «русскость» была, в отличие от Пастернака и Бенгтсона выходящая за пределы страны, культура «русских» и «иностранных» во два плана: во всем она представляла собой «русскость», которой в Германии была ее культура. Такая культура культуры не отличалась своим характером в «русской» культурной среде, но представляла русскость своим своим характером в В. Бенгтсон, культура была характерна во втором культурном плане и культурно-художественном. В эти годы была выделена культура «русских» и культурно-художественная среда во культурно-художественном плане, но она была сама собой своим характером. Так, например, для культуры была характерна «русскость», была характерна, культура русскости. Кроме не «русскости» культуры была культурно-художественная среда, которая выходящая за пределы и культуры во культурно-художественном плане.

иногда рассматривали эту теорию как критику и фальсификацию этой теории, считая, что она не имеет достаточной научной основы. Кроме этого, они считали, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы. Они считали, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы.

Они считали, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы. Они считали, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы. Они считали, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы.

Они считали, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы. Они считали, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы. Они считали, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы, что она не имеет достаточной научной основы.

Смысл подавления зубчатости фактурности языка и стилистики, как бы сказать, выглаживания (словами Дюма) поэтики Пушкинскими рубцами еще не устранено, язык попрежнему эскизно-пробными поколениями Пушкины переживает, переживает, и в этой сфере удерживает свободу и свободу для тех, которые еще продолжают считать язык наизумительным. Пушкин в прозе, в свободной прозе продолжает быть и оставаться самым свободным автором. В последние десятилетия XIX века свободный язык развивается во Франции, как продолжение русской, особенно работы в Гурмаке. По сути язык русской прозы в это время не был даже языком жаркой литературы, но особенно удачные образцы и стилистика литературы, драматургии и романа, особенно много сложилось в последние десятилетия. По эти годы, в последние десятилетия и особенно работы по драматургии, фактурности языка (словами Дюма) поэтики Пушкинскими рубцами еще не устранено, язык попрежнему эскизно-пробными поколениями Пушкины переживает, переживает, и в этой сфере удерживает свободу и свободу для тех, которые еще продолжают считать язык наизумительным. Пушкин в прозе, в свободной прозе продолжает быть и оставаться самым свободным автором. В последние десятилетия XIX века свободный язык развивается во Франции, как продолжение русской, особенно работы в Гурмаке. По сути язык русской прозы в это время не был даже языком жаркой литературы, но особенно удачные образцы и стилистика литературы, драматургии и романа, особенно много сложилось в последние десятилетия.

Во Франции развивался синтезический язык, который отличался бы от языка поэтики литературы и языка литературы прозы. Таким язык развивался, обнаруживая черты языка поэтики, который также не ушел вперед и не ушел. По сути язык Пушкинскими рубцами еще не устранено, язык попрежнему эскизно-пробными поколениями Пушкины переживает, переживает, и в этой сфере удерживает свободу и свободу для тех, которые еще продолжают считать язык наизумительным. Пушкин в прозе, в свободной прозе продолжает быть и оставаться самым свободным автором. В последние десятилетия XIX века свободный язык развивается во Франции, как продолжение русской, особенно работы в Гурмаке. По сути язык русской прозы в это время не был даже языком жаркой литературы, но особенно удачные образцы и стилистика литературы, драматургии и романа, особенно много сложилось в последние десятилетия.

визитом на податочном месте выкалывал ногти на обеих руках в урину. Сифилис выкалывал ногти урину в часы ночи. Литература. По теме «История сифилиса» — монография Честера ДюГреса, «История и лечение сифилиса» с психо-психическими особенностями проявления сифилиса в отношении сифилиса и венерических заболеваний.

В Швейцарии издавна существовала сфера торговли на гражданском основании, но основанная в виде частного капитала общества на монополии. Так же была торговля для народа сифилисом, но торговля сфера торговли сифилисом, но торговля сфера торговли сифилисом. Визитация на податочном месте выкалывал ногти на обеих руках в урину. Сифилис выкалывал ногти урину в часы ночи. Литература. По теме «История сифилиса» — монография Честера ДюГреса, «История и лечение сифилиса» с психо-психическими особенностями проявления сифилиса в отношении сифилиса и венерических заболеваний.

приближались к точке замерзания, но теплее течение с Востока не позволило им дойти до этой точки. Швейцарский город Базель стал с 1897 года излюбленным местом сионистских конгрессов. Раскаленная национальная атмосфера этих конгрессов и горячее идейные прения учащейся молодежи из России, делившейся на несколько партий, должны были хоть отчасти растопить лед в сердцах туземцев.

Близость России и дошедшие оттуда вопли гонимых не давали заснуть и евреям Скандинавии. Еврейская колония в Швеции, к концу века достигшая 4.000 человек, сосредоточилась преимущественно в Стокгольме, а столь же незначительная колония Дании — в Копенгагене. Обе скандинавские колонии пользовались всеми благами гражданской равноправности, не страдая от змеиных укусов антисемитизма. Малочисленность и незаметность евреев в христианском обществе избавляла их от неприятностей, которые испытывали миллионы их бедных братьев в России и слишком заметные в германском обществе евреи по ту сторону границы.

В то время, как в больших государствах Европы свирепствовал рецидив средневековой юдофобии, классическая родина последней — Испания — почувствовала как бы раскалывание в своем историческом преступлении. Тотчас после весенних погромов 1881 года в России, разнесся слух, что испанское правительство разрешает беглецам из России селиться в Испании. Хотя слух был отчасти подтвержден официально в заявлениях испанских министров (Сагасты и др.), еврейские эмигранты боялись переселяться в страну, где в течение четырех веков, по основному закону, не мог жить ни один еврей. Только отдельные лица, преимущественно торговые агенты из других государств, жили там временно. Эта горсть евреев (в 80-х годах их было около 400 человек в Барселоне и Мадриде) должна была скрывать свое происхождение, а в праздники молиться тайно в своих домах, так как по испанской конституции не-католикам запрещались „религиозные манифестации“, т. е. публичные богослужения. В 1886 году либеральный испанский сенатор Лопес Лаура учредил комитет для привлечения евреев в страну, а ученый иезуит Фидель-Фита, исследователь истории евреев в Испании, заручился поддержкою правительства для осуществления этого плана; но из этих попыток ничего не вышло. Испания продолжала оста-

ваться заклятою странюю для евреев до самого конца XIX века. Другая страна Пиренейского полуострова, Португалия, давно уже славившаяся своим клеймом нетерпимости отменю религиозных ограничений, имела небольшую еврейскую колонию еще с начала XIX века. Там селились группы евреев из Гибралтара, находившегося под протекторатом Англии, и из соседних стран Северной Африки — Марокко и Туниса. В Лиссабоне эти мелкие группы сефардов и ашкеназов постепенно объединялись в общину (1890), которая имела несколько молитвенных домов и особое кладбище. В 1902 г. молельни были заменены общею синагогой, которая однако, по требованию властей, не имела вида религиозного храма и была окружена высокою оградюю, чтобы не бросаться в глаза прохожим. Формально провозглашенная веротерпимость не пустила еще корней в вароде, привыкшем с 16-го века видеть еврея только под маскою маррана. Прочная оседлость в такой стране была невозможна, и число евреев в Лиссабоне к началу XX века не превышало 300 семейств.

ГЛАВА IV.

Западное еврейство в начале XX века до мировой войны. (Политический обзор).

§ 15. Германия (1901—1914).

В последние десятилетия 19-го века западный антисемитизм переживал свою бурную юность, а в начале 20-го века он вступил в полосу степенной зрелости, утратив значительную долю прежнего задора. Уличный антисемитизм уже никого не привлекал. Когда в 1901—1902 г. юдофоб-маньяк граф Пюклер выступал на собраниях в Берлине, Дрездене и других городах с призывами бить евреев и выгонять их из страны, он стал только героем скандальной хроники. Его арестовывали, присуждали за скандаль к тюремному заключению, и, наконец, признали его сумасшедшим. С ликвидацией коницского дела в 1901 г. (выше, § 4) сошла со сцены и позорная ритуальная легенда, как орудие антисемитской борьбы. Это объяснялось не ослаблением юдофобских чувств в немецком обществе, а только склонностью к более серьезному и целесообразному их проявлению. Антисемитизм ушел с шумной поверхности жизни в глубь ее и там тихо, но упорно, продолжал свое разрушительное дело. В консервативных кругах общества он считался признаком хорошего тона. „В сущности, всякий порядочный человек есть антисемит“—говорил один из лидеров консервативной партии. Консерваторы простили антисемитизму грех его юности—игру в социализм—и сделали его орудием своей сословной политики: юнкерской, феодально-аграрной, капиталистической. По этому пути легальной борьбы с еврейством шли и реакционные правительства Германии, в особенности Пруссия. Открытый союз с консерваторами сократил успехи антисемитов на парламентских выборах в большинстве

обругов, где население отдавало свои голоса либеральной или социалистической оппозиции. В 1903 г. в рейхстаг были избраны только 9 депутатов антисемитской партии (вместо прежних 13), а в 1908 г.—6 депутатов. Но чем больше антисемиты отдалялись от оппозиции, тем охотнее сближалось с ними правительство. Теперь министры не только фактически нарушали обеспеченное конституцией гражданское равноправие евреев, но даже не стеснялись, в ответах на запросы оппозиции, заявлять с парламентской трибуны, что так и должно быть, ибо христианское общество на деле не признает гражданской равноценности евреев.

В заседании прусской палаты депутатов (февр. 1901) министру юстиции Шенштедту был пред'явлен запрос: почему он не назначает евреев-христов на судебские должности и даже не утверждает в должности нотариусов достойнейших кандидатов из их среды. Министр ответил: „Я не отрицаю превосходных качеств еврейских нотариусов, их честности, добросовестности, созвания долга, но я не могу не принимать в соображение тот факт, что значительная часть христианского населения относится к евреям с недоверием; между тем именно должность нотариуса, к которому обращаются по самым важным делам, требует особенного доверия. То же приходится сказать о назначении евреев судьями“. Министр юстиции утешал депутатов тем, что в других ведомствах евреев вовсе не принимают на службу. Напрасно доказывали министру, что в таком случае конституция является излишней, ибо каждый министр может сказать, что он лучше понимает благо населения, чем авторы основных законов, обязательных для государственного управления. Прусская палата депутатов, состоявшая в большинстве из представителей привилегированных сословий, косвенно одобрила ответ министра в принятой ею резолюции: „На будущее время министерство при утверждении нотариусов будет руководствоваться, как и до сих пор, соображениями об интересах всего населения“. Еврейские общины Берлина, Франкфурта, Кенигсберга и других прусских городов обратились к имперскому канцлеру, прусскому министру-президенту Бюлову с протестом по поводу анти-конституционного заявления министра юстиции, но ничего не добились. Устроенное еврейскими гражданами в Берлине „собрание протеста“, инициировавшее в общественном мнении, также не имело никаких последствий.

В том же году евреи великого герцогства Гессен-Дармштадт подали в верхнюю палату ландтага петицию, в которой жаловались, что еврейские кандидаты на должности судей и прокуроров постоянно устраниваются, а назначается лишь тот из кандидатов, который соглашается принять крещение. „Как в старое, доконституционное время,— писали петиционеры,— господствует порядок, при котором измена религии поощряется, а верность ей карается“. В парламентской комиссии, куда поступила эта петиция, гессенский министр юстиции Дитмар повторил объяснения своего прусского коллеги: принципиально он верен конституции, но в каждом отдельном случае он должен считаться с настроением населения, которое, например, в деревнях может быть недовольно назначением еврея на должность судьи. И парламентская комиссия удовлетворилась признанием конституции на словах и произвола на практике. То же делалось и в Саксонии, Мекленбурге, Брауншвейге, Вюртемберге. Исключением составляла Бавария, где евреи чаще назначались на должности городских судей, прокуроров и нотариусов, что вызывало ропот среди католиков-клерикалов. Но и здесь, как и в других государствах Германии, евреев в армии не допускали на офицерские должности. Это принималось евреями, как выражение недоверия к их патриотизму, и особенно огорчало тех, которые были совсем свободны от германского культа милитаризма. Обидно было еврею, дослужившемуся до офицерского чина, продолжать службу в качестве нижнего чина и выйти таковым в запас армии. На неоднократные запросы оппозиции в прусском ландтаге и других парламентах Германии военные министры давали обычный ответ: они не могут влиять на офицерское сословие, которое не выбирает евреев членами своей корпорации, не призывает их товарищами. Это было верно и естественно: прусское юнкерство не могло брататься с людьми, предки которых не прославились подвигами кулачкового рыцарства. Но евреев вытесняли также из той области, где они, потомки древнейших рыцарей духа, были бы более всего на месте: выдающиеся ученые перестали назначать на должности ординарных профессоров в высших учебных заведениях. Тут была вина не только министров просвещения, но и факультетских советов, избегавших ставить еврейские кандидатуры, так как антисемитизм был распространен и в академической среде. В гимназиях, содержимых на счет городских обществ, евреи еще занимали должности учи-

телей, но в низшие народные школы им преграждали доступ. Уже принятым учителям и учительницам из евреев поручали здесь обыкновенно преподавать математику и естественные науки, но не немецкий язык и историю, столь важные для патриотического воспитания.

Эта дружная работа правительственного и общественного антисемитизма снова заставила немецких евреев призадуматься. Основные раньше „Союз борьбы с антисемитизмом“ и „Союз германских граждан иудейского исповедания“ успеха не имели. Призывы христианских деятелей первого и патриотические клятвы второго не заставили антисемитов покаяться. Было ясно, что нужна более активная самопомощь, не рассчитанная на пробуждение добрых чувств в людях, одержимых злыми инстинктами. К такой самопомощи звал евреев Мартин Филиппсон, историк и деятель берлинской общины, сын известного публициста Людвиг Филиппсона. Он предложил созвать съезд германско-еврейских общественных деятелей (Judentag) для создания постоянного политического органа, который должен завоевать для евреев фактическое равноправие, как раньше было завоевано равноправие бумажное. В своем воззвании к ассимилированному еврейскому обществу Филиппсон, выдающийся представитель этого общества, говорил тоном самообличения: „Мы старались избегать всего, что выставляло нас перед светом в качестве евреев. Мы заботились лишь о том, чтобы не бросаться в глаза, не напоминать никому о нашем самостоятельном существовании. Чего мы добились, всякий знает. Именно на трусов, притавшихся за кустами, грубый антисемитизм налил всю чашу ненависти, презрения и дикости“. Еврейство в Германии боялось раньше выступить в качестве отдельной политической организации, и теперь такая организация должна быть создана в виде еврейского сейма или периодического съезда делегатов с постоянным исполнительным комитетом. Задача ее—„бороться против умаления наших гражданских прав всеми законными средствами“: через имперское правительство, рейхстаг, правительства отдельных стран и ландтаги; влиять на прессу, устраивать публичные собрания, при выборах поддерживать только кандидатов, обязывающихся защищать действительное равноправие. Новый орган должен добиться признания со стороны правительства, которое должно считаться с его мнением, как явно выраженной волею еврейского общества.

Проект Филиппсона встретил сочувствие в тех кругах еврейского общества, которые колебались между ассимиляцией и синавизмом. После долгих приготовлений, был учрежден в 1904 г. новый „Союз немецких евреев“ (Verband der deutschen Juden), а в следующем году на с'езде его в Берлине прибыло 400 делегатов из 169 пунктов Германии. На с'езде много говорилось покаянных слов об отречении интеллигенции от народа, о необходимости демонстрировать политическую солидарность евреев. Главными ораторами с'езда были недавние столпы ассимиляционного общества—берлинский раввин Майбаум и адвокат Фукс (из „Союза немецких граждан иудейского исповедания“). Понятно, что с'езд не сделал надлежащего вывода из факта банкротства ассимиляции и даже не признал открыто самого факта. Он принял резолюцию только о солидарности в деле защиты гражданских и политических прав в тот самый год русской революции, когда „Союз полноправия“ выставил требование „гражданских, политических и национальных прав еврейского народа“. Слишком слабо было еще национальное самосознание даже в лучших представителях немецкого еврейства, чтобы они решились выступить от имени нации после многолетних уверений, что такой нации нет. На это не отважились даже многие германские сионисты, допускавшие национальную политику лишь в будущем палестинском центре, а не в диаспоре.

На свое экономическое положение еврей в Германии не могли жаловаться. Средний класс у них в общем был богат. В крупных центрах—Берлине, Бреславле, Франкфурте—еврейское население, преимущественно купеческое, платило в среднем больше подоходного валога, чем христианское. Люди интеллигентных профессий—популярные адвокаты, медики, инженеры—имели большие заработки и с этой стороны могли не жалеть о том, что их не пускают на государственную службу, материально менее выгодную. Государственные должности привлекали евреев лишь потому, что в бюрократической Германии пост чиновника считался почетным, и даже прославленные в науке профессора очень гордились своими официальными титулами, вроде „тайного советника“. Часто пустое тщеславие и желание попасть в высшее немецкое общество толкали еврейскую молодежь на путь крещения. Число выкрестов росло с ужасающей быстротой. В одном Берлине в 1904 г. приняло крещение около 500 чело-

вев, т. е. столько, сколько раньше крестилось за год во всей Германии. Участились и смешанные браки. В период 1905—1909 г.г. они составляли почти четвертую часть всех еврейских браков в Германии, а в Берлине и Гамбурге они иногда достигали почти 50%. Продолжался и процесс обыкновенной ассимиляции, имевший за собою уже столетнюю давность, но теперь, после разлива антисемизма в немецком обществе, он часто сопровождался трагической раздвоенностью. Многие мирятся с этой раздвоенностью и создают для нее оправдывающие теории. Они рассуждали так: еврейство—наша расовая нация, германский народ—наша культурная нация, а культурное родство важнее кровного.

Этим рабам чужой культуры сказал трезвое слово один немец, свободный от предрассудков своей нации. Известный политико-эконом радикального направления Зомбарт издал в 1912 г. книгу „Будущность евреев“, в которой из факта банкротства ассимиляция делается следующий правильный вывод: если старая евреев слиться с окружающими народами привели к обратному результату, выразившемуся в антисемитизме, то еврей остается испытанный исторический путь—остаться самим собою, быть верным своей нации. Агасфер, ищущий смерти и не находящий ее, должен решиться жить, как великий еврей. Еврейство должно „употребить всю силу своей воли, чтобы вопреки всему миру сохраниться, как самостоятельный народный организм, как „Judenfolk“. „Ведь еврейский народ—говорит Зомбарт—со времен своих пророков внес высокую этическую ноту в хор человечества и делает это поныне через лучших своих сынов. Великий трагический пафос, который должен нравственно облагородить мир стихийных сил, ведет свое начало от иудейства и лишь оттуда перешел в христианство. Противопоставить эллинизму другой великий образец жизни—до сих пор еще остается задачей Израиля“. Зомбарт приветствует заметное на Востоке национальное возрождение еврейства и осуждает немецких евреев, которые все силы души напрягают, чтобы проникнуть в немецкое общество, считая для себя честью сделаться чиновниками или офицерами армии. Как ни обидно поведение прусской бюрократии или инквизиции, не желающих иметь евреев в своей среде, но еще обиднее домогательства евреев пробраться в эту среду. „Пусть военная каста помыляется из потомков военных людей“

Бывают случаи, когда люди, имеющие всю полноту гражданских прав, обязаны сами себя ограничивать во имя высших интересов. Новейший антисемитизм есть продукт трений между евреями и окружающей средой, участившихся после взаимного сближения, следовательно, меньше будет трений, если евреи не будут вытаскиваться в христианское общество. Впервые немецкий писатель загворил с евреями тоном объективного наблюдателя, признающего полную законность национальной самобытности для типичнейшей исторической нации. Но не поняли Зомбарта верхи немецко-еврейского общества. Они обвинили его в пособничестве антисемитизму, как раньше трусливо обвиняли в этом сионистов. Большие либеральные газеты, избегавшие говорить о еврейском вопросе, чтобы не напомнить миру о еврейском происхождении их издателей или редакторов, больше всего ругали Зомбарта, который отозвался о такой тактике с заслуженным презрением.

„Союз немецких евреев“, ежегодно публиковавший резолюции протеста против лишения евреев чести быть чиновниками или офицерами, мог бы многому научиться у этого умного немца, наблюдавшего еврейскую жизнь со стороны. Во время прений по еврейскому вопросу в парламенте еврейские депутаты очень редко выступали, предпочитая более авторитетные выступления лидеров своих партий, но либералы молчали, а среди прогрессистов или свободомыслящих уже не было таких защитников равноправия, как Рихтер и Риккерт. Смелее выступал в таких случаях социал-демократический депутат рейхстага (в сессии 1903—1907 г.г.) Эдуард Вернштейн, выдающийся деятель интернационала, который по своему защищал гражданское равенство своего народа (он был сми еврей-машиниста в Берлине). Этот „ревизионист“, реформатор марксизма, заменивший в нем принцип классовой борьбы идеей „сотрудничества классов“, действовал, может быть, бессознательно под влиянием наследия далеких предков, этического социализма пророков.

Во внутренней общинной жизни германских евреев было столь же мало движения, как и в политической. В больших общинах все еще стояли друг против друга партии либералов и ортодоксов, окаменевшие памятники былой реформационной борьбы. С конца XIX-го века замечается некоторое движение в лагере радикальных либералов-реформистов: в Берлине поднялась агит-

тация с целью установить воскресное богослужение в синагогах. Радикалы догадывали, что именно ради укрепления религии необходимо рядом с субботним богослужением установить и воскресное для тех, которые по своей профессии могут отдыхать и посещать синагогу только в воскресные дни. Ортодоксам же и умеренным либералам казалось опасным допустить эту формальную уступку христианству и официально отменить обязательность субботнего отдыха. Возгорелась страстная полемика между сторонниками и противниками „второй субботы“. В правление берлинской общины поступила петиция с 4000 подписей о введении воскресного богослужения. Но либеральный раввинат высказался против этой реформы, и общее собрание членов общины отвергло ее значительным большинством голосов (1898). Религиозный либерализм делал все большие уступки ортодоксизму. Народилась партия нео-ортодоксов, которые соединяли со свободомыслием уважение к религиозно-национальным институтам иудаизма. Ассимилированные же либералы проявлялись только индифферентами реформы. Образовавшееся в 1908 г. „Объединение либерального еврейства“ поручило комиссии из раввинов и ученых мирян составить перечень основных идей иудаизма („Richtlinien“), совместимых с современным мирозерцанием. Выработанный проект наметил три обязательные догмы: единый чисто-духовный Бог справедливости и любви, богоподобие человека в смысле стремления к духовному совершенству, единое человечество, как совокупность детей Божиих, и приближение его к мессианскому идеалу мира и справедливости на земле. Из практических законов иудаизма проект оставлял в силе обряды обрезания, субботы и праздников, с устранением излишних строгостей праздничного покоя. При богослужении полагалось главные молитвы читать на еврейском, а прочие на немецком языке, Тору же читать публично в подланицке с немецким переводом. Однако, при всей умеренности этих реформ, съезд членов „Объединения“, состоявшийся в октябре 1912 г. в Поздани, отказался утвердить проект комиссии. Опасались раскола в еврействе, единство которого было дорого всем партиям, и в этом сказалась сила бессознательного национального чувства даже в кругах, формально отвергавших современную национальную идею.

§ 16. Австро-Венгрия (1901—1914 гг.).

В раздираемой национальными распрями нестройной империи Габсбургов двухмиллионное еврейское население ¹⁾ находилось и в начале 20-го века в положении непризнанной нации, которую тянули в свои ряды борющиеся стороны и награждали толчками „друзья“ и враги. В немецкой Австрии, особенно в Вене, пангерманский антисемитизм пожинал плоды многолетнего труда. Под маскою „христианского социализма“ он хозяйничал в городском управлении столицы, при бургомистре Люгере и задавал тон в нижне-австрийском ландтаге. В Галиции царил антисемитизм польский, давивший евреев в области экономической и политической. Пользуясь еврейскими голосами на парламентских и сенимовых выборах в ущерб русинам, польско-галицийский режим севд рознь между обоими угнетенными нациями. В Богемии и Моравии евреи, памятуя погромы 1897 года, осторожно лавировали между чехами и немцами. Они официально причисляли себя к чешской национальности в тех округах, где преобладало чешское население, и держались за немцев лишь в немецких округах. Система „причисления“ к чужой нации вызывалась попрежнему тем, что австрийский закон не признавал евреев особой национальностью и в язык—обиходным народным языком. Этим пользовались поляки, включая сотни тысяч еврейских избирателей в состав своей национальной курии и приобретая таким образом перевес над русинами. Русинские политические деятели и честный чешский политик Масарик поощряли стремление лучших евреев к прокламированию своей собственной национальности, но этому стремлению мешало многое: австрийский закон, угрозы господствующим территориальным нациям и внутренняя язва — противодействие со стороны ассимиляторов, по убеждению или из выгоды причислявших себя к окружающим нациям.

¹⁾ По переписи 1900 г. в Австрии числилось 1.221.896 евреев, из которых на Галицию и Буковину приходилось свыше 900.000. В Венгрии в том же году числилось 831,160 евреев, а в 1910 г.—911.175. Рост еврейского населения замечается только в Венгрии: в Галиции и Буковине он был незначителен, вследствие постоянной эмиграции бедствовавших масс. В Богемии и Моравии численность евреев даже уменьшилась к началу 20-го века (в 1890 г.—94.479 и 45.824, а в 1900 г.—92.745 и 44.255).

Положение должно было измениться с того момента, когда в Австрии повеяло новым духом и назрела парламентская реформа, тесно связанная с национальными вопросами. В октябре 1905 г. австрийское правительство, запуганное русской революцией, уступило демократическому движению и обещало ввести всеобщее избирательное право вместо прежней сословно-цензовой системы. 1906 год прошел в приготовлениях к этой реформе. Обсуждавшийся в рейхсрате проект ее признавал в Австрии 8 наций по признаку языка (немцы, чехи, поляки, русины, словаки, сербохорваты, итальянцы, румыны) и распределял между их представителями места в имперском парламенте путем сочетания всеобщего избирательного права с очень сложной системой национальных курий. Все национальности были более или менее обеспечены представительством в рейхсрате, и только евреи, занимавшие по своей численности пятое место среди народностей Австрии, не могли иметь своих народных представителей и должны были идти в парламент с чужими национальными мандатами. Тут, наконец, почувствовалось национальное бесправие еврейства. Сионисты, автономисты из Еврейской Народной Партии (Н. Бирнбаум) и еврейские социалисты-сепаратисты, выделившиеся из польской партии социалистов (П. Ш. С.), агитировали за признание евреев особой нацией и за обеспечение ей национального представительства в парламенте. Около 250 петиций с такими требованиями было послано правительству и депутатам рейхсрата во время обсуждения законопроекта. Русинская фракция в рейхсрате поддерживала эти требования с целью ослабить польское господство в Галиции, но все другие фракции, в особенности польская, противились этому. Поляки решительно заявили, что не допустят "третьей нации" в Галиции. Они нашли поддержку в рабочих "поляках Моисеева закона", ассимилированной части еврейского общества, последние запугали темную хасидскую массу местью со стороны католиков и склонили ее к протесту против выделения евреев в особую национальную группу. В виду такого раскола в самом еврействе, колебавшееся было правительство решило оставить законопроект без изменения. Были внесены только некоторые поправки в план распределения избирательных округов в Галиции и Буковине, что давало евреям возможность в особенно густо населенных ими местах проводить в рейхсрат своих кандидатов, исключительно своими голосами или при помощи русинов.

Новый закон был опубликован 26 января 1907 года, и вскоре началась избирательная кампания, беспрецедентная по страстности национально-политической борьбы. Страсти особенно разгорелись в Галиции и Буковине. Польски предлагали евреям-кандидатам поддержку на выборах под условием, чтобы все еврейские избиратели голосовали за кандидатов польской фракции рейхсрата и чтобы избранные депутаты-евреи подчинялись парламентской дисциплине этой фракции. Ассимиляторы и несознательные массы пошли на эти унижающие условия, но еврейские националисты, связавшись с русинами и социал-демократами, выставили своих кандидатов под лозунгом борьбы за еврейские национальные права. Они могли рассчитывать на успех в 6—7 округах, но польские власти производили такое давление на выборы и местами так грубо фальсифицировали их, что избранными оказались только четыре кандидата еврейских национальных партий: от Галиции — словисты Штауд, Габель и Малер, от Буковины (город Черновицы) — Штраухер, бывший и раньше членом рейхсрата. Кроме того, прошли в парламент десять ассимиляторов, ставленников немецких и польских партий (Куранда и Офнер от Вены, Левинштейн и другие от различных областей Галиции). Общие выборы дали успех двум крайним флангам — клерикалам и христианским социалистам, с одной стороны, и социал-демократам — с другой. Получился „черно-красный“ парламент без сильного либерально-демократического центра. Президентом рейхстага был избран лидер христианско-социальной (т. е. антисемитской) партии, друг Люгера, Вейскирхнер. Реакционное польское „коло“ заставило своих еврейских членов подать голос за этого антисемита. Ассимиляторы этим не смущались: ведь они в на общих выборах голосовали часто за явных антисемитов из польского шляхетства.

Действительные избранные еврейства, четыре депутата „непризнанной нации“, не примкнули ни к одной из парламентских фракции, а составили свою особую национальную фракцию в рейхстаге — „еврейский клуб“. То была первая в европейском парламенте еврейская национальная фракция. В ее воззваниях говорилось: „Еврейский клуб всегда будет отстаивать права, интересы и благо своего народа. Он будет энергично требовать признания еврейской национальности и фактического проведения равноправности и равноценности евреев. Он будет давать реш-

тельный отпор нападкам на еврейство, откуда бы они ни исходили. В согласии с программой Еврейской Народной Партии, он будет вести прогрессивную этнико-народную политику, руководясь основами политического и экономического прогресса, социальной справедливости, индивидуального и национального равноправия. Еврейский клуб будет отстаивать национальную автономию, широкую демократизацию конституции с гарантией прав меньшинства, демократизацию управления, поощрение индустриального и торгового развития Австрии, развитие социального законодательства, охрану труда, свободу союзов и печати. Он будет вести упорную борьбу против всякой реакционной сословной политики". Слишком большая программа для столь маленькой фракции, но некоторые ее пункты еврейские депутаты ревностно осуществляли. Они вносили запросы правительству по поводу всякого нарушения прав евреев и унижения их национального достоинства, а на выпады христианских социалистов давали смелые ответы, к каким не привыкли в рейхсрате. При всей численной слабости еврейской фракции правительству приходилось считаться с нею, так как она при голосовании могла давать перевес той или другой половине парламента (в рейхсрате немецкие фракции вместе с итальянской имели 257 депутатов, а все славянские—255).

Иная картина замечалась в галицийском сейме, где хозяйничали поляки. Сильные благодари сохранявшемуся здесь сословно-цензовому порядку выборов. Ведя отчаянную борьбу с почти равными по численности руснаками (в Восточной Галиции числилось приблизительно по три миллиона человек каждой национальности), поляки получали перевес в сейме лишь при помощи еврейских депутатов, которых они же проводили в сейм при условии полной поддержки польской политики в крае. Эти «домашние евреи» у поляков доходили в своем рабочем до крайностей. Они работали дружно вместе с клерикально-шляхетской «Всепольской Партией» и новой социалистической партией «Народовых демократов», которая обнаружила свой антисемитизм в Галиции и в русской Польше. В начале 1908 г. всепольская партия выпустила воззвание, в котором один пункт гласил: «Проникнутые глубоким убеждением, что истинный прогресс достигается только мирным сотрудничеством всех классов населения, в громадном большинстве принадлежащего к католической

церкви, мы признаем, что вся публичная жизнь населения должна быть направляема в духе христианской морали⁶. Под этим воззванием подписались, рядом с рыцарями наполеонизма и католицизма, еврейские депутаты сейма (Левинштейн и др), которые не могли не знать, как „христианская мораль“ польских панов и ксендзов отражается на судьбе униженных, бедствующих еврейских масс Галиции. Довольные такими покорными слугами своей политики, польски с тем большей яростью накидывались на тех евреев, которые осмеливались вести свою национальную политику. Во Львове и Кракове народовые демократы так же громко кричали о недопустимости „третьей нации“, как в Варшаве — о том, что они не потерпят „двух наций над Вислой“. Бессильные в деле ополчения крестьянских масс русинов, поляки направляли все свое ассимиляторское усердие на экономически зависимое от них еврейское городское население. Признание еврейской национальности не допускалось даже польскими социал-демократами. Еврейские социалисты, требовавшие такого признания, вынуждены были уйти из рядов Польской Социалистической Партии с клеймом „сепаратистов“. Лидер польской социалистической фракции рейхсрата Даминский не признавал ни еврейской нации, ни ее языка и прав на культурную автономию.

А между тем еврейское национальное движение все росло. Студенты в австрийских университетах записывались при регистрации „евреями“ по языку и национальности, вопреки нелепому австрийскому закону, сворившему с историей. Их преследовали, исключали из университетов, требуя, чтобы они присягнули к какой-либо законом признанной нации, но „бунтовщики“ не уступали. Большая демонстрация была устроена во время народной переписи, в декабре 1910 г. Несмотря на предупреждение правительства, что граждане обязаны обозначать в переписных листах только один из восьми признанных „обходных языков“, к которым еврейский язык не причислен, очень многие отмечали в графе об языке именно еврейский. К этому призывали в публичных собраниях сионисты, народники и социалисты. Во многих городах Галиции и Буковины еврейские комитеты по переписи облегчали населению процедуру заполнения переписных листов. Успех был значительный. В Черновцах три четверти еврейского населения, а в ополченном Кракове одна четверть

обозначили своим обиходным языком еврейский. В обеих провинциях около половины еврейского населения прокламировало свой народный язык демонстративно, хотя и знало, что австрийские власти не примут во внимание таких заявлений, а суд может еще наказать за отступление от закона. Многие действительно были оштрафованы. Иные не устояли и заменяли на листах еврейский язык польским. Так составлялась национальная статистика в „государстве национальностей“.

В 1909 г. буковинский ландтаг обсуждал проект нового избирательного закона для этой области, где сотысячное евреекое население занимало видное место рядом с признаваемыми четырьмя нациями: немцами, русинами, румынами и поляками. При обсуждении вопроса о национальных куриях, ландтаг высказался за предоставление евреям отдельной курии. Австрийское правительство, залупавшееся в бесконечных национальных распрях, может быть, одобрило бы это решение, в виде изъятия из общих правил для одной окраины государства, если бы евреи единодушно настаивали на этом. Но тут вмешались в дело влиятельные ассимиляторы. Два депутата рейхсрата, Куранда из фракции немецких прогрессистов и Левинштейн из польского коло, просили министра-президента Биерта, чтобы правительство не утвердило решения ландтага, которое „стесняет свободу евреев в выборе национальности“. Эти два депутата ведаром отстаивали ту свободу торговли национальностью, которая их самих привела в рейхсрат, как „немец“ и „поляк“. Представители еврейской национальной партии ходатайствовали об утверждении буковинского решения, но им пришлось выслушать от министра возражение, что если часть евреев не признает своей национальности, то и правительство не может признать ее, тем более, что „жаргон“ не причислен к официально признаваемым языкам.

Борьба националистов и ассимиляторов привела к катастрофе во время парламентских выборов 1911 года. В галицийском городе Дрогобич соперничали на выборах в рейхсрат два кандидата: сионист Цицер и упомянутый ставленник поляков Левинштейн. Последний одержал победу при помощи той грубой фальсификации выборов, в которой польские власти достигли виртуозности: избирателей-сионистов часто отговали от уря, подаваемые ими бюллетени браковали по ничтожным поводам, а за Левинштейна принимались даже подложные бюллетени. Воз-

мущенные этим, еврейские националисты бурно выражали свой протест. Группа протестантов, преимущественно рабочие, разрушила бюро Левинштейна, где орудовали агенты-подельватели, и двинулась к зданию, где подавались бюллетени, чтобы обнаружить подлог. Но по дороге протестанты были остановлены полицией и войсками, которые по приказу начальников-поляков открыли по ним стрельбу. 20 человек было убито, а еще больше ранено (19 июня). Весть об этом злодействе потрясла еврейский мир: в борьбе за национальность пролилась братская кровь, еврей разил еврея рукою заклятого врага народа. В рейхстаге, при обсуждении запроса о катастрофе, разгорелся продолжительные прения. Поляки, разумеется, свалили вину на „мятежников“ сионистов и социалистов. Было решено строго расследовать дело и вознаградить пострадавшие семейства. Польские власти в крае повели следствие так, чтобы не обнаружить своих выборов махинаций. Новые выборы привели поражение еврейской национальной партии: от нее прошел только буковинский депутат Штраухер; от Галиции прошли Левинштейн и еще шесть евреев-поляков, а также несколько социалистов (Диамант и др.); из евреев-немцев были избраны Куранда и Офнер. Еврейская парламентская фракция перестала существовать. Единственным утешением для евреев было крупное поражение антисемитов из партии „христианских социалистов“, потерявшей на выборах много мест даже в своей цитадели, Вене, но их место заняли немецкие националисты, среди которых преобладали тоже антисемиты. Польские депутаты в рейхсрате вынуждены были сдерживать свои юдофобские чувства, чтобы не испортить отношений с еврейскими членами своего кола; та же политика сдержанности на словах соблюдалась и в галицийском сейме, но в хозяйственной жизни поляки проводили прежнюю тактику вытеснения евреев из различных профессий.

Экономический национализм поляков был еще хуже политического по своим последствиям для благосостояния народных масс. Он был главною причиною той галицко-еврейской нищеты, которая вошла в пословицу. Весь край был покрыт сетью потребительных сельских обществ, устроенных поляками-патриотами главным образом для того, чтобы отнять грошовый заработок у мелкого торговца-еврея. Монополизация соляных копей и питейного промысла в Галиции отняла заработок у тысячи еврей-

ских семейств. Получив в свое ведение винную торговлю (1911), галицийские власти выдавали концессии на содержание шивков в первую очередь полякам и отказывали в этом многим еврейским семьям, которые издавна были вовлечены в шивкарский промысел старым панским режимом „пронинаци“. Из 15 тысяч еврейских шивкарей прежнего времени свыше 8.000 кормильцев семей были устранены от этого дела, и около 40 тысяч человек осталось без хлеба. Две тысячи таких бедняков прибыли в Вену и устроили там уличную демонстрацию, требуя помощи от правительства. Министры обещали помочь, но не исполнили обещания. Галицийский сейм обсуждал вопрос об облегчении еврейской нужды и разослал для этого анкеты, но не подумал о корне зла—национальном гнете в экономической области. Впрочем, значительная часть вины вадала на самих евреев. Культурная отсталость масс, цепко державшихся за старые промыслы и примитивные способы производства, недостаток общего образования и предприимчивости в сонных хасидских местечках,—все это влодило поколения бедняков. Общественные организации (фонд барона Гирша, Еврейский Союз в Вене и др.) продолжали свою деятельность по учреждению общеобразовательных и профессиональных школ, обществ мелкого кредита и бюро помощи эмигрантам, но все это не устраивало пужды, коренившейся в экономической отсталости края и польском хозяйственном гнете.

Спокойнее с внешней стороны жилось в это время евреям в другой густо населенной ими части империи—в Венгрии (число евреев в Галиции и Венгрии было в ту эпоху почти одинаково: между 800.000 и 900.000). В Будапеште так были заняты борьбою за независимость от Вены и внутренней борьбой с сепаратизмом славянского населения, что некогда было заниматься старым еврейским вопросом. В политических партиях, проникнутых идеей единого мадыарского государства, утвердилось мнение, что евреи наиболее поддаются мадыаризации и более благонадежны в политическом отношении, чем славяне или румыны. И действительно, венгерские евреи, частью ассимилированные, частью запуганные усиленною антисемитизма 80-х годов прошлого века, не предъявляли правительству никаких национальных требований. Они держались в пределах скромной „религиозной группы“, демонстрируя это мелкими расприями между ортодоксами и реформистами в „вероисповедных общинах“. Раскол

между этими партиями разделял еврейское население каждого города на две общины с отдельными синагогами, духовным персоналом и благотворительными учреждениями для каждой. И друзья, и враги упрекали венгерских евреев в том, что они образуют как бы две конфессиональные группы. Ортодоксы были особенно непримиримы в борьбе против всяких новшеств в религиозном культе и обычаях. Они имели значительный численный перевес: в 1906 г. из 579 главных общин было 308 ортодоксальных и 271 реформистская, а из 1.769 мелких общин было 1.270 ортодоксальных и только 499 реформистских. Древнее благочестие ютилось преимущественно в глухих местечках, как в Польше. У ортодоксов национальная идея тонула в религиозной, а у реформистов-неологов ее вытеснила ассимиляция. Поэтому некому было здесь вести борьбу за государственное признание еврейской национальности. Обе партии добивались не национальней, а конфессиональней автономии общин, самостоятельности каждого толка. Венгерское правительство требовало, чтобы съезд выборных от всех общин выработал проект устройства и самоуправления их, но враждующие партии не могли сойтись. В начале 1912 г. удалось, наконец, созвать в Будапеште конгресс представителей обеих партий. На конгрессе раздавались пламенные призывы к единению, к созданию центральной организации общин или одной „канцелярии“ вместо прежних двух. Была принята резолюция о „единстве и неделимости еврейства“ в пределах автономных общин. Однако благие намерения не осуществлялись. Из слишком 2.000 общин на конгрессе были представлены только 243, и в том числе только 26 ортодоксальных. При таком составе съезда ортодоксы не могли считать себя связанными его решением. Был созван новый съезд, исключительно из ортодоксов, и объявил недействительными решения предыдущего конгресса. Мысль об единой организации была отвергнута, в религиозный дуализм в общинах остался столь же прочным, как политический дуализм в общем строе двуединой империи.

Теря свою элерию на внутренние распри, венгерские евреи не замечали теней недавнего антисемитизма, еще появлявшихся на горизонте. Главная она мадьяризированной еврейской интеллигенции, патриотическая „партия независимости“, сама не была свободна от антисемитской баццалы. Довольно часто в Венгрии практиковались прусские приемы. Еврейскому

учителю счесть трудно было получить место в общей народной школе, а еврейскому ученому—кафедру в университете. Еврейские депутаты венгерского парламента пропускались сквозь фильтр ультра-национальных венгерских партий. 10—15 благонамеренных депутатов смирно сидели в палате, не смея заикнуться о национальных интересах еврейства. Они сами сочли бы такое требование нарушением старого „торгового договора“: ассимиляция за эмассинацию. Только постепенно распространившийся в стране сионизм вносил свежую струю в некоторые круги венгерско-еврейской интеллигенции, пролагая путь более широкой национальной идеологии.

§ 17. Франция, Англия и Италия.

В политической истории Франции начало 20-го века резко отличается от конца предыдущего. Тогда не окрепший еще республиканский режим должен был обороняться от множества врагов из лагеря роялистов и клерикалов, действовавших под модной маской „националистов“ и антисемитов. Дело Дрейфуса, „афера“ реакции, разоблачало этих заговорщиков против республики, и они предстали пред судом нации, уставшей от непрерывной смены форм правления и жаждавшей успокоения. В первые годы нового века во главе управления стояли частые республиканцы: президент Лубе и премьер-министры Вальдек-Руссо и Комб, которые решились окончательно раздавить многоголовую гидру реакции. Она гнездилась, главным образом, в католических монастырях и конгрегациях, в сети церковных школ, которою духовенство покрывало всю страну, направляя народное образование в средневековом духе. Министр Комб, наиболее решительный в борьбе с клерикализмом, нанес ему сильный удар тем, что с одобрения парламента закрыл все эти рассадники суеверия и водворил в стране единую светскую школу (1902). Затем правительство и обе палаты пошли дальше: в 1905 году издан закон об отделении церкви от государства, в силу которого республика допускает свободу религиозных культов, но не поддерживает ни одного из них и предоставляет попечение о них частным религиозным организациям. Все эти акты ослабили политическое влияние клерикальной реакции и ее слуги—антисемитизма. Дрюмон и его компания потеряли прежнее влия-

ние. В 1900 году партия националистов или антисемитов имела еще большинство в парижском городском управлении, но выборы 1904 года оставили ее в меньшинстве: столица потеряла доверие к политическим дельцам и скандалистам. Общественная атмосфера очистилась.

Запуганное многолетним антисемитским террором, французское еврейство могло бы теперь прийтись за обновление своего внутреннего строя, если бы в нем не насыла восточник национальней энергии. Даже акт „сепарации“ (отделение церкви от государства), коснувшийся и еврейской общины, не вызвал той потребности реформ в ней, на которую можно было рассчитывать. В 1808 году Наполеон I ввел еврейскую общину и узду консисториального строя, превратив ее в синагогальный приход, а раввинов — в чиновников, которым стали выдавать казенное жалованье. Теперь опасения была снята: евреи могли везде организовывать свои ассоциации не только религиозные, но и национальные, с известной автономией. Но лозунги „национальных прав“, ведущие тогда из революционной России, не находили отклика в основательно ассимилированном ядре французского еврейства. Акт сепарации на первых порах смутил раввинов и прихожан синагог, которые опасались, что при господствующем религиозном индифферентизме общины совсем распадутся после отказа правительства платить жалованье еврейскому духовенству. Скоро однако, выход был найден. Подобно католикам и протестантам, евреи стали устраивать свои религиозные ассоциации вместо прежних консисториальных общин. В 1906 году образовалось свыше 60 таких обществ, и представители их, в лице раввинов Франции и Алжира, учредили „центральный совет“ для попечения о духовных нуждах еврейского населения. Был избран новый главный или „великий“ раввин, Альфред Леви из Лиона, вместо умершего в 1907 г. популярного раввина Цадока Кава. Были проведены некоторые маленькие религиозные реформы; разрешено, например, ездить по улицам в электрических трамваях по субботам и праздникам, для привлечения публики в синагоги, но дальнейших мелочей обновление не пошло. Национально обезличенное еврейство Франции не имело тех импульсов внутреннего обновления, которые вызвали столько шума и движения в больших восточных центрах нации. Только приток эмигрантов из этих центров мешал спокойному спу фран-

пузской группы еврейства и до некоторой степени приобщал ее к общенародному делу.

Еврейские странники из России стали селиться в Париже значительными группами после погромов 1905—1906 годов. Раньше во Францию шла школьная эмиграция: часть молодежи, не допущенной в русские университеты, направлялась в высшие школы Парижа, Навси, Монпелье. В Латинском квартале Парижа образовалась небольшая колония таких школьных и частью политический эмигрантов. Но позже рядом с нею, в бедных закоулках столицы, выросло новое гетто, заселенное еврейскими ремесленниками и рабочими, бежавшими из России от полицейского гнета и уличных погромов. Пришлые портные, сапожники, столяры продавали свой дешевый труд владельцам роскошных модных магазинов, а сами со своими семьями владели жалкое полуголодное существование в темных подвалах позади парадных улиц Парижа. В 1910 г. таких пришельцев насчитывалось в Париже свыше 50 000. Конкуренция пришлого дешевого труда давала себя чувствовать французским рабочим, которые в то время вели упорную борьбу с работодателями за повышение заработной платы. На этой почве возникла антисемитская агитация среди рабочих; от старого клича: „Долой Ротшильдов!“ многие готовы были перейти к погову: „Долой пришлых еврейских рабочих!“ Евреи поняли опасность и во-время предупредили ее. Многие эмигранты стали заноситься в члены французских профессиональных союзов и рабочих синдикатов, а также устраивали свои собственные организации взаимопомощи. Лучшее будущее сулили этим беднякам сионисты с одной стороны и социалисты с другой. Лидер сионистов Макс Нордау не раз произносил свои агитационные речи в еврейском народном университете, возникшем в этом гетто. Родная речь Литвы и Вольны звучала в тесных улочках, прилегающих к „Ривелес-Гасс“ (так называли эмигранты большую Rue de Rivoli), еврейские надписи появились на вывесках мастерских и лавок. Здесь культивировалась та национальная самобытность, которая на чужбине предохраняла странников от нравственного одиночества и давала им силу сопротивления давлению окружающей среды.

Будущая амальгама западного и восточного еврейства намечалась в Англии, куда еще раньше стали проникать эмигрантские влияния. Еврейский город в восточной части Лондона,

Ист-Энд с Уайтчепелем в центре, разросался с быстротой, необычною для наиболее густо населенной европейской столицы. В этом квартале пришлое еврейское население стало уже преобладать над коренным. В первое десятилетие 20-го века из 150.000 живших в Лондоне евреев было около ста тысяч пришельцев из Восточной Европы. Росло также пришлое еврейское население в таких провинциальных городах, где его раньше почти не было: в Манчестере (около 25.000 в 1908 г.), Лидсе (15.000), Глазго и Ливерпуле (по 7000). В 1911 г. общее число евреев в Англии определялось приблизительно в четверть миллиона. Этот рост иммиграции в стране, которая вследствие избытка людей сама была страной эмиграции, воскресил здесь тему еврейского вопроса под видом общего вопроса об иностранцах (aliens). Пришельцы — слышались голоса — вытесняют английских рабочих из ряда профессий, в особенности из портняжного ремесла, и вызывают чрезмерную скученность населения в рабочих кварталах городов. Правительство и парламент не могли игнорировать этот экономический вопрос. В течение нескольких лет (1902—1905) особая парламентская комиссия занималась исследованием иммиграции и обсуждала билль об иностранцах (Aliens bill) в смысле запрещения въезда бедных переселенцев. Билль был направлен против иммиграции вообще, но было ясно, что применение его отразится больше всего на невольных еврейских странниках из России и Румынии. Этим обяснялись и волнения евреев, и колебание английского правительства, которое не могло легко решиться отказать в праве гонимым из стран деспотизма и несправедливости. Билль был принят парламентом в смягченной форме. Был установлен контроль при высадке переселенцев в английских портах; больные и бедняки, не могущие уплатить 5 фунтов за себя и по 2 фунта за каждого члена своей семьи, не выпускались на берег; но все эти строгости не распространялись на лиц, вынужденных эмигрировать из родины „вследствие религиозных или политических гонений“. Последняя оговорка, шедшая в виду русских и румынских евреев, была внесена по предложению самого английского правительства. Путь эмигрантам в Англию, таким образом, не был отрезан, а только затруднен. Впрочем, обострение рабочего вопроса в Англии в те годы само по себе удерживало многих от переселений туда.

Был момент, когда казалось, что призрак антисемитизма пропал по стране и что свободной Англии не миновать этой язвы века. В августе 1911 г. в углепромышленном районе Южного Уэльса, с его знаменитым Кардифом в центре, произошли кровавые события. В Тредегаре и нескольких других городах в связи с объявленной забастовкой рабочих, уличная толпа громила еврейские дома и лавки и грабила имущество. В толпе слышались крики, что евреи-домовладельцы поднимают квартирную плату в своих домах, а лавочники взыскивают судом деньги за товар, отпущенный рабочим в кредит. Как выяснилось потом на суде, кучка евреев была в этом повинна не более, чем христианские домовладельцы и лавочники, но чья-то темная агитация направила толпу против иностранных евреев, как раньше двинула ее против китайцев в угольных копях Кардифа. Английское общество и пресса были возмущены этими погромами; вожди рабочих союзов обвинили, что в уличных эксцессах участвовали только хулиганы из местных углекопов; митинг протеста в самом Тредегаре выразил этим буянам свое „глубокое презрение“, а „мирым согражданам евреям“—свое сочувствие; суд наказал виновных тюремным заключением и возместил убытки потерпевшим. Тем не менее осадок горечи остался в душе английских евреев: погром в Англии, хотя и без человеческих жертв и без поддержки властей, казался чем-то зловещим. Сначала можно было утешаться тем, что это—антиаллевиизм, а не антисемитизм; но бывали случаи, свидетельствовавшие о противном. В некоторой части английской прессы вслесь агитация против двух евреев-министров в кабинете Асквита—Герберта Самюэля и Руфуса Айзекса, которые обвинялись вместе с канцлером казначейства Ллойд-Джорджем (позднейшим премьером) в корыстных целях при заключении договора с компанией беспроволочного телеграфа Марconi. Парламентская комиссия расследовала дело и признала обвинение ложным, а премьер Асквит выразил в парламенте свое возмущение по поводу „призыва к расовым и религиозным страстям“ (1913). Один идеолог английского антисемитизма, Честертон, считал нужным заявить, что он не столько антисемит, сколько „асемит“, не желающий, чтобы евреи, стрекшавшие от своей национальности, вступали в английскую нацию, ибо еврей не может сделаться англичанином и должен занимать особое положение в обществе. Поскольку под „особым положением“ не

подразумевалось сгравичение гражданских прав, такая агитация была направлена лишь против ассимилированных евреев и носила характер культурной борьбы.

В отличие от ассимилированного лондонского Вест-Энда, эмигрантский Ист-Энд не проявлял никаких стремлений к провинциализму в английском обществе. Еврейский язык в частной и публичной жизни, еврейские газеты и народный театр, особые труд-жизни рабочих-евреев, сеть общинных учреждений и партийных организаций,—все это придавало восточному Лондону вид города русской черты оседлости. Тяжело жилось здесь, в кварталах Уайтчепела, сотысячной массе давних и новых переселенцев. Практиковалась прежняя „потогонная система“ в портняжных мастерских и на фабриках готового платья, где за 14-часовой рабочий день обыкновенно платили три шиллинга. Патриархальная бедность литовско-польских городов проявлялась здесь в модернизованных формах пролетарского быта. Против этой грубой эксплуатации труда боролись свои же профессиональные союзы рабочих, которые по временам устраивали стачки, требуя сокращения рабочего дня и повышения платы. Иногда еврейские и христианские рабочие действовали солидарно. Когда весной 1912 г. забастовали портные-христиане богатого Вест-Энда, еврейские портные Ист-Энда отказались исполнять заказы, переданные из другой части города, и даже сами забастовали с целью поддержать товарищей. Эта солидарность пролетариата обеих национальностей служила наилучшим предохранительным средством против столкновений, вызываемых конкуренцией пришлого труда с туземным.

Классовая солидарность с туземцами не мешала в общем национальной самобытности еврейского Ист-Энда. Конечно, дети эмигрантов, прошедшие через английскую школу, проявили склонность к европеизации в английском духе и отличались от своих патриархальных отцов, но до полного отчуждения между двумя поколениями не доходило. Напротив, группы эмигрантской молодежи, обучавшейся в английских университетах, образовали свои национальные студенческие союзы—сионистский в Оксфорде и общенациональный в Кембридже. Это небывалое в Англии событие (1909) встревожило образованных „англичан иудейского исповедания“. Их испуг особенно усилился, когда в газетах появилась беседа одного журналиста с видным лондонским сию-

пистом, адвокатом Бевтвичем, который заявил, что еврейские студенты должны устраивать свои национальные союзы, ибо люди, не происходящие от родителей-англичан, не могут быть англичанами по национальности или по духу. В ответ на это заявление, 25 представителей лондонского еврейского общества (Клод Монтефиоре, лорд Ротшильд и др.) опубликовали в „Еврейской Хронике“ следующий протест: „Нас глубоко огорчает утверждение, будто евреи не являются всецело англичанами по духу и не могут стать таковыми. Мы отвергаем различие, проводимое между евреями и лицами, происходящими от английских родителей, ибо полагаем, что евреи могут считаться природными англичанами, исповедуя иудейскую религию. Иудаизм не препятствует своим последователям быть англичанами по духу. Мы считаем опасным то, что еврейская молодежь пропитывается взглядами, которые ведут к отчуждению евреев от прочих англичан. Это может возбудить сомнения в патриотизме евреев. Мы не находим, чтобы было логично требовать прав и обязанностей английского гражданства со стороны лиц, которые не могут вполне слиться с английской нацией и быть англичанами по духу“. Рабский страх звучал в этих словах гордых патристцев: они боялись, чтобы кто-либо не стал нарушенными условия, на которых евреям дали равноправие в Англии. Плебеи восточного Лондона не считались с этими упительными условиями национальной кастуляции, и даже коренной английский народ не требовал от евреев, чтобы они были „англичанами по духу“. Страхи еврейского Вест-Энда не оправдались, и ему предстояло еще многому поучиться у пришельцев Ист-Энда для того, чтобы перейти в фазис синтеза старого и нового еврейства.

Национальная идея проникла постепенно в страну, где, гость евреев считалась уже затеряною среди христианских масс — в Италию. Здесь не было и того притока национальной энергии, который приносили с собою в Англию и Францию восточные эмигранты, ибо Италия сама послала свою бедноту в Америку, по пути страждущего еврейства. Все в строе итальянской общественной жизни благоприятствовало ассимиляции евреев. Политическое и гражданское равенство осуществлялось в полном объеме. По-прежнему, евреи часто занимали видные посты на государственной и общественной службе. Бывший профессор-юрист, многолетний член парламента Луиджи Луццати был

некоторый успех во время итальянско-турецкой войны 1911—1912 гг., окончившейся присоединением африканских провинций Триполи и Киренаики к Италии. Война, всегда возбуждающая дурные страсти под маскою патриотизма, сблизила либералов с клерикалами, и на этой почве появились ростки антисемитизма. Когда в немецких и английских либеральных газетах были напечатаны статьи против завоевательной политики Италии, итальянские газеты заговорили о враждебности заграничной „еврейской“ прессы к Италии и предпамеренной ее агитации в пользу Турции. Клерикалы доказывали, что иначе и быть не может, ибо при борьбе христиан с мусульманами евреи всегда стоят на стороне ислама, стремясь искоренить христианство. Вредных последствий эта агитация не имела. Еврейская делегация с Луццати во главе, представившаяся королю Виктору Эммануэлю II в марте 1912 г., выслушала от него много хороших успокоительных слов. Король-гражданин демонстративно посетил синагогу в Риме и еще одну в провинции и там, в ответ на приветствие, произнес речь, в которой восхвалял „патриотизм и высокие духовные качества евреев“. С благополучным окончанием африканской войны, потребовавшей жертв и от еврейского населения, антисемитская вспышка в Италии погасла.

Однако, промелькнувшая тень антисемитизма заставила чутких людей призадуматься. Пропаганда сионизма стала больше привлекать внимание; пробуждалось национальное сознание, особенно среди молодежи. Осенью 1911 года во Флоренции, по инициативе раввина С. Маргаллота, состоялся съезд еврейской молодежи, где говорились пламенные речи о духовном возрождении нации, о воссоздании „дивинического иудаизма“ с его высокими социально-этическими идеалами, о национальном воспитании и развитии еврейской культуры. Было решено объединить ранее существовавшие кружки „Еврейской Культуры“ (*Pro cultura Ebraica*) для чтения рефератов по еврейской истории и современным проблемам, открывать курсы для изучения еврейского языка и литературы. На съезде в Риме, в феврале 1914 года, говорилось о положении 30.000 евреев в присоединенных областях Триполи и Киренаики, сразу почти удвоивших численность итальянского еврейства. Из рядов молодежи национальное движение проникло и в среду людей старшего поколения. Возникла мысль о создании союза еврейских общин Италии, как символа национального

единства. Созванный для этой цели в Риме конгресс представителей общин (май 1914) не осмелился сразу образовать центральную организацию общин на автономных началах, но он уже наметил переход от конфессиональной к национальной общине. В принятом уставе общинного союза главной задачей его признава «забота обо всем, что представляет общий интерес для всех общин, особенно же о развитии еврейской культуры». Так началась, за три месяца до мировой войны, организация еврейства в стране, где в то время числилось 74 тысячи евреев (из них в европейской Италии 44.000). Мировая война, в которую скоро втянулась и Италия, прервала этот процесс национального возрождения.

Источники и литература.

§ 1. Marz, Der Sieg des Judentums über das Germanentum, Bern, 1879; Treitschke, Ein Wort über unser Judentum, Berlin, 1880 (Preussische Jahrbücher, Bd. 44—45); Mommsen, Auch ein Wort über unser Judentum, Berlin, 1880; Stöcker, Das moderne Judentum, Berlin, 1880; Dührin, Die Judenfrage als Rassen-Sitten- und Culturfrage, 1881; Auerbach, Das Judentum und seine Bekenner in Preussen, 1—21, 86—93, Berlin, 1890; M. Philippson, Neueste Geschichte des jüdischen Volkes, Bd. II, Leipzig, 1910 (не всегда точные указания).

§ 2.—Allgemeine Zeitung des Judentums, herausg. v. M. Philippson in Bonn, 1880—81; Mitteilungen vom Deutsch-Israelitischen Gemeindebunde, 1880—81 (Leipzig); Auerbach I. с. 21—47, „Разсвет“, орган русских евреев. Петербург, 1880 (№№ 46—62) и 1881 г.; „Восход“ (ежемесячный журнал) в стд. „Византизмное обозрение“ и „Письма из Германии“, Петербург, 1881.

§ 3.—Allg. Zeit. d. jud. и другие еврейские журналы за 1832—1890 г.г.: Auerbach, I. с. 53—64, 93—99, 109—123; Philippson, I. с. II. 20—40, 123—125; Ed. Hartmann, Das Judentum in Gegenwart und Zukunft, Leipzig, 1885 (см. Метцлазский, Эдуард Гартман о евреях, „Восход“ 1885 г., кн. 9—10); Singer, Briefe berühmter Christlichen Zeitgenossen über die Judenfrage, Wien, 1835 (см. „Восход“ 1836, кн. 4), Auerbach, I. с. 58—64, 93—99, 109—111, 117 сл.

§ 4.—Mitteilungen aus dem Verein Zur Abwehr des Antisemitismus, Berlin, 1891—96; Ксагенский процесс, stenографический отчет („Восход“, 1892 г., кн. 7—12); P. Nathan, Der Prozess Buschhof, Berlin, 1892; Коницкий процесс—„Восход“ (ежедн.) 1900 г., № 29 и 1901 г., №№ 10—12; Левин, Деятельность Совета германских граждан иудейского поповедания („Восход“ 1897 г., кн. 1); Chalmerslain, Die Grundlagen des XIX Jahrhunderts, 1899 (известен русск. перевод изд. Суворина, 1907).

§ 5.—Kurrin, Die Juden der Gegenwart, Berlin, 1904 (русск. перекл. изд. „Сафрут“, Москва 1907: „Евреи нашего времени“); Руппин. Социальное положение евреев в Германии, статистический очерк („Восход“ 1902 г., кн. 4 и 9); Samter, Judentum im XIX Jahrhundert, Berlin, 1906; Philippson II, 129, 139, 175, 256; Дубнов, Историкограф еврейства Грец („Восход“ 1892 г., со 2-й книжки).

§§ 6 и 7.—Oesterreichische Wochenschrift, herausg. v. Dr. Bloch, Wien, 1894—96; Bloch, Acten und Gutachten in dem Prozesse Rohling, Bd 1—2, Wien, 1890—91; Auerbach, I. с. 48—49, Philippson, II, 69—76, 81—87.

Die Juden in Oesterreich, herausg. v. Bureau für Statistik d. Juden, Berlin, 1908; ср. Кареев, История Западной Европы, т. VI, ч. 2, глава «Обострение борьбы национальностей в Австро-Венгрии» (Сиб. 1014).

§§ 8 и 9.—Кроме названных выше источников, см. Veritas, Письма из Галиции („Восход“ еженедельн. 1893—1891 г.г.); Auerbach, 61—69 (процесс Риттера); Кастилянский (ред.), Формы национального движения в современных государствах, Сиб. 1910 (о страхах Славянской Австрии); P. Nath an. Der Prozess von Tissa-Isaac, Berlin, 1892 (ср. отчет о тисса-исахарском деле в „Хронике Восхода“ 1893 г., №№ 24—33 и в выдержках „Восхода“ 1893 г., кн. 7—12).

§ 10.—Die Juden in Oesterreich, Kap. 5—9; Ландау, Средиземное еврейское пролетариат (Галиция), Одесса, 1898; Weissberg, Aufklärungsliteratur in Galizien, Kohnberg, 1898; Критик у: Еврейский вопрос в романе („Восход“ 1895 г., кн. X, Литер. Летопись); Травим еврейской жизни в рассказах Фрайдоза (там же 1896 г., кн. 3); Парацели из жизни (там же, 1898 г., кн. 5—6; о романе Братеса); Еврейские видения Захер-Мазоха (Там же, 1899 г., кн. 1).

§§ 11—13.—Levaillant, La genèse de l'antisemitisme sous la troisième république (Rev. d. et. juiv. 1907); Рамбро, Антисемитизм во Франции („Восход“ 1884 г., кн. 1—2); Dugmont, La France juive, Paris, 1896; Rejnach, Histoire de l'affaire Dreyfus, vol. 1—6, Paris, 1901—1908; Dreyfus Case (Zewish Encyclopedia, vol. IV); Людвиголь, Бернар Лазар („Восход“ 1900, кн. 5); Дармштетер, Les prophètes d'Israël, Paris, 1892 (ср. „Восход“ 1904 г., кн. 7 и 9, ст. „Профетизм“).

§ 14.—Jewish Chronicle, London, 1881—1900; Kissel and Lewis, The Jew in London, 1901; Рапопорт, Евреи в Лондоне („Восход“ 1901 г., кн. 2); Руткии, Евреи современной Италии (там же, 1894 г., кн. 3—4); Новик, Jüdische Statistik, Berlin, 1903; Статья „Netherlands“ в Jew. Encyclopedia, vol. IX, 242—33; русско-еврейские периодические издания этой страны.

§ 15.—Allgem. Zeitung d. Judentums 1901—1914; Der politische Antisemitismus 1903 bis 1907, herausg. v. Verein Zur Abwehr d. Antisemitismus, Berlin, 1907; Philippson, I. c. II, 56—68, 179, 255; Sombart, Die Zukunft der Juden, Leipzig, 1912; Ruppin, Die Juden der Gegenwart, ed. 1911.

§ 16.—Die Juden in Oesterreich (статистика), 1903; Кастилянский, Формы национального движения, стр. 3—68 и 181—189; Берибаум, Еврейская политика в Австрии (обзор „Еврейской Мир“ 1910, кн. 3); периодические издания 1901—1914 г.г. (Allg. Zeitung и др.).

§ 17.—Jewish Chronicle и Archives Israelites 1901—1914 г.г. „Новый Восход“ и „Рассвет“ за те же годы; „Газетт“ (журн. на евр. языке), томм 26—30, а иностранных обзоров: Philippson, II, 261—284; American Jewish Year-Book, 1911—12.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

стр.

Глава I.—Антисемитизм в Германии (1881—1900 г.г.).

1.	Новая юдофобская реакция и ее причины.	3
2.	Антисемитская петиция и травля евреев (1880—81 г.г.)	16
3.	Конгрессы антисемитов и усиление мартин (1882—90 г.г.)	27
4.	Антисемиты в парламенте. Ритуальные процессы и союзы обороны (1891—1900 г.г.)	36
5.	Статистика. Внутренняя жизнь	46

Глава II.—Антисемитизм в Австро-Венгрии (1881—1900 г.г.).

6.	Немецкая Австрия. Агитация в Вене и процесс Розинга	53
7.	Антисемиты в Чешской Городской Думе	61
8.	Славянская Австрия: Галиция и Богемия	83
9.	Вспышка антисемитизма в Венгрии и тисса-исларское дело	74
10.	Внутренняя жизнь и литература	98

Глава III. Малые центры еврейства в Европе до конца XIX века.

11.	Антисемитизм во Франции	89
12.	Дело Дрейфуса	94
13.	Внутренняя жизнь французских евреев	101
14.	Англия, Голландия, Бельгия, Италия, Швейцария, Скандинавия, Испания и Португалия	106

Глава IV. Западное еврейство в начале XX века до мировой войны (политический обзор).

15.	Германия (1901—1914 г.г.)	119
16.	Австро-Венгрия (1901—1914 г.г.)	127
17.	Франция, Англия и Италия	136
Источники и литература		146